

В. МЕЛЕНТЬЕВ

ЧЕРНЫЙ СВЕТ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

В. МЕЛЕНТЬЕВ

ЧЕРНЫЙ СВЕТ

**ФАНТАСТИЧЕСКАЯ
ПОВЕСТЬ**

**ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»
Москва 1970**

В повести «Черный свет» действуют герои книг В. Мелентьева «Голубые люди Розовой земли» и «33-е марта» — Юрий Бойцов и Вася Голубев.

Мальчики подружились и во время летних каникул случайно обнаружили на берегу будущего водохранилища инопланетный космический корабль, а в нем машину вездехотоходолав. Друзья-пятиклассники совершают на ней кругосветное путешествие, во время которого с ними происходят невероятные приключения. О них и рассказывает последняя часть трилогии В. Мелентьева, фантастическая повесть «Черный свет».

Рисунки

А. Елисеева и М. Скобелева

Глава первая

Самое страшное

I

Самым тяжким, самым страшным, наконец, самым невыносимым обстоятельством для Юрия Бойцова оказалось то, что, возвратясь из своего космического путешествия, он вынужден был молчать, то есть сохранять тайну.

Конечно, когда его отругала мать, а потом наказал отец, хранить тайну не составило особого труда: если тебя ругают и очень обстоятельно доказывают, что на всем белом свете нет ни одного человека хуже, чем ты,— в этом случае своими тайнами делиться не хочется. Не та обстановка. Так что ни родителям, ни бабушке Юрий Бойцов ничего не рассказал. Он твердо стоял на своем:

— Пошел в лес, заблудился... Вот и всё.

Бабушка первой стала на его сторону и, вспомнив, что она не только бабушка, но еще и мать Юркиного отца, накричала на своего сына:

— Сам-то забыл, как пять дней пропадал?! Я за

ним всю округу обегала, отец-покойник сапоги в лесу стоптал, его разыскивая, всех дружков на ноги поднял. А ты что тогда делал?

— Ну, мама...— поморщился отец.

— А что «мама»! Забыл? Так я тебе напомним. Переплыл на остров на нашей реке и решил стать Робинзоном. Ну, выпороли тебя, и дело с концом. А ты, как старик, зудишь и зудишь! Все воспитываешь ребенка. Ты ему всыпь по первое число, чтобы понял, как в следующий раз пропадать неизвестно где,— на том и делу конец. А то куда же это годится — сидит парнишка наказанный, никуда его не пускают и целый день воспитывают. Не то что мне, а собаке и то тошно стало.

Шарик смотрел грустными, преданными глазами на Юру и то печально вилял обрубком хвоста, то неодобрительно вертел головой, словно желая сказать:

«Попадает тебе, хозяин? Попадает... А ведь если бы рассказал все, как было на самом деле, может, и не ругали бы... Может быть, как раз наоборот—стали хвалить. И мозговые косточки бы покупали, и гулять отпускали».

— Видишь ли, мама,— ответил отец бабушке,— настоящий мужчина не тот, кто никогда не совершает ошибок. Настоящий мужчина тот, кто понимает свои ошибки, умеет их исправлять, а когда из-за этих ошибок у него бывают неприятности или даже наказание — он их стойко переносит. И не жалуется, потому что понимает — сам виноват. Так вот... Я лично Юрия не держу. Если он считает, что мое наказание — десять дней не выходить из дому — несправедливо и он ни в чем не виноват, пусть идет куда хочет: у него каникулы. Но если он понимает, что виноват, если он настоящий мужчина, то уж пусть не жалуется и стойко переносит наказание.

И отец ушел на работу.

Конечно, отец прав... Стойкость есть стойкость, и сила воли есть сила воли. Нужно уметь их воспитывать. И раз уж он и в самом деле пропадал неизвестно где, а родители волновались, наказание справедливо.

Вот если бы он мог рассказать родителям, что случилось с ним и Шариком на самом деле! Тогда все было бы по-иному. Но разве тебя поймут люди, которые заняты твоим воспитанием. Выслушают и скажут: «Не выдумывай!»

А еще лучше, если бы рядом был настоящий друг, который все понимает, всему верит и всегда готов разделить с тобой самые большие несчастья и самые сложные приключения. Но таких друзей у Юрия не было, потому что каникулы еще продолжались и товарищи разъехались по пионерским лагерям и родственникам.

А как нужен друг! С настоящим другом легче переносить все трудности наказания.

Юрий прерывисто вздохнул и побрел в глубь сада, в малинник. Здесь хорошо было лежать на мягкой стружечной подстилке, смотреть в небо, читать, мечтать и лениво есть поспевающую малину — крупную и сочную.

Но в этот день Юра обнаружил, что малина с ближних кустов уже съедена, и он передвинулся дальше, к самому углу сада. Только он поудобней устроился, как вдруг ему показалось, что на него кто-то смотрит. Кто и откуда, Юра еще не понимал, но чувствовал — за ним наблюдают. Он покрутился, привстал и встретился со взглядом мальчишеских глаз.

За забором из еловых кольев сидел парнишка с книгой в руках, жевал малину и смотрел на Юру.

Некоторое время они смотрели друг на друга, потом Юра спросил:

— Ты давно здесь?

— Нет. Пятый день.

— А-а... Никуда не ходишь?

— Меня не пускают,— вздохнул парнишка.

Оказывается, неприятности бывают не только у Юрия Бойцова; но и у других. Это успокоило Юрия. В конце концов, его неприятности такие, каким можно позавидовать, потому что никто другой на всем белом свете не имел и не очень скоро будет иметь подобных.

— Натворил что-нибудь? — покровительственно спросил он.

— Да нет. Просто...

— Ну, так просто ничего не бывает.

— Конечно, это не так просто, но я... я ничего особенного не натворил... А ты почему сидишь дома?

Юрий помялся и понял, что он не в силах больше скрывать свою тайну. Но открыть ее вот так, сразу, он тоже не мог и поэтому постарался оттянуть время.

— А ты сюда насовсем приехал или в гости?

— У меня родители геологи, и потому мы никуда насовсем не приезжаем. Сейчас приехали на несколько лет.— Он вздохнул.— Из-за меня.

— Ты что, больной, что ли?

— Понимаешь, сам не знаю...— вздохнул парнишка, и Юрий почувствовал, что у того тоже есть какая-то невероятная тайна и что ему тоже хочется поделиться с кем-нибудь этой тайной.

— Как это — не знаешь? Просто, наверно, не хочешь рассказывать. Или не можешь, потому что — тайна.

Парнишка испытующе посмотрел на Юрия, потушился и опять вздохнул:

— Почти что так.

— Вот чудак, ты мне расскажи! — И скромно признался: — Я, знаешь... сам тоже кое-что испытал.

Парнишка за забором помялся, повздыхал. И тогда Юрий понял, почему он мнетя: нельзя же откры-

вать тайны через забор. Бойцов решительно потряс старые колья, выдернул проржавевшие гвозди и сделал лаз. А когда он сел рядом с парнишкой, тот сразу начал рассказывать:

— Со мной произошло нечто совершенно невероятное. Весной я поехал с товарищем за мамонтовым зубом, провалился в старый шурф — это такая яма в вечной мерзлоте — и не то замерз, не то заснул. А когда отмерз вместе с мамонтом, то оказался в двадцать первом веке. Насмотрелся всего, а потом опять заснул и вот... очутился в наших днях. Как это со мной произошло, я не понимаю. Но родители очень за меня испугались и взяли перевод с Крайнего Севера на строительство вашей гидростанции. И так как я здесь никого не знаю и они не очень на меня надеются, то никуда одного не пускают.

Юра понял не все и потребовал объяснений. Парнишка рассказывал очень обстоятельно и так подробно и детально, что не поверить ему Бойцов не мог. И тогда, в свою очередь, Юрий рассказал о том, как он и Шарик встретились с голубыми космонавтами с Розовой земли, как отправились с ними в космическое путешествие, побывали на планете Красных Зорь и вернулись домой. Вероятно, он рассказывал достаточно убедительно, потому что парнишка сразу же поверил ему и сочувственно отметил:

— Самое неприятное, что обо всем этом никому и рассказать нельзя — не поверят.

— Вот в том-то и дело! — воскликнул Юрий. — Даже обидно... Тебя, кстати, как зовут? Меня — Юрка.

— А меня — Вася Голубев...

Вот так и познакомились два человека, которые побывали в фантастических переделках, узнали технику будущего и прикоснулись к самым невероятным научным тайнам, о которых еще только мечтают самые ученые академики на Земле.

На третий день их знакомства выяснилось, что мамы Юрия и Васи учились когда-то в одной школе. На четвертый — что папы Голубев и Бойцов воевали на одном фронте. А на пятый — сыновья получили амнистию и им разрешили отправиться в лес.

Они взяли с собой корзины для грибов, завтраки и пошли прямо к той самой земляничной полянке, на которой Юрий не так давно впервые обнаружил космический корабль голубых людей.

Лес был торжествен и прекрасен. Недавние дожди обмыли его, яростное солнце высушило, и теперь он источал запахи перегретой хвои, поздних цветов, вошедших в силу папоротников и грибов.

Юрий заглядывал под елочки и березки, а Шарик носился по всему лесу. Уши у него стояли торчком, обрубок хвоста повиливал, а темная пуговка носа все время дергалась. Шарик прищухивался и пофыркивал.

Когда он в очередной раз вынырнул из лесной чащи, Бойцов увидел под елкой красивый белый гриб. Он был так хорош, что Юрий вначале любовался находкой и только после этого стал на колени, осторожно срезал гриб. Глубоко в земле осталось белое пятнышко, словно в лесу кто-то обронил двадцатикопеечную монету. Шарик обнюхал находку.

— Вот если бы ты нашел десяток таких красавцев, — сказал Юрий, — цены бы тебе, собака, не было.

Шарик внимательно посмотрел на хозяина, и Юрий, потрепав его по загривку, подумал на языке голубых людей: «Запомни запах этого гриба и давай ищи».

Шарик опять обнюхал этот гриб, радостно взвизнул и бросился в лес. Подошел Вася Голубев, взял гриб, покачал его на ладони и спросил:

— Вот это и есть белый гриб?

— Да. Белый гриб боровик, всем грибам полковник. А ты что, разве не знаешь?

— Видишь ли, там, где я жил, грибы, конечно, имелись, но местные жители их почему-то не собирали. И я не обращал внимания. Но недавно мама купила грибов на базаре, зажарила, и я понял, как же это вкусно!

— Еще бы!

В это время совсем неподалеку раздался лай Шарика. Пес выскочил из-под кустарника и требовательно потянул Юрия за штанину.

— Ты что, собака? — недоуменно спросил Юрий: такого с Шариком еще не бывало.

Шарик твякнул и побежал к кустам. Юрий пошел за ним, а когда прорвался сквозь заросли, увидел Шарика, который стоял над огромным белым грибом. Шарик довольно улыбался, так, как мог улыбаться только Шарик. «Ну что, хозяин, я тебя так понял?» — лукаво глазами спрашивал он.

— Ну ты молодец! Молодчага! — закричал Юрий и присел над грибом.

Шарик отпрыгнул в сторону и залаял. Юрий посмотрел на него и увидел, что он стоит возле второго гриба. Собака напала на грибницу, которая распространяется под землей по кругу или овалу.

— Вася, давай! Срезай! — крикнул Бойцов.

Но прежде чем Вася срезал гриб, Шарик отскочил в сторону и опять залаял: там снова был гриб.

С этой минуты земляничная полянка, где приземлялся космический корабль, была забыта. Оба мальчика только и успевали срезать грибы, которые находил неутомимый Шарик. Он носился по лесу как угорелый, обнюхивал землю, древесные пни и корни и безошибочно находил не только крупные, уже поднявшиеся над землей грибы, но и совсем маленькие гри-

бочки, которые еще едва начинали проклевываться сквозь прелый лист, прошлогоднюю траву и хвою.

Но находил он только белые грибы, равнодушно пробегая мимо маслят, подберезовиков и подосиновиков и, уж конечно, не обращая внимания на всякие сыроежки и рыжики. И хотя, конечно, каждому грибнику было очень лестно набрать одних белых грибов, Юрию показалось, что Шарик слишком легкомысленно относится к лесному богатству. Поэтому, как только ему на глаза попались другие съедобные грибы, он срезал их, а потом подозвал Шарика и дал ему понюхать и подосиновики, и подберезовики, и рыжики, и разноцветные сыроежки. Шарик недоуменно посмотрел на него.

«Это тоже может пригодиться, хозяин? А других не нужно? А то мне и другие попадаются...»

— Других, Шарик, не нужно, а вот эти разыскивай.

Шарик работал исправно. Он разыскивал то целые колонии рыженьких липких маслят, то грибницу белых грибов или подберезовиков, и корзины тяжелели с каждой минутой. Уже через час пришлось возвращаться домой.

Необыкновенные грибные успехи парнишек покорили и родителей и бабушек. Из ненадежных людей ребята превратились в умников, которые, если захотят, могут быть замечательными сыновьями и внуками. Такова логика взрослых. Если ты сделал что-нибудь приятное для них — ты хороший. А если сделал приятное самому себе, так ты неизвестно что: «горе горькое» или «горе луковое».

У взрослых есть одна особенность — они очень любят хвалиться. В магазине и на рынке успехами внуков похвалились бабушки, на работе успехами сыновей — папы и мамы. Весть эта мгновенно облетела небольшой городок, и на следующий же день ближний лес превратился в шумный парк — везде бродили грибники. Когда ребята опять собрались в лес, он был вытоптан и замусорен обрывками газет и консервными банками. Шарик хорошо помнил свою задачу и кругами носился по лесу, но почти все грибы были

выбраны, и даже пес на сей раз редко разыскивал белых красавцев.

Ребята все дальше и дальше углублялись в вековые чащи леса, как вдруг перед ними открылась огромная чаша карьера, из которого совсем недавно возили на строящуюся плотину чистейший песок.

Отсюда, от опушки, видны были необозримые дали реки, ее противоположный крутой берег, на котором тоже синели леса. Можно было догадаться, что карьер оставлен не случайно. В будущем, когда реку перекроют и она разольется широким морем, его вода заполнит карьер и желтоватые обрывы его станут берегами. Получится отличный затон.

Но как раз этого ребята не поняли; они только обратили внимание на странное поведение Шарика, который остановился на самом краю обрыва и, тревожно поднимая то одну, то другую лапу, старательно принюхивался к теплым потокам воздуха, идущим от разогретого солнцем, выглаженного дождями белесого дна карьера.

Ребята подошли к Шарикю, долго смотрели на открывшися дали, а потом сели и свесили ноги. Шарик то виновато терся о Юрино плечо, то тихонько и тревожно повизгивал, бегая вдоль обрыва, принюхиваясь и прислушиваясь.

Когда он подбегал к ребятам, у него в глазах светились удивление и растерянность.

«Ничего не понимаю... Чудится мне что-то очень знакомое и, кажется, опасное, а что именно — понять не могу. Даже, может, и понимаю, но не могу в это поверить!»

Он был так встревожен, так озабочен, что, кружась на кромке обрыва и вокруг ребят, даже задел и чуть не опрокинул Васину корзину. Юра рассердился и вскочил, чтобы отодвинуть корзину подальше.

— А то этот косолапый тумус¹ все рассыплет...— еще успел сказать он.

Потом случилось непредвиденное. Видимо, от резкого толчка Юриных ног кромка карьера дрогнула и высохший на солнце песок ручейками заструился вниз. Верхний, дерновый слой стал оседать, и Вася Голубев, еще не понимая, в чем дело, попытался ухватиться за выгоревшую на солнце траву...

Песок струился все стремительней и гуще, дерн оседал все быстрее и, наконец не выдержав Васиной тяжести, обрушился песчаной лавиной. Голубев покатился вниз, увлекая за собой новые глыбы песка.

Юрий успел только ахнуть, а Шарик громко залаял и смело бросился вслед за Васей. Струющийся песок подхватил и его, несколько раз перевернул, а потом заботливо, даже нежно доставил на дно карьера.

Все случилось так быстро, что Вася не успел ни испугаться как следует, ни обратить внимание на самоотверженный поступок настоящего друга человека. Когда он понял, что ничего страшного с ним не произошло, то радостно заорал со дна карьера:

— Эх и здóрово!

Юре, который сначала испугался за товарища, тоже очень хотелось закричать или сделать для Васи что-нибудь необыкновенное. Поэтому он тоже заорал страшным голосом и прыгнул с кручи на еще струющийся песок.

Песок принял его мягко и любовно, подхватил и понес прямо к ногам Шарика и Васи.

— Эх и здóрово! Давай еще разок? — сказал Юра, поднимаясь во весь рост и отряхиваясь.

— Давай,— сразу согласился Вася, и они вскарабкались по осыпавшемуся склону обрыва.

¹ Тумус — на языке голубых людей это выражение, характеризующее неумную, вздорную личность.

Разогнавшись, они прыгнули на сыпучий ослепительный песок.

Как и следовало ожидать, вся высохшая на солнце стена карьера пришла в движение, обрушилась и понесла ребят на самое дно.

Когда они выбрались из шуршащих потоков, хохоча и отплевываясь, то услышали тревожный лай Шарика.

— Что это он так разошелся? — спросил Вася и вдруг широко открыл глаза.

Юра, проследив за удивленным взглядом Васи, открыл рот и замер.

II

В стене обрыва, тускло поблескивая на солнце, виднелся не тронутый ржавчиной какой-то огромный металлический предмет. Собственно, обнажена была только часть предмета, потому что потихоньку осыпавшийся песок медленно открывал огромное сигарообразное тело этого таинственного предмета.

У Юрия сразу пересохли горло и язык, он прошептал:

— Послушай... Это... кажется...

— Что — кажется? — спросил Вася сдавленным голосом и тоже почему-то шепотом.

— Я еще не знаю. Но мне кажется...

Мальчишки переглянулись и, не сговариваясь, бросились к металлическому предмету.

Они карабкались вверх, но песок на этом участке карьера осыпался как-то особенно стремительно, и они сползали вниз, потом снова карабкались, но добраться до предмета так и не смогли. Поглядывая на грозно поблескивающий металл, они не знали, что предпринять.

— Послушай, а может, это бомба?—наконец спросил Вася.

— Скажешь тоже! Бомбы всегда ржавые. Сколько ведь лет лежат...

— А может быть, она какая-нибудь особенная?

— Брось! Наш город никогда не бомбили. Может, до него даже и самолеты не долетали. Откуда же взяться бомбе?

— Тогда... что же?

— В том-то и дело. Такой металл я видел только на космическом корабле.

— Бро-ось...— растерялся и даже как будто обиделся Вася,— не свисти.

— Как хочешь, можешь не верить,— пожал плечами Юрий и немного обиделся: дружили-дружили, обсуждали-обсуждали, а Вася вдруг не поверил.

— Да нет, не в том дело... Корабль-то под песком.

— Ну и что, что под песком?

— А то, что как он туда попал?

Некоторое время Юрий пытался найти или в крайнем случае придумать ответ на этот резонный вопрос, но в голове не оказалось ни одной сколько-нибудь подходящей мысли.

— Надо разведать,— уклончиво сказал он.

— Как ты его разведаешь, если до него не доберешься!

— Сегодня не доберешься, а завтра?

— А до завтра сюда могут прийти другие...

Юрий оглянулся. Оставленный карьер был пуст. Даже следы на вымытом дождями песке исчезли. В его чистом и светлом покое таилось нечто древнее и безжизненное. И Юрий уверенно сказал:

— Нет, другие сюда не придут.

Они взобрались на обрыв, подхватили корзинки и пошли домой.

Притихший Шарик то и дело останавливался и по-

смастривал назад. Он как будто предчувствовал, что их неожиданная находка может опять перевернуть всю его жизнь, и не знал — радоваться этому или грустить.

На улицах их останавливали и заглядывали в корзину. Грибы едва прикрывали дно, и знакомые и незнакомые прохожие сочувственно покачивали головой:

— Жарынь... Ничего не сделаешь.

— Первый слой прошел, теперь жди второго, — уточняли знатоки.

А это значило, что делать в лесу грибникам нечего.

Глава третья

Да здравствуют бабушки!

Операция «Неизвестность» продумывалась во всех деталях и подробностях в малинике. Она требовала осмотрительности, тайны и учета всех обстоятельств.

Для ее осуществления следовало взять лопаты, топорик, веревки, молоток и гвозди, чтобы на месте сколотить лестницу (не с собой же ее тащить за тридцать земель, да ещё в лес), а также продукты, чтобы позавтракать и пообедать. И Голубеву и Бойцову совершенно ясно представлялись все трудности, которые им предстояло преодолеть. Сметка, мужество и физическая выносливость у них, конечно, имелись, а вот время... Времени могло и не хватить. Они потратили весь вечер на то, чтобы уговорить родителей разрешить им заночевать в лесу. Собственно, уговаривать пришлось родителей Юры Бойцова. У Васи вопрос решился довольно быстро и хорошо: его родители — геологи, сами привыкли к дальним странствиям в на-

стоящих дебрях и пустынях. Старшие Голубевы посоветовались и не только разрешили ночевку, но еще и отдали Васе свою старую, всю в почетных подпалинах, выцветшую на далеком солнце палатку, котелок, в котором когда-то варилось мясо медведей и оленей или уха из тайменей или ленков.

А вот у Юрия вышли осложнения. Возмутилась, конечно, мама:

— Что это еще за выдумки — два дня в лесу! И так пропадал неизвестно где, и тебя даже не наказали за это как следует.

— Хорошо, — скромно ответил Юрий, — раз вам не нужны грибы, я никуда не пойду.

После этих хорошо продуманных слов насторожилась бабушка:

— Почему это никуда не пойдешь? У меня маслята недомаринованы и для белых грибов еще место есть. Нет уж, батюшка, ты иди-то иди, но только не на два же дня.

— Я же вам русским языком объяснил — в ближнем лесу грибов нет.

— А в дальнем они выросли? — ехидно спросила мама.

— Конечно! Вчера мы нашли такое место, где они растут, а везде не растут.

— Удивительные грибы!

— При чем здесь удивительные?! Просто поблизости народу знаешь сколько набежало и все грибы повыбрали, и потом, везде жара, а там... подальше..

— А там Северный полюс?

Тут уж Юрий обиделся всерьез и замолчал.

Вмешалась бабушка:

— А что ты думаешь, может, как раз там и прошли дожди.

Юрина мама деланно рассмеялась и передернула плечами.

— Но так же не бывает. Дожди по заказу не вызываются.

— Ах, как ты все хорошо знаешь! — всплеснула руками бабушка. — Вызывать их, конечно, и не вызывают, это все фантастика, а вот грозы ходят там, где им вздумается. В одном месте может быть и сушь, а совсем рядом — проливной дождь. Ты разве такое не видела?

— Не знаю... Не знаю, — поморщилась мама, она всегда спорила с бабушкой по поводу воспитания сына. — А насчет Юры пусть решает отец.

В трудных случаях мама всегда поступала именно так: перекладывала свои решения на мужа, и если они оказывались неверными, он автоматически становился виновным.

Юрин отец знал это и не всегда радовался такому доверию. Поэтому он ответил неопределенно:

— Пропадать мальчику неизвестно где, по нескольку дней, совершенно одному...

— Папа, ведь я собираюсь не один, а с Васей. С соседом.

— Очень хороший мальчик, — немедленно вставила бабушка. — Очень хороший — тихий и вежливый. Всегда скажет «здравствуйте» и «до свидания». И родители у него очень приличные.

Конечно, отцу нужно было выпутаться из довольно сложного положения, в которое он попал, и он сразу понял, что бабушка подавала ему руку помощи. Он, притворно нахмурившись, спросил:

— Нет, это совершенно точно, что ты идешь с соседом?

— Конечно, точно!

— Гм... Ну, тогда это другое дело. Я и сам когда-то с удовольствием ходил в лес с ночевкой. Или на рыбалку.

— Ты забываешь, что тогда было совсем иное вре-

мя...—сейчас же вставила мама. Но какое это было время, не уточнила.

— Время как время. Сейчас даже еще лучше,— уже окончательно успокоился отец и посмотрел на маму ласково.— Я думаю, что вдвоем их отпустить можно. Народ они уже взрослый, пусть привыкают к самостоятельности. И нечего над ними трястись. Они мальчишки и, значит, будущие солдаты. А солдату нужно быть крепким и мужественным...

На эту тему отец мог говорить много и красиво, поэтому мама вежливо перебила его:

— Я же не против. Я просто так, как ты...

И тут бабушка сказала свое последнее слово:

— Надо ему харчишек собрать.

После таких слов Юрию очень захотелось закричать: «Да здравствуют сознательные бабушки!»

Но он не сделал этого. Он пошел готовиться к походу.

И

Операция «Неизвестность» началась довольно успешно. Вышли на рассвете, привалов не делали, не смотря на то что поклажа разъезжалась, рюкзаки были тяжелыми. К обрыву пришли вспотевшие и злые.

— По-моему, ставить палатку не стоит,— сказал Юрий.

— Почему?

— А зачем терять время? Надо сразу приступить к работе.

— Потом, когда устанем, труднее будет.

— Вот когда устанем, тогда и поставим. Ведь спать-то все равно захочется.

— Я бы не сказал, что это логично,— пожал плечами Вася, но спорить не стал. Главное заключалось все-таки в том, чтобы немедленно начать работу.

И она началась с того, что ребята вырубili три тоненькие, обреченные на засыхание елочки и, разрубив одну на части-перекладинки, сделали лестницу. Спустив ее в карьер, на кучу песка, они спрыгнули вниз и, поспорив, кто полезет первым вверх, решили вдвоем добраться до металлического предмета. Шарик крутился внизу и повизгивал от нетерпения.

Лестница ходила ходуном и поскрипывала, но ребята мужественно орудовали лопатами, обрушивая целые тонны песка, постепенно обнажая тускло и загадочно поблескивающий металл.

Шарик, который сумел подобраться к месту раскопок, обнюхивал и осматривал находку, отчаянно мешая ребятам. Наконец решили сделать перерыв.

Участники операции «Неизвестность» спустились вниз, сели на дно карьера и стали рассматривать дело своих рук. Отсюда, издали, можно было увидеть то, что не замечалось вблизи, особенно в пылу азартной работы. Обнаруженный предмет лежал плашмя. Похоже было, что его основание находилось гораздо глубже выработанного дна карьера.

Вася вздохнул:

— Тут не то что лопаты... Тут экскаваторы и те не сразу отроют.

— А что это все-таки, как ты думаешь?

— Не знаю... Может, и в самом деле космический корабль?

— Похоже. Но как он мог очутиться под песком?

Они помолчали.

Вася высказал свое предположение:

— Взять, например, вечную мерзлоту. Ведь она только называется вечной, а на самом деле там, где она существует, давным-давно были тропические леса. А еще раньше там было море, а до того, как образовалось море, тоже были леса, только там были дру-

гие леса, а уж потом, мне рассказывал отец, тоже в относительно давние времена, образовалась вечная мерзлота.

— И ты думаешь, что здесь когда-то было море?

— Конечно. Откуда же тогда взялся песок?

— Пожалуй. Ну и что?

— Вот я и думаю: когда-нибудь давным-давно жители другой планеты завернули на нашу землю, сели неподалеку от берега и отправились обследовать округу. А в это время случилась какая-нибудь катастрофа и корабль погрузился в море. Потом прошли века, много веков... и море, а может быть, река, которая впадала в этом месте в море, занесла корабль песком.

— А... а космонавты?

— Не знаю. Может быть, их спасла специальная экспедиция. А может быть...— Вася на минуту задумался и решил: — Нет, этого не может быть.

— Чего не может быть?

— Я подумал, что если они остались на земле, то, может быть, их потомки дожили до наших дней. Но вот этого-то и не может быть.

— А почему не может быть? Почему? — заступился за неведомых космических гостей Юрий.

— Понимаешь, с того времени прошло много, слишком много лет. Были катастрофы, смены материков и морей, оледенения... Даже ящеры не смогли выжить, а люди, пусть даже очень умные, тем более.

— Но если они умные, так они же могли что-нибудь придумать и спастись.

— Не знаю,— задумался Вася.— Не знаю. Мне кажется, что если их не спасли, они, наверно, погибли, потому что сразу приспособиться к климату, бактериям, воздуху новой планеты не так легко. Особенно к такой, какой была в то время наша Земля. Это тебе

не планета Красных Зорь, на которой все тихо и спокойно.

Что ж, с этим, пожалуй, можно было согласиться, хотя соглашаться никак не хотелось. Все-таки лучше бы те неизвестные космонавты выжили...

Тут Юрий улыбнулся: он пожалел космонавтов, которых, возможно, и не было. А ведь перед ними может быть совсем и не космический корабль. Значит, прежде всего следовало установить, что это за таинственный предмет, а уж потом делать предположения и выводы о том, что же в действительности произошло с их находкой.

Он взглянул на могучие, все еще скрытые песчаной толщей очертания металлического предмета и, переведя взгляд на уже очищенную от песка блестящую гладь металла, заметил вдруг нечто необыкновенное, чего раньше они с Васей не разглядели. Но что именно, Юра решить не успел, потому что обратил внимание на Шарика, неистово копающего песок в одном и том же месте, все больше и больше зарываясь под округлую стену таинственного предмета.

Шарик то стремительно работал передними и задними лапами, так, что из-под них летел песок, то с головой влезал в вырытую им нору и замирал там, наверняка нечто учуяв.

— Пошли! Шарик что-то учуял, — сказал Вася.

И в это мгновение Юрий наконец понял, что было то «нечто необыкновенное», поразившее его при взгляде на металлическое тело корабля.

— Смотри! — подтолкнул он Васю.

И тот сразу же увидел черту на глади металла, ровную, едва заметную черту. Как раз рядом с ней и летел песок из-под лап Шарика.

— Ты думаешь?..

— Копать! — крикнул Юрий и бросился на помощь Шарика.

Глава четвертая

Конец операции «Неизвестность»

I

После нескольких часов работы Юра и Вася, еще не решавшиеся вынести окончательный приговор вслух, оба про себя решили, что перед ними, конечно же, настоящий космический корабль. Им казалось, что стоит поработать еще часик-два, и, быть может, откроется его тайна.

Но на пути к тайне стоял Шарик. Он почему-то рвался в сторону от ясно теперь обозначившейся линии двери или люка, и рвался так настойчиво и упорно, что ребята перестали даже копать и наблюдали за странным поведением умного Шарика. А Шарик не обращал внимания ни на окрики хозяина, ни даже на его толчки. Шарик стал одержим, и ничто не могло остановить его. Он работал передними и задними лапами, обрушив на себя очередную порцию песка, выбрался из-под нее, отряхнулся и стал тереть лапой нос и фыркать. Потом побежал вниз и долго бегал там, приюхиваясь к стене карьерного обрыва. Наконец

он вернулся к раскопкам, тщательно обнюхал металл, исследовал песок вдоль всей линии раскопок, и опять в воздух полетели облачка́ песка — он начал рыть на прежнем месте.

— Что бы это могло означать? — спросил Вася.— Ведь если рассуждать логически, то за те тысячелетия, а может быть, и миллионы лет, что корабль...

И тут Вася осекся. Ведь если перед ними действительно космический корабль, то они не должны, не имеют права самостоятельно заниматься раскопками. Одно неосторожное движение, один необдуманый поступок может привести к непоправимым последствиям.

Кому известно, что таится в этом скитальце Вселенной? А может быть, в нем смертоносные бактерии и вирусы? Сейчас, закупоренные в корабле, они никому не опасны, но если их неосторожно выпустить в воздух... Даже страшно подумать, что может произойти.

Или другое: еще никто не знает, какие двигатели на этом корабле, какое горючее и каковы его запасы. А вдруг они при соприкосновении с окружающим воздухом возьмут и взорвутся?

Наконец, самый простой, мирный вариант. Ничто не взрывается, никаких вредных бактерий на корабле нет, потому что за время, пока он лежал под слоем песка, они все подохли — им ведь тоже нужно чем-то питаться. Словом, корабль совершенно стерилен, безопасен и миролюбив. Но ведь, кроме всего прочего, это ценная находка для ученых...

Вася и Юра думали еще об очень многом, но вслух ничего не говорили — так много мыслей и чувств вызывало у обоих это слово: «корабль». Но первым все-таки высказался Вася:

— Я считаю, что нужно немедленно сообщить обо

всем... Ну хотя бы милиции. Дело чрезвычайно серьезное.

Юрий кивнул. Он, конечно, «за», но...

— Слушай, Вася, может быть, у тебя есть какие-нибудь другие предложения?

— Какие тут могут быть другие предложения? Ясно, что мы не справимся с раскопками. А если и справимся, так что из этого?

— Я тебя не понимаю.

— А чего ж не понимать? Ну, откопаем корабль. Ну, проникнем в него. А дальше что? Ведь все равно о нем узнают, и нам же еще попадет. «Зачем лазили, не вашего ума дело, вы были обязаны сообщить...» Ну и всякое такое. Нет, нужно идти и сказать: нашли корабль, а что с ним делать — решайте сами.

— Если рассуждать логически, так это, конечно, верно, но вообще-то жалко, что не мы первые узнаём, что там есть и кто к нам прилетал.

— Но корабль же никуда не улетает! Ученые всё изучат, а потом напишут книги или учебники, и мы с тобой будем изучать их в школе. И нам за это будут ставить отметки...— Вася засмеялся: — Представляешь? Сидим мы на уроке, а учитель спрашивает: «Кто расскажет об истории находки космического корабля?» Ну, допустим, каких-нибудь серых людей. Мы с тобой молчим. Чего ж нам рассказывать, когда мы сами его нашли. А учитель спрашивает: «Бойцов, почему вы молчите?»

— Ну, положим, на «вы» он меня не называет.

— Почему? Ты же к тому времени вырастешь, будешь старшеклассником. Ну вот: «Почему вы молчите, Бойцов? Ведь у вас и так в журнале двойка. Отвечайте». Ну ясно, ты встанешь и начнешь рассказывать: «Ходили мы с Голубевым по грибы, прыгали с обрыва на песок и нечаянно сделали ценное научное открытие: обнаружили космический корабль. На-

чали его откапывать...» Учитель сейчас же скажет: «Садись, Бойцов. Два. Двойка. Нужно быть скромнее. Открытия не делаются необразованными людьми. А тем более мальчишками». И ты вынужден будешь согласиться, хотя тебе будет очень неприятна такая несправедливость.

Юрий вздохнул и отвел глаза.

— Конечно, мне будет обидно. Но все-таки...

В это время Шарик вдруг взвизгнул и приник носом к едва заметному выступу на совершенно гладкой обшивке. Потом он обернулся, как бы спрашивая ребят: поняли ли они хоть что-нибудь?

Честно говоря, ребята ничего не поняли, и поэтому Юрий сочувственно спросил:

— Ну что там, Шарик? Что ты обнаружил?

Естественно, Шарик ничего ответить не мог. Он только снова уперся черной кирзовой пуговкой носа в странный выступ, собственно, даже не выступ, а маленькую выпуклость, и опять требовательно и в то же время жалобно взвизгнул. Ребята переглянулись, подошли к собаке и присели на корточки.

Шарик выразительно посмотрел на ребят, словно он хотел сказать: «Неужели вы такие пентюхи, что ничего не можете понять? Ну-ка, хозяин, пошевели мозгами...»

И он опять с силой уткнулся носом в выпуклость и обиженно заскулил.

И в этот момент Юрий услышал мягкий шорох осыпающегося песка и невольно оглянулся.

На том месте гладкой поверхности металла, где они обнаружили очертания не то двери, не то люка, чернел провал, и в него, а значит, в чрево космического корабля, сыпался песок.

Операция «Неизвестность» была окончена. И окончил ее Шарик. Он ее начал, он и закончил. И тут ничего поделывать уже нельзя. Даже если в корабле и таилась какая-нибудь опасность для окружающего мира, предотвратить ее было уже поздно.

Событие свершилось.

Прежде чем решиться войти в космический корабль, Вася и Юра долго стояли перед люком и смотрели в темноту. Шарик нетерпеливо поднимал то одну, то другую лапу и, наострив уши, тянулся к люку, тихонько повизгивал, приседал на задние лапы и смотрел на ребят.

Вася и Юра переглядывались, каждый не решался сделать первый шаг.

Что ожидало их там, за порогом?

Там, внутри, полное и совершенное безмолвие. Ни скрипа, ни шороха, ни потрескивания. Никакого запаха, никакого движения воздуха. Казалось, что они стоят на пороге космоса. Вот-вот и они соприкоснутся, быть может, с частицей древней цивилизации из иных миров.

И все-таки первый шаг сделали не люди, а Шарик. Он первый сунул голову в люк, осмотрелся и принялся, а потом нерешительно, бочком, прыгнул вниз.

Теперь только мальчишки поняли, что входная дверлюк была ниже рушившегося песка.

Шарик не возвращался долго, очень долго. Может быть, минуту, а может быть, и пять — время вдруг как бы остановилось или пошло по иному, уже неземным законам. И мальчишки не выдержали.

— Пойдем? — спросил Юрий.

— Надо... — ответил Вася и заглянул внутрь корабля.

Юра решительно встал на порог корабля и сказал:

— Дай руку.

Вася подал руку, и Юрий спрыгнул внутрь корабля, прямо на груды осыпавшегося туда песка. Спрыгнул, сделал три шага и вернулся назад — нехорошо забегать вперед товарища. Он протянул руку Васе.

Теперь их обоих отделяла от земного солнечного мира металлическая стена с отверстием-люком.

■

Они постояли некоторое время, не двигаясь с места, пока зрение не привыкло к сумеркам, царившим внутри корабля.

Юрий подумал о том, что этот корабль был совсем другим, чем тот, на котором он совершил путешествие к планете Красных Зорь. Пока что ему показалось, что голубые люди Розовой земли создали более совершенный корабль, чем этот, в который проникли они с Васей.

На этом корабле сразу же бросалось в глаза обилие лестниц — металлических и местами — вот убожество! — даже клепанных. В первое помещение, куда они попали, выходило несколько дверей.

Вправо от двери-люка, почти у самой стены, стояла какая-то довольно странная машина. Но ведь и Бойцов и Голубев недаром побывали в фантастических

Вася и Юра долго стояли перед открытым люком, не решаясь войти внутрь корабля...

передрягах и поэтому высказали предположение, что перед ними вездеход или везделет, и притом не очень уж совершенной конструкции. Широкая, почти квадратная кабина, легкие, поставленные под углом гусеницы натянуты на рубчатые колеса. По обе стороны машины выступали не то стабилизаторы, не то усеченные крылья.

Ребята обошли машину со всех сторон. И Вася для верности, чтобы убедиться, что она существует на самом деле, а не только во сне, похлопал ее по стабилизаторам-крыльям и обнаружил, что они гораздо теплее, чем тот металл, к которому они прикасались, когда откапывали корабль. Он не поверил себе, пощупал стены помещения, потом машину и убедился, что он прав — машина была теплее.

— Ты чего? — нарочито громко, пугаясь окружающей тишины, спросил Юрий.

— Пощупай сам.

Юрий, конечно, пощупал и сознался:

— Странно...

— Так, может... может, машина под напряжением? Может, у нее работает двигатель.

— Ты с ума сошел! Сам же говорил, что корабль пролежал под песком, может, миллионы лет. И выходит, мотор все время под напряжением, все время работает?

— Логично...

— А все-таки она теплая. Почему?

III

Никто не успел ответить на этот вопрос и даже как следует подумать над ним, потому что сзади явственно раздался слабый ритмичный цокот, как будто где-то рядом, по шоссе, бежала маленькая лошадка или коза, а может быть, еще какое-нибудь копытное су-

щество. И это было так неожиданно и так противосто-
естественно — жизнь на безжизненном корабле! — что
ребята беспомощно замерли и даже не успели пере-
гляднуться друг с другом.

Цокот крохотных копыт все приближался и, долж-
но быть со страху, казался все сильнее и звонче. Впол-
не вероятно, что оба парнишки дали бы драпака, но
этого не случилось, потому что ноги у них стали слов-
но ватными и как бы прилипли к полу. Они ждали че-
го-то невероятного, может быть, даже появления чер-
та — ведь черти, как известно, тоже относятся к се-
мейству копытных.

Первым пришел в себя Юрий, решив, что прежде
всего нужно занять оборону, разведать противника, а
уж потом придумывать, как действовать.

Оборону можно было занимать и на одной из мно-
гочисленных лестниц, и за какими-нибудь дверями,
наконец, можно было просто выскочить из корабля в
карьер. Но до отверстия люка было порядочное рас-
стояние, а квадратная неуклюжая машина была
рядом.

Вот почему Юрий, не спуская глаз с той приот-
крытой двери, из-за которой явственно слышался все
приближающийся цокот, стал ощупывать машину
и, конечно, без особого труда нашел ручку, а под
ней выпуклость. Он надавил на нее и открыл
дверь.

— Залазь, — шепнул он Васе и, когда тот юркнул
в машину, хлопнул дверью: теперь они были в отно-
сительной безопасности.

Некоторое время они прислушивались. Царила
полная и совершенная тишина: вероятно, у машины
были прекрасные звукоизоляционные достоинства.
Пришлось открыть вторую, противоположную, дверь
и прислушаться.

Тишина.

И все-таки чувствовалось, что поблизости кто-то есть — осторожный и ловкий.

Сколько прошло времени, никто не знал. Но тут в дверь осторожно просунулась черная пуговка носа, потом лохматая морда и уши Шарика.

IV

Некоторое время Вася и Юрий молча смотрели на Шарика, а когда поняли, в чем дело, громко рассмеялись, а радостный Шарик, ворвавшийся в машину, пытался облизать Юрия. Ведь когда Шарик бежал по пустым коридорам корабля и стучал своими коготками по металлу, он не думал, что пугает хозяина. Но когда хлопнула дверца машины, он испугался не меньше ребят и теперь обрадовался так же, как и они, — ведь все обошлось как нельзя лучше.

Так они и сидели втроем на переднем сиденье машины и рассматривали пульт управления. Возле каждого тумблера¹, каждой рукоятки и кнопки был чертежик-иероглиф, рассказывающий, что может произойти, если нажать ту или иную кнопку, переключить тумблер или повернуть рукоятку. Впрочем, и на земле почти все, особенно грузовые, машины снабжены такими схемками-иероглифами.

У одной, например, рукоятки рисунок изображал машину в несколько необычном виде — вытянутую и стройную, с округлыми крыльями по бокам. Разгадать этот ребус не представляло труда: эта рукоятка переводила машину из обычного, земного варианта в воздушный.

Юрий включил тумблер, возле которого были изображены разбегающиеся во все стороны зигзаги. Под

¹ Т у м б л е р — электрический выключатель или переключатель, предназначенный для управления системами приборов.

полом и чуть сзади сейчас же что-то сдержанно загудело. Похоже, что машина и в самом деле стояла в полной готовности к движению.

Невероятное свершилось. И это первым понял Шарик. Он беспокойно заерзал на сиденье, оглянулся и стал настойчиво рваться к двери.

— Пусти его, — решил Вася. — Ему, видно, не терпится...

— В самом деле, пусть бегаёт по кораблю, ведёт разведку. А мы пока разберемся с управлением.

Они включали и выключали другие тумблеры и рукоятки, и машина то вздрагивала, пытаясь сдвинуться с места, то удивительно передергивалась, и все в ней приходило в движение, она даже едва заметно приподнималась над полом.

Сомнений не было: машина оказалась чрезвычайно умной, чуткой, универсальной — словом, такой, какой она и должна была быть для того, чтобы неизвестные космонавты взяли ее на корабль.

Положение складывалось прямо-таки невероятное. Но оно как-то мало волновало ребят, у которых после пережитых минут волнения наступила реакция — их охватило легкомысленное, возбужденное настроение, и они чересчур смело пытались овладеть этой техникой прошлого, которую, в сущности, как это ни странно, можно назвать техникой будущего.

Шарик ворвался в приоткрытые дверцы машины и, перепрыгнув через колени Голубева, прижался к Юре. Шарик вздрагивал, тяжело дышал и боязливо смотрел в сторону одной из открытых дверей.

— Ты что, собака? — участливо спросил Юрий.

Шарик попытался лизнуть хозяина в лицо, потом коротко тьякнул и потянулся в сторону двери. Каза-

лось, он приглашал Юрия побывать там, где только что был сам.

— Наверно, опять что-нибудь нашел,— рассмеялся Юрий.— Такой разведчик да не разыщет...

Шарик нетерпеливо поерзал и, опять перескочив через Васю, выпрыгнул из машины. Шерсть на нем топорщилась, уши и обрубок хвоста все время двигались. Шарик был явно обуреваем противоречивыми чувствами — страхом и отчаянной решимостью вернуться к тому таинственному, что так напугало его. Он оглядывался, то ища защиты и поддержки, то, наоборот, словно приглашая ребят следовать за ним.

— Может, сходим с ним? — спросил Юрий, очень гордясь Шариком.

Вася молча кивнул.

Они оставили машину и пошли за Шариком, который то забегал вперед, то останавливался и оглядывался, словно проверяя, идут ли за ним его руководители и покровители. Отличное настроение и уверенность в себе как-то быстро покинули ребят, едва они очутились в длинном мрачном коридоре. Они шли вперед, все чаще и чаще останавливаясь и прислушиваясь.

В какую-то секунду оба вдруг заметили, что откуда-то — может быть, сверху, а может быть, из углов — лился ровный рассеянный свет. Значит, корабль освещался?

Но ведь всякий свет — это прежде всего поток энергии. А энергия сама по себе, из ничего, не возникает. Ее кто-то должен вырабатывать. Вернее, не кто-то, а что-то. Генераторы атомные, ядерные, химические двигатели, преобразователи — назови как хочешь эти машины или приборы. Словом, на этом погребенном под слоем песка корабле вырабатывалась пусть самая фантастическая, пусть еще неизве-

стная на Земле, но энергия, иначе помещение не могло быть освещено.

Но ведь для этого требовались такие запасы горючего, что и представить страшно. И просто не верилось, что все эти машины и приборы, быть может, миллионы лет работали без всякого присмотра. Ведь какими бы ни были они изумительными автоматами, а все ж таки могло же в них что-то сломаться, выйти из строя.

Нет, без разумного существа тут не обойтись.

И, может быть, это самое разумное существо было где-то рядом? И вот они идут на свидание с ним! В какое-то мгновение оба подумали, что с подобным свиданием можно и не спешить. Мало ли что может получиться... Они могут не понравиться или сделать что-нибудь не так, не по правилам...

— Давай я пойду вперед,— великодушно предложил Вася,— а ты сзади, шагов на десять. Если со мной что-либо случится...

— Нет, Вася, нет! Впереди пойдет Шарик, а я его знаю лучше, чем ты. Поэтому я пойду за ним, а ты меня прикрывай с тыла.

И Юрий решительно двинулся вперед.

Шарик удивленно посматривал на него, но постепенно тоже заразился его уверенностью и, лихо задрвав обрубок хвоста, подбежал к одной из дверей.

Однако у самых дверей Юрий все-таки приостановился, перевел дух, медленно переступил порог и заглянул за дверь. Заглянул — и несколько секунд стоял как вкопанный, а потом пальцем поманил Васю.

VI

Когда Голубев почему-то на цыпочках подбежал к товарищу, то увидел большую полукруглую, устав-

ленную слабо поблескивающими пультами комнату — такие рисуют почти в каждом фантастическом романе. Не было сомнений, что ребята стояли на пороге командного пункта корабля. Удивительного в этом ничего не было — ведь на каждом или почти на каждом корабле такое место имеется.

Поразительным было другое. В центре пульта, уронив голову на кнопки и тумблеры, сидел человек. Оттого, что свет был тускл и рассеян, различались лишь очертания туловища сидящего и бессильно опущенные руки. Можно было подумать, что человек безмерно устал и уснул.

Ребята стояли потрясенные, не дыша и не в силах двинуться с места. Тишина здесь царила полная. И в то же время не то что слышалось, а чувствовалось, что где-то неподалеку есть какое-то скрытое, затаенное движение. Казалось, что рядом происходит нечто. Но понять, что же это такое, не представлялось возможным.

Какая-то смутная тревога вкрадывалась в сердце, сдавливала мозг. Хотелось крикнуть, убежать, хотя бы пошевелиться.

Шарик несколько раз посмотрел снизу вверх на своих покровителей. Но те не замечали его тревожных и недоумевающих взглядов и стояли как вкопанные. Тогда Шарик решил, что пришла пора действовать, и, вздохнув поглубже, тявкнул:

«Гав! Гав-гав!..»

И тут произошло невероятное: человеческая фигура у пульта управления явственно стала оседать и распадаться, как будто таять в полной неподвижности и в абсолютной тишине.

Она таяла и опадала серой кучкой пыли или праха вокруг металлического стула без спинки, похожего на такой, какой обычно стоит возле рояля или пианино.

Можно было подумать, что человек безмерно устал и уснул.

Это исчезновение человеческой фигуры, ее обращение в ничто было таким страшным и противоестественным, что Юра, например, явственно ощутил, как вдоль позвоночника у него побежал холодок. У Шарика дыбом встала шерсть. Он присел на задние лапы, поджал хвост и отчаянно завизжал. Юркнув между ног хозяина, пес помчался с командного пульта, громко лая и стуча когтями по металлическому полу корабля. В то же мгновение Юра и Вася, как бы очнувшись от оцепенения, тоже бросились бежать. Они неслись по коридору, ничего не соображая, ничего не замечая, и не столько выпрыгнули из люка, сколько вывалились на мягкий, прогретый солнцем песок и покатались кубарем вниз, на самое дно карьера.

VII

Они остановились только посреди карьера, когда от сумасшедшей гонки у них перехватило дыхание.

Юрий хотел было сказать: «Я больше не могу», но слова не пробивались сквозь сдавленное учащенным дыханием горло. Он только посмотрел на Васю и, перехватив его взгляд, понял, что и Вася тоже больше не может. Не может — и точка. Ничего не может: ни двигаться, ни говорить, ни даже бояться.

Из леса доносился безмятежный птичий щебет, со стороны стройки слышался мирный машинный шум, а в небе, над бором, как горы, стояли важные кучевые облака, очень белые и очень красивые.

Нет, мир не собирался рушиться. Все везде было таким, как и прежде. И страх постепенно отступил.

— Послушай, а что, собственно, произошло? — отдуваясь, спросил Вася.

В самом деле, а что, собственно, произошло? Ответить на этот вопрос было нелегко — прежде всего

требовалось разобраться во всем увиденном и пережитом.

— Давай рассуждать логически. Начнем? Прежде всего...

— Прежде всего хорошо бы чего-нибудь поесть. И пить очень хочется.

— Точно. В конце концов, за нами никто не гонится,— тотчас согласился Юрий, который сам еще не был уверен, какие логические рассуждения помогут ему разобраться во всем том, что с ними произошло.

Они взобрались на обрыв и первый раз за этот трудный день поели как следует, а главное, вдосталь напились.

— Везет нам с тобой, Юрка,— почему-то с сожалением протянул Вася.— Обязательно попадем в какую-нибудь историю.

— Ты жалеешь об этом?

— А чего жалеть? Все это интересно. Только тут думать нужно.

— Ну что ж, давай думать.

Они лежали под вековыми соснами, смотрели в синее небо — высокое и просторное, по которому все так же неторопливо плыли белые облака, и думали.

— Вот тебе первая загадка,— сказал Юрий, который любил во всем разбираться логически.— Прежде всего откуда Шарик мог узнать, что под слоем песка находится как раз та кнопка, которая открывает двери?

— Чутье...— пожал плечами Вася.— Чутье на энергию.

— А почему ты думаешь, что к кнопке подведена была энергия?

— Такую толстенную дверь открыть пружиной наверняка невозможно. Ясно, что кнопка включала двигатель, открывающий дверь. Может, к этой кнопке

подведена энергия, и даже не электрическая, а какая-нибудь такая, про которую не только мы с тобой, но и никто на Земле еще ничего не знает.

— Так, так. А как же ее учуял Шарик?

— Понимаешь, почти всякий источник энергии дает излучение. Возьми телевизор. Сидишь смотришь, и все идет преотлично. А потом вдруг на экране полосы. Оказывается, неподалеку прошла электричка. Или проехала машина. Мы-то ничего не замечаем, а телевизор замечает. Почему? А потому что от машины или электрички полетели помехи. Они, как волны от брошенного в воду камня, бегут во все стороны.

— Значит, у Шарика в носу свой телевизор?

— Ну не телевизор, конечно, но пес явно чувствует, когда на него накатываются волны энергии. В общем, известно, что животные, птицы, рыбы и даже насекомые чувствуют электромагнитные колебания. Вот Шарик и учуял их.

— Честно скажу, Вася, я этого представить не могу. Но факт есть факт — Шарик нашел кнопку. Значит, может быть и так, как говоришь ты. А может быть по-другому... Но меня... меня сейчас волнует другое — почему фигура, что сидела за пультом, рассыпалась, распалась?

Вася задумался, припомнил странные сумерки внутри корабля, беспомощную фигуру в странной позе за столом пульта и ее исчезновение. И таким холодом, таким дремучим безмолвным страхом пахнуло на него, что ему и в самом деле стало не по себе. И он честно признался:

— Мне даже думать об этом не хочется.

— А нужно! — неожиданно властно решил Юрий. — Если мы не додумаем сейчас, то от этого могут произойти другие неприятности.

— Какие еще неприятности?

— Суди сам. Космонавт, который сидел... вернее,

умер возле пульта, пробыл на корабле сотни тысяч, а может, и миллионы лет.— Юрий помолчал и сказал значительно: — Ничто в мире не исчезает бесследно и ничто не возникает из ничего.

Вася с тревогой посмотрел на товарища.

— Ты думаешь, что на корабле зародились какие-нибудь невероятные формы жизни?

— А почему бы и нет — ведь за это время на Земле они зарождались.

— На Земле... На Земле все время менялась обстановка и условия. А в корабле, как в консервной банке, ничто не менялось.

Теперь задумался Юрий.

— Во всяком случае, нужно признать одно,— вздохнул Вася,— что мы не слишком предусмотрительные люди.

Юра засмеялся.

— Просто мы перетрусили. А теперь нужно вернуться и проверить, есть там что-нибудь или нет. А самое главное — закрыть все двери. Мало ли что оттуда может выползти.

Они вернулись на корабль, плотно закрыли все двери, что выходили в первый отсек, сели в машину и стали не спеша, с удовольствием осваивать пульт ее управления.

Она двигалась, она жила своей неясной жизнью. Она, кажется, просто жаждала подчиняться хоть какой-нибудь разумной воле.

Она была еще подхалимски покорна. Но по тому, с какой легкостью она выполняла все, что ей приказывали мальчишки, чувствовалось: в ней заложены огромные и еще неизведанные силы, и неизвестно еще, какие могут быть последствия, если машина эта начнет действовать.

Но мальчишки не знали об этом и поэтому действовали смело и решительно. Казалось, что им все доступно и все понятно. Их усыпляла вкрадчивая покорность машины.

А тут еще Шарик перебрался на заднее сиденье, свернулся клубком и уснул. И это удивительно спокойное и почти домашнее поведение собаки еще более подбодрило Юрия. Несколько неожиданно для себя он вдруг предложил:

— Слышь, давай немного прокатимся.

— На этой машине?

— А что? Мы же с тобой не такое видели. Замечаешь, она же слушается.

Совершенно непонятно стремление конструкторов создавать такие машины, которыми может управлять всякий, кто захочет. Все-таки в управлении техникой нужны какие-то барьеры для слишком самонадеянных и чересчур легкомысленных. Смелость, она тоже требуется не всегда. Иногда полезнее осмотрительность....

Обо всех этих правильных и мудрых вещах Вася подумать не успел, а может быть, и не сумел. И он легко, слишком легко согласился:

— Давай попробуем. А то, когда придут взрослые, поставят машину под стеклянный колпак и нас к ней даже на пушечный выстрел не подпустят.

Юра кивнул и сразу стал серьезным и даже строгим. Он включил двигатель и нажал педаль подачи энергии.

Машина осталась верной себе — покорной и ласковой. Тихонечко тронулась с места, развернулась где нужно и стала как раз против дверей. И стала вовремя, потому что пройти в дверь она не могла. Но ведь недаром ребята осваивали ее столько времени и знали, как им показалось, каждую рукоятку и каждый тумблер.

Бойцов смело повернул одну из них, переключил тумблер, и с машиной произошли невероятные изменения. Собственно, невероятными они были с точки зрения всех, кто не был знаком ни с этой машиной, ни с техникой будущего. Просто в машине что-то произошло, и за несколько секунд она неуловимо изменила свои габариты, как бы «перестроилась» — стала узкой и длинной.

Бойцов возвратил тумблер в нормальное положение

ние, повернул рукоятку — и превращение окончилось.

Машина осторожно приблизилась к открытому люку, несколько секунд словно принюхивалась или присматривалась к окружающему, а потом смело, но несколько неуклюже клюнув носом, сползла на песок. Впервые, может быть, за многие века гусеницы под ней бодро крутились, и, должно быть, от этого плавность хода казалась необыкновенной — ни толчка, ни рывка мальчишки не ощутили.

II

Они вдосталь накатались по песчаному дну карьера. И тут высказался Вася:

— Послушай, а ведь по идее она же должна еще и летать.

Что ж, Васю Голубева можно было понять. Он, конечно, в свое время пережил необыкновенные приключения. Но в ходе всех этих приключений летать ему не довелось. Как-то не попадалось такой техники. А тут техника была под рукой, и не воспользоваться ею казалось просто невозможным. Даже неумным.

Правда, Юра на мгновение вспомнил свои приключения на планете Красных Зорь, посуровел и поэтому излишне строго взглянул на товарища. И тогда Вася, как бы понимая всю необычность своего предложения, уже готов был пойти на попятную:

— Нет, если, конечно, это опасно, то...

При этом он и сам не знал, что умудрился польстить Бойцову. Ведь из его слов можно было понять, что он во всем доверяет Юрию. Он как бы признавал, что у Бойцова отличная летная подготовка, опыт и знания. Юрий как можно скромнее пожал плечами.

— Ну что ж, если тебе хочется...

Что ни говорите, а всегда приятно, когда люди признают твое мастерство хоть в чем-нибудь: хотя бы

в раскалывании орехов или в умении плевать дальше всех. А в этом случае признавалось мастерство вождения невероятной машины.

Нажали на нужные кнопки, повернули необходимые рукоятки и переключили тумблеры. И все произошло именно так, как и предполагали ребята. По бокам выдвинулись стреловидные, как на реактивных самолетах, крылья. И только после всех этих преобразований была наконец нажата педаль подачи энергии.

И вот тут-то машина впервые показала свой нрав. Вместо того чтобы плавно подняться в воздух, она резво, как молодой козел, подпрыгнула так, что у ребят что-то подкатило к горлу и мускулы стали тяжелыми и негнушимися. Безмятежно спавший Шарик проснулся и с тревогой огляделся.

— Скоростной... разгон,— нашелся Юрий, но Вася недоверчиво посмотрел на него.

— Может, ты не то включил?

— Все то, что нужно. Просто пережал педаль.

Как будто все было правильно, машина выровнялась и легко и спокойно парила над карьером. Парила так, как, например, стрекоза или вертолет.

— Здрово! — улыбнулся Вася.

— Куда уж лучше.

— Давай поднимемся повыше?

— Попробуем.

Юрий осторожно нажал педаль — и машина поднялась над лесом.

Странно и немного смешно было видеть деревья сверху. У многих сосен, оказывается, совсем крохотные, как деревца-первогодки, вершинки. И на самой-самой вершинке, упрямо тянущейся вверх, ярко-зеленая веточка — последний годовой отросток ростовой почки. От этого бор сверху казался нежным и несколько беззащитным.

Но попадались такие места, где вместо нежно-зеленых побегов торчали засохшие вершинки, смотреть на них было немного грустно: здесь стояли обреченные на гибель деревья. Ведь все живет до тех пор, пока растет. Вот почему над одним из таких участков, как говорят лесники, перестоявшегося леса Вася предложил:

— Поднимайся выше. Все идет хорошо. И нужно же попробовать...

И Юра послушно поднял машину метров на десять выше сосновых верхушек. Потом еще выше. И еще...

И тут открылся такой простор, такая красота, что ребята забыли обо всем на свете. Ни страха, ни робости не было и в помине.

И лес, и река, на которой вдалеке виднелась дуга плотины, и ползущие по дорогам машины, и даже дымы недалекого городка отсюда, с высоты, казались игрушечными и очнь милыми — может быть, оттого, что вечерний синий сумрак постепенно скрадывал их очертания. И только река все явственней из серебристо-серой становилась розовой, а местами фиолетово-багровой.

Летний день кончался, а на западе все разгорался и разгорался закат.

Горизонты расширились, и очень хотелось, чтобы они стали еще шире, — не терпелось увидеть всю рабочую площадку возле плотины, весь городок и вообще все, все... Если этого не сделать сейчас, то через полчаса будет поздно. Стемнеет.

Юрка решительно поднял машину еще на несколько сот метров...

На западе было еще совсем светло, а на востоке издалека наступали огоньки. Они вспыхивали вразброс, независимо друг от друга, но постепенно образовывали целые созвездия — городки, заводы, села...

Дух захватывало от этой красоты, и ребята не сразу заметили, как машина вначале нерешительно, а потом уверенно задрала нос, подергалась, словно в ней происходили какие-то сложные внутренние перестройки, и вдруг понеслась вверх. Круто вверх. Почти отвесно вверх.

Ребят прижало к сиденьям, но Юрий быстро справился с перегрузкой и дотянулся до руля и пульта управления. Он пытался подчинить себе неожиданно взбунтовавшуюся машину, но из этого ничего не получилось. Она неслась все вверх и вверх.

Земля скрылась в темно-сиреневой дымке, огни уже не пробивались сквозь нее. Вокруг расстиралось только небо. Одно небо — огромное, зеленовато-фиолетово-розовое небо стратосферы в закатные часы.

Потом исчезло и оно. Начинался самый настоящий космос. Темный, таинственный, усыпанный каплями блистательных крупных звезд. И где-то вдали в неподвижной черноте космоса машина вдруг прекратила свой стремительный взлет, выровнялась, и ребята увидели справа от себя огромное, серебрившееся в отблесках далекого заходящего солнца, неторопливо вращающееся вокруг своей оси бревно.

Встретить бревно в космосе само по себе невероятно, да еще если это бревно с чувством собственного достоинства вращается и покачивается, словно оно живое, — и того невероятней. Вася и Юра только переглянулись, а машина пристроилась к этому бревну и поплыла рядом с ним, почти касаясь его серебристой поверхности.

Теперь рассмотреть нового космического скитальца было не так уж трудно.

И тут Юрия осенило:

— Это же ракетоноситель!

Конечно, это был ракетоноситель. Совсем такой, или почти такой, какие провозят в дни парада на

Красной площади. Только у этой ракеты отсутствовала головка. И это вполне понятно.

Могучая ракета вынесла какой-то очередной искусственный спутник Земли в космос, вытолкнула его на орбиту, а сама отсоединилась от него и теперь продолжала самостоятельное путешествие, медленно и неотвратно снижаясь. Пройдет некоторое время, плотность атмосферы будет возрастать, и ракетоноситель потеряет свою скорость, войдет в плотные воздушные слои атмосферы и сгорит.

Все это было совершенно ясно и понятно. Но только зачем машина пристроилась к этой блуждающей ракете, что ей потребовалось от обреченной на сгорание трубы? Понять этого ребята не могли и пока только радовались, что вышедшая из повиновения машина не занесла их куда-нибудь дальше.

И в это время прямо над их головами медленно проплыл в воздухе удивленный и сконфуженный Шарик. Он беспомощно шевелил лапами и крутил обрубок хвоста. Шарик ударился о ветровое стекло и поплыл обратно. Юрий схватил его за лапу и потянул к себе. Но... вдруг явственно ощутил, что сам тоже поднялся над сиденьем и висит в воздухе. Начиналось парение в состоянии невесомости.

В первое мгновение стало страшно, потом они вспомнили, что космонавты свободно переносили состояние невесомости, и успокоились. А уж потом поняли, что можно было даже спокойно плавать и кувыряться в воздухе. Жаль только, что они то и дело стукались то о стекла, то о потолок, то о борта кабины.

В это время без всякого приказания с их стороны машина сама медленно отошла от ракетоносителя и опустила нос. Началось стремительное падение. Состояние невесомости исчезло. Пассажиров опять прижало к сиденьям, и им навстречу понеслись дале-

кие, проступающие сквозь дымку созвездия городов, фиолетово-красно-желтое закатное небо и сверкающий в просветах между облаками океан.

Впрочем, возможно, это был не океан, а море, но оно показалось таким огромным и бескрайним, что Юра решил, что они падают прямо в океан. Он грустно посмотрел на Васю. Но тот от перенапряжения прикрыл глаза. Тогда Юрий посмотрел на Шарика и встретился с его страдающим взглядом.

Шарик сейчас же подался вперед и состроил такую гримасу, будто хотел сказать: «Давай, хозяин, подождем бояться. Пока что мы еще летим, и ничего страшного не случается. Мало ли мы с тобой летали? Мало ли какие невероятные приключения испытали? И все-таки живы и здоровы. Может быть, обойдется и на этот раз».

А машина все летела вниз и вниз, прямо в поблескивающий под луной океан. И когда, казалось, спасения быть уже не могло и они должны были булькнуть на самое океанское дно, машина выровнялась и, прижимаясь почти к самой поверхности воды, помчалась догонять уходящую от нее вечернюю зарю.

Глава седьмая

Полет в неизвестность

I

Все было так призрачно и так необычно и в то же время безмятежно-спокойно, что уже не верилось, что машина летит, а не стоит на месте, что где-то существует Земля, а на ней города, леса, реки...

Ребята лежали на сиденьях, медленно приходя в себя после бешеных перегрузок. Болели наливавшиеся свинцовой тяжестью мускулы. Даже внутри костей и то что-то болело и ломило, а может быть, ныло, как, наверное, у стариков перед ненастной погодой. Юре наконец надоело их беспомощное, как у новорожденных, состояние. Он взялся за руль и попытался развернуть вездеход. Но как он ни крутил руль, как ни жал на педали, как только ни щелкал тумблерами и рукоятками, машина летела все так же ровно и независимо. Она не обращала никакого внимания на своих пассажиров. И Юрий чуть не заплакал от обиды.

— Чертовы роботы!

— При чем здесь роботы?

— Вася, я же тебе рассказывал... Если машина действует без наших команд, значит, тут виноваты роботы. Взбунтовались и плюют на нас.

Вася помолчал, вспоминая все, что ему рассказывал Юрий, а потом спросил:

— А как ты думаешь, могут роботы взбунтоваться сами по себе?

— Откуда ж я знаю! Наверное, могут.

— А ты сейчас выключил тумблеры?

— Факт! По всем правилам машина должна плюхнуться в этот самый океан, а она летит да еще и держит такую скорость, что мы никак не обгоним ночь и не влетим в вечер.

— Или наоборот — не отстанем так, чтобы попасть наконец в утро.

— Все равно. Важно, что машиной, помимо нас, кто-то руководит. А делать это могут только роботы. Я-то их знаю! Они могут быть какие хочешь — и доносчики, и шпионы, и полезные роботы. На что они запрограммированы, то они и делают.

— Вот видишь — они запрограммированы... А кто их запрограммировал летать с выключенной системой управления?

— Н-ну... — поморгал Юрий, — может, их бывшие владельцы. Допустим, пассажиры хотят поспать. Они устанавливают определенный режим, и машина летит сама по себе. Такое и у нас есть: например, автопилот на самолетах или авторулевой на судах. Вот так и на этой машине.

— Логично. Ну, а кто их запрограммировал на наш полет? Причем, заметь, точно на юго-запад. И не только по курсу, но еще и точнехонько по времени — не обогнать вечер и не отстать от ночи. Ты об этом подумал?

Юрий повернулся к товарищу. До такого он до-

думаться, конечно, не мог. Вот что значит логическое мышление! Лицо его стало очень озабоченным.

— Значит, ты думаешь, что мы летим не по своей воле?

— Ну это и так ясно. Важно понять, по чьей воле мы летим.

— Ну да... ну да... конечно,— залепетал Юрий.— Ведь те далекие владельцы этой колымаги не могли запрограммировать такой полет: машина ведь стояла в гараже и, пока стояла, наша Земля изменилась... Наконец, вначале она же нам подчинялась. А вот потом... Но только непонятно одно — кто смог это сделать?

— Вот в этом-то весь вопрос. Именно это меня и пугает больше всего,— торжественно сказал Вася.— Ты же сам видишь, что получается. Мы не должны лететь — ты же все выключил, а мы летим. И летим по плану. Может быть, нас ведет какая-то неведомая нам станция. Она не дает нам сбиться с нужного ей, а не нам курса. Она нас тянет, как магнит железную крупинку, и мы ничего не можем сделать.

— Ужасно глупо! Попались так, что и придумать невозможно!..

Бойцов рассердился не на шутку. Он бушевал, искал в машине каких-то скрытых приборов или хотя бы рукояток или кнопок, с помощью которых можно было бы прекратить полет.

Возможно, он и натворил бы что-нибудь необыкновенное, но в это время Шарик потянулся, зевнул и, примостившись к Юрию, тявкнул. Это было несколько неожиданно, и Юрий с недоумением посмотрел на него.

А когда посмотрел, то вдруг понял, что последние минуты, исчерпав запас проклятий на русском языке, он вдруг стал думать на языке голубых людей. И вот Шарик рассердился на своего хозяина.

Опять эта невероятная загадка: каким образом Шарик узнаёт его мысли, если он, Юрий, не может узнать собачьи? Что же это за такое существо — обыкновенная дворовая собака, правда побывавшая в космических полетах и по ошибке обученная языку голубых людей? Но ведь говорить-то она не умеет. А вот понимать — понимает.

— Я — тумус?

И Шарик не только кивнул, но еще и улыбнулся. Он явно издевался над хозяином.

— А что же делать? — на том же не ведомом никому, кроме Бойцова и Шарика, языке спросил Юрий.

И Шарик не то что пожал плечами, а так перебрал лапами и покачал головой, что Юрий понял его мысли: «Не трус, хозяин. Я тоже побаиваюсь. Мне тоже многое непонятно. Но поживем — увидим. А увидим — найдем, что делать, и пойдем, как делать».

— Может быть, ты и прав... — задумчиво сказал Юрий. — Нужно попробовать бороться.

Вася не видел безмолвного обмена взглядами хозяина и собаки, а вопросы Юрия на языке голубых людей принял просто за новые Юрины ругательства. Но последние слова он, конечно, понял преотлично.

— Говоришь ты правильно. Нужно попытаться найти какие-то такие кнопки или тумблеры управления, которые должны были обеспечить космонавтов средствами защиты, если вдруг что-нибудь случится. Но где искать эти средства — вот в чем вопрос.

Но тут Юрия осенила гениальная мысль. Он собрался с духом, повернулся к Шарiku и, слегка выпучив глаза, уставился на него, а сам в это время мысленно стал приказывать ему на языке голубых людей: «Ищи, Шарик, ищи кнопки. Ищи! Понимаешь, от этого зависит наша жизнь».

Шарик понял его не сразу, а Вася не понял совсем.

— А чего ж тут не понимать? — удивился Юра.— Ведь если он отыскал кнопку на корабле, так он наверняка найдет кнопки или тумблеры здесь. Ведь если они есть, так к ним идет та же самая энергия, что и на корабле, и Шарик ее обязательно учует.

■

И Шарик действительно начал поиск. Он совался под сиденья, обнюхивал стены, пол и даже потолок, и открытия посыпались как из рога изобилия.

Оказалось, что под верхним пультом управления находится еще по крайней мере три десятка самых разнообразных кнопок и тумблеров, что кнопки есть и на потолке, и на стенах, и под сиденьями, и даже в шкафчике, который впопыхах ребята как-то не успели осмотреть на корабле.

И конечно, все эти средства управления были снабжены иероглифами-значками. Юрий осторожно переключил первый же тумблер, возле которого был значок, похожий на сноп молний. И молнии вспыхнули — могучий, пронзительный сноп света вырвался из носовой части везделета и унесся вдаль, кажется к самому горизонту, что слился с узенькой полоской вечернего заката, который машина так упорно не хотела догонять.

Так был найден свет. Потом ребята нашли и кое-что другое — что именно, они не знали, но отжали вперед тумблер, возле которого был странный значок, похожий на треугольник с очень острым углом, — и впереди машины образовалось розовато-голубоватое клубящееся облачко, в котором резво и зловеще заплясали маленькие молнии. Они не то чтобы сталкивались, а как бы дополняли и догоняли друг дру-

га, образуя странный не то круг, не то спираль — живую, несущуюся перед машиной...

Было в этом щите нечто такое, что заставило Юрия немедленно выключить тумблер. Розовато-голубоватое облачко исчезло, и ребята, посоветовавшись, решили включить тот же тумблер вправо. Справа от машины тоже появилось такое же облачко. И слева тоже. И сзади оно метало круговорот молний, особенно ярких и зловещих на фоне черного, теперь уже тропического неба.

— Что это, как по-твоему? — не без трепета спросил Юрий.

— Не знаю... Но, наверно, это оружие.

— Лучи смерти?

— На лучи не похожи. Скорее это... плазма.

— Чего-чего?

— Н-ну... такое состояние вещества. В плазме температура может быть в миллионы градусов. Вот, например, водородная бомба — тоже плазма. Вернее, при ее взрыве получается плазма.

— Ну, а здесь она зачем?

— А ты попробуй подойди к машине, которая окружена плазмой... Наверно, это и есть защита от злых и, значит, глупых существ.

— Слушай, а нет ли здесь другого оружия? — спросил Юрий и стал обследовать найденные Шариком пульта.

Но никакого оружия они не обнаружили. Наверно, это был очень мирный везделет очень мирных космонавтов.

И это почему-то огорчило ребят. Все-таки приятно иметь какое-нибудь невероятное оружие, с помощью которого можно было бы драться с любым, самым невероятным врагом в самых невероятных условиях. Это придавало бы уверенность, и не пришлось бы не то что трусить, а все-таки быть излишне осторожным.

Выполнив задание, Шарик свернулся крендельком и уснул, тихонько посапывая, на заднем сиденье, совершенно не интересуясь тем, что делается вокруг и куда несет его необыкновенная судьба. Вероятно, он просто верил в своего хозяина и в его друга, а может быть, верил и в свои силы — как-никак, а он был самой умной, самой образованной и поэтому самой уважаемой собакой в подлунном мире.

Первым не выдержал Вася. Он смотрел на засыпающего Шарика и чувствовал, как у него слипаются веки, глаза теряют зоркость и в них пляшут какие-то странные радужные шарики. Вася еще пытался убедить себя, что он не имеет права спать, когда Юрий бодрствует, но сделать этого не успел — он уснул. Уснул быстро, как говорится, на ходу. Впрочем, в данном случае вернее было сказать — на лету. Уснул крепко и безмятежно.

В это время окружающий мрак стал розоветь, потом желтеть, и наконец откуда-то снизу, из-под туч, выплыла полная луна. Она казалась такой близкой, добродушной и важной, так ясно вырисовывались на ней все ее «горы» и «морья», что смотреть на луну казалось сущим наслаждением. Внизу лениво вздыхал океан.

Юрий долго сидел, радуясь покою и тишине: он очень устал за этот суматошный день. Но именно тишина тревожила его.

До сих пор в машину прорывался свист встречного ветра, она иногда вздрагивала. Все это заставляло ощущать и понимать полет. А теперь царила тишина. Пропала и полоска вечерней зари, за которой они следовали столько времени.

Все это значило, что машина сбросила скорость. Она давала возможность Земле не только догнать

себя, но и перегнуть. Это тоже показалось и странным и тревожным.

Юрий несколько раз потряс Васю, но тот только помычал во сне и так и не проснулся. И вот тут-то вдалеке показалась темная масса, возле которой обрывались поблескивающие воды океана.

Машина взмыла над спустившимися к самой воде деревьями и помчалась над их верхушками.

Юрий вцепился в руль, откинулся на сиденье и, сжав губы, смотрел прямо перед собой. А там творилось нечто невообразимое.

Прямо перед машиной возникали какие-то смутные, неясные тени, очертания не то деревьев, не то гор, а может быть, и мертвых неведомых городов, но все это почти немедленно ныряло под днище и пропадало... Пропадало бесследно и бездумно. Постепенно привыкнув к безмолвию, исчезновению того, что вырывалось из темноты, к чередованию теней, и поняв, что вездет прекрасно ориентируется в этой путанице, Юрий расслабился и обмяк, силы быстро покидали его, глаза слипались все крепче и крепче.

Юрий проснулся потому, что его трясли с двух сторон. За плечо его тряс Вася, а за штанину теребил Шарик да еще и рычал при этом. Может быть, от этого двойного трясения, а может быть, и оттого, что спал он очень крепко, Юрий проснулся как-то сразу и так же сразу понял, что машина стоит на месте и вокруг ясный, даже, пожалуй, слишком ясный день — в машине было жарко и Вася то и дело вытирал пот.

Везделет стоял на поляне, неподалеку от берега не слишком широкой, но, видно, очень глубокой и полноводной реки — вода в ней была темного, какого-то кофейного цвета, она, казалось даже, выгибалась на стрежне и то и дело вспучивалась оспинами водоворотов и воронок.

Поляну окружали деревья...

Впрочем, даже не деревья, а какая-то невероятная смесь кустарников, ветвей, стволов, цветов, каких-то уродливых, похожих на змей воздушных кор-

ней, лиан, мхов и папоротников. Вокруг не было ни малейшего просвета — так густо и буйно обступила поляну растительность. И все-таки из каких-то непонятных отверстий в этой стене выпархивали разноцветные птицы — то крохотные, как бабочки, то огромные, невероятно яркие, с длинными разноцветными хвостами, а некоторые были гладко-черные, с голыми, морщинистыми шеями и огромными белыми клювами. Все это, сверкая на солнце, пролетало, кружилось, дралось и снова пропадало в незаметных отверстиях в растительной стене.

Только после того как Юрий немного разобрался в окружающем, он увидел насекомых. Они ползали по стеклам — муравьи, богомолы, жучки и паучки; они летали — огромные стрекозы и бабочки, мотыльки и сбившиеся в дымчатые столбы комары.

От всего этого невероятного количества пестрой экзотической живности веяло таким чужим и далеким, что Юрий сразу понял — они в джунглях. Оставалось только уточнить — в каких именно. Может быть, это индийские джунгли, а может быть, африканские или индонезийские, а возможно, и еще какие-нибудь...

Но, прикинув все, что с ними происходило, он догадался: сидят они в южноамериканских джунглях. И как только он подумал об этом, то сразу стал узнавать кое-кого из летающих и ползающих. Например, маленькие птички — это колибри. А огромные бабочки — это махаоны. А вот те цветы, что уселись на стволах и корневищах, — это орхидеи, самые прекрасные и самые опасные цветы во всем мире. Их несколько тысяч разновидностей: одни пахнут так нежно и одуряюще, что у человека сладко кружится голова, но сами цветы серы и некрасивы. Другие прекрасны на вид, но пахнут падалью, а третьи и необыкновенно красивы, и чудесно пахнут.

Словом, как бы то ни было, а машина стояла на земле где-то в тропиках Южноамериканского материка. Этого было достаточно для того, чтобы понять: пока что ничего страшного не случилось. Они живы, знают, где находятся, и это главное.

Несколько успокоившись, Юрий огляделся внимательней и вдруг понял, почему Вася и Шарик теребили его с такой настойчивостью.

II

В тени деревьев сидели люди. Длинные черные волосы свободно рассыпались по голым плечам. Люди казались толстыми и лоснились так, словно их загорелые, смуглые тела были смазаны жиром. Впрочем, это мог быть не жир, а обыкновенный пот.

Лица людей казались страшными — на щеках горели ярко-красные полосы, носы покрыты белой краской, а на лбах выделялись лазурно-голубые насечки, сходящиеся к переносице, над которой чернело пятно с желтыми точечками — точь-в-точь как цветы орхидей на окружающих поляну деревьях.

— Послушай,— шептал Вася,— они ведь вооружены. Они...

Действительно, люди были вооружены. В руках они держали легкие копья — дротики и длинные палки.

«Наверно, духовые ружья», — решил Юрий про себя, а вслух сказал:

— А ты чего хочешь? Чтоб они были совсем безоружными?

— Да... но... — начал было Вася и сейчас же замолк.

Ведь если ребята не знали, как их могут встретить незнакомцы, то и эти смуглые татуированные люди тоже не знают, с какими намерениями прибыла

эта странная машина и что могут принести с собой ее белые обитатели. Так что их осторожность вполне оправданна.

Эти рассуждения успокоили ребят. В конце концов, щиты и дротики этих полуголых людей просто бессильны перед броней их машины, а тем более перед плазменным облаком, которым она может закрыться от любого неприятеля. А раз так, то следовало прежде всего произвести разведку наблюдением, или визуальную разведку, как сказал бы Бойцов-старший.

Шарик вскочил на сиденье и устроился между Васей и Юрием, испытующе поглядывая то на одного, то на другого.

Неизвестные люди с черно-желтыми пятнами на лбу сидели неподвижно, положив ноги на какие-то странные серо-буро-зеленые бревна. Вначале никто из трех не обратил внимания на эти бревна, и только когда одно из них вдруг явственно пошевелилось и сменило место, они рассмотрели его как следует.

И когда они пригляделись, то только и смогли, что раскрыть рты от изумления. Юрий пробормотал:

— Не может быть...

— Ну, рассуждая логически...

— Как ни рассуждай, а я точно знаю: крокодилы дрессировке не поддаются.

— А это племя, видно, сумело.

Спорить показалось смешным — в ногах у странных молчаливых людей действительно лежали крокодилы. Огромные, бурые, с зеленым отливом, с поблескивающими алым злым светом крохотными глазками и огромными мордами. Кривые, маленькие ножки, прижатое к земле брюхо и длинный, уныло распластавшийся хвост — все выглядело зловеще опасно.

— М-да, с такими телохранителями и дротиков вполне достаточно, — вслух подумал Юрий.

Шарик повертелся и посмотрел на хозяина так, словно спрашивал: «Слушай, хозяин, а ведь эти крокодилы чем-то похожи на тех зверей, что мы встречали на планете Красных Зорь. Верно?»

Может быть, это было и верно, но тогда, на той планете, машина подчинялась воле голубых людей, а теперь...

Вот тут снова встал тот самый важный вопрос, который спросонья забылся: кто же все-таки провел взделет через океан, в эти южноамериканские джунгли? Сделать это мог только тот, кто располагает очень могущественной техникой. Такой, о которой не только эти полуголые дрессировщики крокодилов, но даже современные конструкторы могут только мечтать.

Значит, где-то рядом должен быть именно тот или те, которые навязали свою волю взделету и посадили его на полянку над полноводной рекой.

Ребята приглядывались к людям с особым вниманием и, конечно же, вскоре увидели нечто такое, что заставило их переглянуться.

Под большими пальмовыми листьями одиноко сидел на стуле какой-то полуголый и смуглый, как и все, человек, но только без татуировки, без копья и щита. Он сидел, небрежно закинув ногу на ногу, и медленно равнодушно что-то жевал, размеренно и безостановочно двигая челюстями.

Человек этот был мускулист и, по-видимому, высок ростом, и у его ног лежали два самых больших и, кажется, самых свирепых крокодила.

Когда Юрий встретился взглядом с этим человеком, тот прекратил жевать, улыбнулся и приветливо помахал рукой. В этот момент он показался очень симпатичным и даже добрым.

Но Юрий недоверчиво пробурчал:

— Ладно, улыбками ты нас не купишь!

*Под большими пальмовыми листьями на стуле одиноко сидел
полуголый человек.*

— А откуда ты знаешь, что он хочет нас купить? — спросил Вася.

— Ну, а как же? Притащил нас сюда...

— Ты уверен, что это именно он?

— А кто же еще?

— Слушай, а ты видел космонавтов с крокодилами? И чтоб они сидели в одних трусах или в каких-то плавках и жевали как заведенные? И вообще, как ты думаешь, можно заставить нашу машину лететь помимо своей и нашей воли без всяких приборов и устройств?

— Н-ну, если, конечно...

— Вот то-то и оно. А где ты видишь эти самые приборы или устройства?

— Может, они где-нибудь там... — неопределенно махнул рукой Юрий в сторону джунглей.

— Допустим. Но, может, тогда там же сидят другие люди. А эти только так... для торжественной встречи.

— Хватит рассуждать! — вдруг рассердился Юрий. — Давай решим, что делать.

— А что делать? Прежде всего проверим — можем мы взлететь или нет.

И они попробовали включить двигатели, сдвинуть везделет с места.

Везделет только гудел жалобно и растерянно, но с места не трогался.

— Вот тебе и решение: взлететь не можем, с места тронуться не можем. Значит, нужно устанавливать контакт с местным населением, теми, кто вышел нас встречать.

Юрий тоскливо посмотрел по сторонам и, вспомнив все, что с ним уже бывало, решил, что даже в такой совершенно непонятной обстановке он должен вести себя так, как советовал когда-то отец: «Если человеку очень плохо, пусть вспомнит что-нибудь

смешное, попробует пошутить — и сразу станет легче».

— Видал, какую торжественную встречу устроили, почетный караул выставили,— мрачно сказал Юрий.— Только оркестра не хватает.

Наверно, Вася думал примерно о том же, потому что он сразу же откликнулся на шутку и тоже мрачно ответил:

— Действительно, прибыли два министра и сопровождающие их лица.— Он потрепал Шарика по загривку.— Сейчас начнем выяснять, кого они будут есть первыми — министров или сопровождающих лиц.

— Значит, выходим?

— А что делать? Сколько бы времени мы ни сидели, а ничего не высидим. Нужно знакомиться...

— Тем более, что они настроены как будто миролюбиво. Если бы они хотели нас слопать, они бы уже давным-давно попытались, например, поджарить наш везделет и выкурить нас наружу. А они сидят и смотрят.

III

И тогда они открыли двери и вышли на незнакомую землю неизвестного племени, сделали несколько шагов и почему-то поклонились. В конце концов, при такой встрече нужно прежде всего вести себя вежливо.

По всем правилам хорошего тона встречающие тоже обязаны были бы ответить им или поклоном, или так, как принято в этом племени: например, потереться носами об их носы или похлопать по плечу, пожать руки, попрыгать на одной ноге — словом, как-то выразить свое отношение к прибывшим. А представители этого раскрашенного, как орхидеи, племени сидели неподвижно, будто неживые, и даже не

смотрели на ребят. Они смотрели на того, кто сидел в корзине из воздушных корней.

Человек этот широко улыбнулся, сверкнув великолепными белыми зубами, и, по-видимому, хотел что-то сказать, но тут, как всегда в самые сложные минуты жизни, вмешался Шарик.

Он не спеша вылез из машины, обошел ребят и, став перед ними, осмотрелся. Ничто не предвещало неприятностей, и он, вдохнув терпкий, жаркий воздух джунглей, потянулся и зевнул. На солнце блеснули его клыки, а над поляной пронесся добродушный вздох выславшегося Шарика:

«Аауав!..»

Пока Шарик потягивался и зевал, все на поляне затихло и насторожилось. Появление неведомого черно-белого лопухого существа на четырех лапах с лихо вздернутым обрубком хвоста было встречено с должным вниманием.

Но уже в следующую секунду у крокодилов исчезла сонливость. Их маленькие глазки вспыхнули яростным огнем, кривые ножки и тяжелые, распластанные хвосты нервно дернулись.

Смутились, по-видимому, и люди. Они приподняли стоявшие возле них раскрашенные щиты и сжали боевые копыя-дротики.

Шарик не заметил этих сдержанных приготовлений. Он добродушно и благожелательно, склонив голову набок, рассматривал окружающее до тех пор, пока какой-то мотылек довольно легкомысленно не уселся ему на нос. Шарик, естественно, чихнул и обиженно посмотрел на несерьезного шутника. Оказывается, над ним уже кружился целый рой каких-то мушек, комаров и бабочек. Некоторые даже пытались атаковать его, но сейчас же запутывались в густой собачьей шерсти.

И тут крокодилы пришли в движение. Неуловимо

быстрыми, змеиными движениями они стали передвигаться к безмятежно рассматривающему мошкару Шарику.

Ребята сразу заметили это опасное движение и не столько от страха, сколько от отвращения подались назад, к машине. А Шарик не видел этого и остался один. Совсем один на чужой поляне чужого материка. Крокодилы обступали его со всех сторон, надвигаясь бесшумно, неуловимо, но, в общем-то, довольно быстро.

Еще б мгновение — и Шарик, возможно, погиб, но Юрий не выдержал недоброй тишины и крикнул:

— Шарик!

Шарик с перепугу высоко подпрыгнул и растерянно, удивленно гавкнул.

Крокодилы прижались к земле и застыли, люди качнулись — возможно, они видели собаку в первый раз и слышали собачий лай тоже в первый раз. И он сразу поразил всех — даже того человека, который в одиночестве сидел в корзине из древесных воздушных корней.

Если бы никто не испугался, Шарик, наверно, попросту сбежал в машину и там бы его никто не достал. Но он увидел, как все вокруг испугались, и, вспомнив бой на планете Красных Зорь, решил, что ему теперь все позволено. Он лихо подлетел к морде самого большого крокодила, того, что отполз от ног одинокого человека, и твякнул ему прямо в пасть:

«Гав! Гав! Гав!..»

Крокодил отвернулся и даже, кажется, прищурился от неожиданности, и Шарик мог бы торжествовать победу.

Однако крокодилы тоже оказались на высоте. Они быстро пришли в себя, и сосед самого большого крокодила вдруг ринулся вперед и лязгнул огромными

челюстями. Этот костяной лязг стал сигналом. Все остальные тоже кинулись в атаку.

Конечно, если бы на месте Шарика была какая-нибудь комнатная собачонка, которую держат только для увеселения хозяев, тогда крокодилы безусловно выиграли бы битву. Но Шарик был благородным потомком русских дворяншек, которые всему миру известны как самые преданные друзья человека, как первые исследователи неведомых космических высот, наконец Шарик уже бывал на другой планете и сражался там не с такими чудовищами! Поэтому он не растерялся, не пал духом. Он, как истый потомок бойцов и охотников, с яростным залившимся лаем бросился на крокодилов.

Не зря говорят: смелость города берет! Шарик, не рассчитав разгона, лихо перескочил через крокодилий разверстые пасти и вскочил одному из них на спину. К нему немедленно бросились другие. Но Шарик перепрыгнул на третьего, успев при этом довольно ощутимо оцарапать морду одного из своих бронированных врагов.

Так и закружилась эта невероятная карусель. Шарик прыгал по крокодильим спинам, крокодилы лезли друг на друга и лупили соседей своими сильными, тяжелыми хвостами, а Шарик успевал при этом то укусить кого-то, то оцарапать.

Когда дерущиеся приближались к полуголым людям, те отступали, прятались в джунгли, а когда Шарик и крокодилы удалялись от них, тогда люди опять высовывали из зелени свои ослепительно сверкавшие белые носы.

Только один человек не тронулся с места. Он только крикнул что-то на непонятном языке, и крокодилы, тяжело дыша, стали расползаться по своим местам. Постепенно возвращались в строй и белоносые люди с черно-желтыми рисунками орхидей на лбах.

Шарик прекрасно понимал, что он вышел победителем из этой необыкновенной схватки. Его не оставил боевой азарт, он несколько раз обежал машину, принюхался к полянке, а потом торжествующе улегся у ног ребят.

IV

Человек, сидящий на стуле, строго оглядел поляну и, дождавшись, пока все остальные соплеменники рассядутся по местам, а крокодилы расправят как следует свои могучие хвосты, на чистейшем русском языке произнес:

— Добро пожаловать, молодые люди! Здравствуйте, дорогие гости!

Если бы крокодилы начали танцевать вальс или, как говорят, грянул гром среди ясного неба, ребята удивились бы не так. Но русский язык в джунглях, да не какой-нибудь московский, с «аканьем», или волжский, с «оканьем», а самый чистый русский язык, на котором говорят артисты и дикторы!

— Здравствуйте,— вежливо ответил Вася.

Но Юре почему-то показалось, что в данном случае нужно ответить иначе. И он сказал:

— Приветик! — и помахал рукой.

Вася почти с ужасом посмотрел на него и прошипел:

— Ты с ума сошел! В чужой стране...

— А что особенного? Может быть, я его обидел?

— «Может быть»! — передразнил Вася.— Ведь он, видимо, отлично знает русский язык.

— Тогда он поймет, что так тоже можно приветствовать,— сказал Юра и, расхрабрившись, пошел к корзине из висячих корней.

Однако дойти до нее ему не удалось. Остальные люди вдруг поднялись со своих мест и стали окру-

жать ребят. Откуда-то из глубины джунглей раздался прерывистый глухой барабанный звук. Белоносые люди с черной орхидеей на лбу стали ритмически подергиваться в такт этому глухому звуку.

Вначале ребятам, конечно, было страшновато: мало ли зачем тебя окружают незнакомые да еще вооруженные люди. А может быть, это охотники за черепами, которые, убив врага, высушивают его голову. И хотя, говорят, делают они это необыкновенно искусно — такое искусство почему-то не всем нравится.

Но потом, когда белоносые стали дергаться и вертеться на месте, Юрий шепнул другу:

— Ты знаешь, по-моему, они танцуют.

Вася критически посмотрел на странных, дергающихся и вертящих бедрами людей и не очень охотно, но согласился:

— Возможно...— Он решил не удивляться.

Ведь когда на аэродроме встречают какого-нибудь высокого иностранного гостя, так перед ним обязательно проходит почетный караул, и высокий иностранный гость стоит и смотрит. Вот теперь и эти вооруженные люди демонстрируют высший класс своей боевой подготовки.

Все, что происходило на поляне, и успокаивало, и в то же время волновало ребят.

Юрий на всякий случай выпрямился, сурово и неприступно нахмурил брови и скрестил руки на груди, приняв гордую и независимую позу.

— Ты чего? — удивился Вася.

— Солидности набираюсь! — буркнул тот. — И тебе советую. Как-никак, а для нас выставили почетный караул, танцы всякие устроили...

Вася недоверчиво посмотрел на него, на танцующих воинов и решил, что в таком рассуждении есть доля правды. Он не стал скрещивать рук на груди, а заложил их за спину и чуть выставил вперед ногу.

Ребята не спеша двинулись по коридору, который образовали расступившиеся воины.

Поза получилась очень красивая и независимая, не хуже, чем у Юрия.

Как раз в этот момент воины стали расступаться, открывая как бы коридор к человеку на стуле, который сидел все в той же позе и что-то медленно жевал.

Крокодилы остались на своих местах — с виду очень ленивые, сонные и ко всему равнодушные. Ребята не спеша и тоже, по возможности, очень солидно двинулись по этому коридору. Впереди них бежал легкомысленный Шарик, дружелюбно помахивая кургузым обрубок хвоста.

Когда они подошли к одинокому человеку, он встал, выплюнул жвачку и радушно развел руки.

— А теперь я приглашаю вас в мою резиденцию.

И они прошли сквозь зеленый коридор джунглей и вышли на другую поляну, почти скрытую окружающими ее пальмами, с огромными перистыми листьями. В центре поблескивал проточный пруд, а вокруг него сгрудились хижины.

Чуть в стороне стояла особенно красивая и довольно большая хижина с верандой и большим навесом, под которым виднелась какая-то странная машина. Вася и Юра переглянулись и даже чуть замедлили шаг.

— Слушай, она поломанная, что ли? — шепнул Юрий.

— Не знаю... Может, такая конструкция...

Но рассмотреть ее они не успели — одинокий человек обогнул веранду и провел ребят в дом.

— Садитесь, — сказал одинокий человек, показывая на легкие стулья и хлопая в ладоши. — Сейчас мои слуги подадут обед.

Все это показалось странным — человек говорит по-русски, а толкует о слугах. Неужели он дореволюционный? Но по виду он молодой. Шутит, что ли?

Но вслух ребята ничего не сказали. Они с достоинством уселись на стулья, поерзали, устраиваясь поудобней, и стулья под ними зашелестели, заскрипели и зашатались.

Но тут действительно стали появляться слуги — тоже с черно-желтыми пятнами на лбах, с белыми носами и татуировкой на лицах, небольшого роста, упитанные, похожие скорее на сытых и благополучных лакеев, чем на отважных воинов какого-нибудь малоизвестного племени.

— Ну-с, давайте знакомиться. Меня зовут Анабрадгомерат из рода Симлодатоинчена. Но по-

сколько вам выговаривать такие слова трудновато, называйте меня просто Ану. Итак, меня зовут Ану. А вас?

Пока белый человек произносил эти слова, ребята настороженно рассматривали его.

Странное у него лицо — как будто молодое и в то же время старое. Красивое, но чем-то неприятное. И тело у него было молодое, сильное, а на шее почему-то явственно проступала сетка глубоких морщин. — Так как же мне вас называть? — повторил Ану.

Ребята назвались.

— Ну вот и чудесно... Прошу подкрепиться. Кухня у нас, естественно, с некоторыми странностями, но в общем ничего, терпеть можно. А привыкнешь — даже найдешь некоторую прелесть.

Рассмотреть как следует все, что принесли и поставили на стол слуги, было трудно — все покрывала мелко нарезанная зелень. Но запах от всего шел действительно ни на что не похожий. Пахло то ли перцем или луком и в то же время какими-то неизвестными духами, а может быть, и карамелями. Впрочем, если вечером не поужинаешь, то утром за завтраком съешь все, что угодно.

И ребята начали есть. Вначале какие-то травы и корешки или побеги, потом очень вкусную рыбу, наконец, нежное и странно сладковатое мясо. Оно было вкусным, ничего не скажешь, но каким-то уж чересчур странным.

Ану улыбнулся:

— Вам нравится мясо анаконды?

Анаконда! Самая большая змея на свете, гигантский удав, гроза джунглей.

— Да-да, не удивляйтесь. Это именно анаконда. — Ану перестал улыбаться и заговорил серьезно: — Местные племена давно употребляют в пищу и змей, и всяких там кузнечиков, но делают это в высшей

степени бессистемно. Я, естественно, не мог этого допустить. Поэтому в моем племени неплохая анакондная ферма, есть прелюбопытные экземпляры.

Ану заметил недоумение ребят, опять улыбнулся — на этот раз, пожалуй, даже несколько злорадно — и хлопнул в ладоши.

Слуги немедленно принесли фрукты и ягоды, а хозяин сказал:

— Ну-с, не будем терять времени. В конце концов, чем бы я вас ни угощал и что бы ни говорил, вас прежде всего волнует один вопрос: каким образом против своей воли вы очутились на этой земле и в этой хижине? Отвечу сразу: виноват в этом я. Это моя воля и моя программа заставила вашу машину не слушаться вас и прилететь туда, куда хотел я. А я, скажу честно, очень этого хотел.

— А... а зачем вам это нужно? — спросил Вася.

— Вот в этом все и дело. Мне не хочется вас обманывать — вы люди из самой интересной, на мой взгляд, страны. Я просто расскажу вам мою довольно-таки печальную историю, и вы сами сделаете вывод: прав я или не прав.

Все трое устроились поудобней, то есть поскрипели и пошелестели стульями, взяли по банану, но тут Юрий вспомнил, что на этот раз Шарика не приглашали к столу, и беспокойно огляделся.

Ану понял его сразу.

— Не беспокойтесь. Ваш четвероногий друг накормлен вместе с моими четвероногими друзьями.

Юрий смекнул, с кем кормили Шарика, и не без опаски спросил:

— А ваши четвероногие друзья не... того?

— Нет, не беспокойтесь. Они достаточно дрессированы и не едят никого без моего разрешения.

— Ну ладно... — не очень уверенно согласился Юрий. — Посмотрим и... послушаем.

— Так вот,— начал Ану,— родился я, по вашему летосчислению, почти двести десять лет назад на планете Саумпертон, в третьем подразделении семнадцатой Галактики. Родители мои были довольно состоятельны и, стремясь расширить свое дело (они владели неплохими комбинатами по производству и переработке морских продуктов), отдали меня в космическое начальное училище, которое я окончил без особых отличий, но благодаря связям был все-таки принят в среднее космическое учебное заведение, где неожиданно для себя полюбил биологию. Родители согласились с этим увлечением — оно было связано с их основным делом. Начальство же поощрило меня — ведь на нашей планете было не так уж много молодых людей из хороших семей, желающих заниматься биологией. Это, знаете ли, иногда не очень приятно пахнет,— улыбнулся Ану.

Ребята смотрели друг на друга, на Ану и, честно говоря, стали побаиваться: уж не сумасшедший ли перед ними?

Получалась явная несуразица.

Ну что у него такой возраст — это его личное дело. Мало ли чего не бывает на других планетах. Это они понимали. А вот что там, где умудряются жить так долго, оказывается, есть состоятельные родители, владеющие собственным делом... Это что ж? Это ж выходит, что перед ними сидит самый обыкновенный капиталист, только с другой планеты?

Ану, видимо, понял, что ребята ему не поверили, он опять очень тонко улыбнулся, взял со стола какую-то желтовато-коричневую массу и отправил ее в рот. С этой минуты, разговаривая, он все время жевал.

— Я понимаю вас, вам не все ясно, кое-что смеш-

но, иное даже враждебно. Но не спешите с выводами. Я не сумасшедший. Просто слушайте...

Как раз в это время одна из военных космических экспедиций перехватила космический корабль из третьего подразделения соседней, шестнадцатой Галактики. Пленные показали, что они обнаружили довольно симпатичную Голубую планету, на которой уже окончилось образование живых существ с высшей нервной деятельностью и даже появились пока еще примитивные, но цивилизации. Самым приятным было то, что и условия планеты, и представители этих цивилизаций были разительно похожи и на нас, и на наших пленников. Ну, естественно, мы не захотели допустить, чтобы такая веселая и симпатичная планета досталась нашим противникам, которые давным-давно жили по иным, чем мы, законам и даже отказались от принципов частной собственности.

Как и большинство молодежи, я тоже увлекся идеей предстоящего завоевания Голубой планеты и, воспользовавшись тем, что один из моих учителей был назначен начальником биологической группы экспедиции, добился зачисления в штат.

Нам нужно было спешить. Дело в том, что люди из шестнадцатой Галактики могли появляться на Голубой планете только раз в шесть-семь тысяч лет, по вашему исчислению. Мы же находились еще дальше, и поэтому лететь нам предстояло еще дольше. И если бы мы пропустили выгодное время, мы не смогли бы добраться до вашей Голубой планеты в годы моего и последующего поколений.

— А почему? — спросил Юрий. — Что этому могло помешать?

— Видишь ли, Юрий... Все это очень сложно объяснить. В космосе только кажется, что все движется точно по прямой. На самом деле движение во Вселенной происходит по очень сложным, мозаич-

висимым кривым, да еще не с постоянной скоростью. Вот почему дальних космических путешественников всегда подстерегают неожиданности.

Так вот, в тот год кривые галактических движений располагались удачно: именно поэтому захваченный нами корабль и спешил на вашу планету. Ну, естественно, поспешили и мы.

Как проходило путешествие, рассказывать неинтересно. Были перегрузки, потом привыкание к искусственным гравитационным и магнитным полям, наконец, длительный искусственный сон и все такое, что почти обязательно в дальних путешествиях.

Когда мы вошли в зону действия магнитного поля вашей Голубой планеты, наш командир корабля стал снижаться. Мы начали изучение поверхности планеты и удивились — почти везде шла война. Все пять ваших континентов как будто сошли с ума — все воевали. Племена с племенами, страны со странами и так далее. А ведь наши пленники говорили, что те племена, с которыми они установили контакт, были очень миролюбивы.

Особенно серьезные события происходили на территории теперешней вашей страны и прилегающих к ней окрестностей. Там передвигались такие огромные людские массы, что мы заинтересовались этим и некоторое время, введя в строй тормозные плазменные двигатели, задерживались над ней, пристроившись в хвост как раз пролетавшей над Землей кометы. Уже потом, когда земляне наконец переступили порог начала подлинной цивилизации и изобрели радио, я узнал, что по странной случайности многие северные люди, разглядывая обыкновенную комету, предсказывали конец света, а одного из воюющих властолюбцев — кажется, Наполеона — даже объявили невероятным каким-то существом, если не ошибаюсь, антихристом.

Подчеркиваю, наша информация о вашей планете была, конечно, далеко не исчерпывающей. Правда, мы на полную мощность включали наши прослушивающие аппараты и, переводя их на специальные шифровальные машины, смогли разгадать структуру примерно полусотни языков ваших племен и народов, но этого было недостаточно. Мы владели таким оружием, что могли бы в два счета уничтожить все живое и прекратить войны. Но зачем это делать? Мы ведь пока что вели только разведку — настоящее освоение планеты могло произойти лишь через много тысячелетий, когда наши Галактики снова сблизятся. А пока следовало найти место для более или менее незаметной высадки и обследовать живой мир планеты. Мой учитель, в частности, интересовался новыми рептилиями, холоднокровными, которых можно было бы разводить на наших планетах.

Мы сошли с кометной орбиты и высмотрели вот этот материчок. Нас он прельстил тем, что был почти необитаем — огромные пространства залиты водой и покрыты растительностью. Кроме того, наши пленники рассказали, что они высаживались как раз в этих местах и установили контакт с довольно высокой цивилизацией. Мы, правда, решили сесть несколько южнее, там, где приборы показали наличие разнообразной жизни, особенно рептилий.

И вот наша разведка — пятеро славных ребят, из которых я был самым молодым, — пересела на разведывательный корабль и нырнула вниз. Основной корабль дождался нашего приземления и отправился на обследование соседних планет, с тем чтобы года через два прилететь и забрать нас с собой.

Должен вам сказать, что поначалу все проходило очень хорошо. Мы не испытывали особых не-

удобств от перемены климата — на нашей планете он похож на местный; запас продуктов, в сущности, нам не потребовался — быстро приспособились к местной пище. Враждебных индейцев мы почти не встречали. А если и встречали, то, располагая нашей техникой, мы быстро и решительно разделялись с ними, не оставляя свидетелей — новых врагов на неизвестной планете.

Постепенно мы успокоились и освоились. И хотя научные работы велись на должном уровне, мы перестали проверять механизмы корабля, а пользовались лишь нашими вездеходами. Дожди, которые, как я теперь знаю, льют здесь целыми месяцами, постепенно превратили площадку под кораблем в болото, и он стал оседать, погружаясь в жидкую почву. Но мы так разленились, так были уверены в могуществе нашей техники, что не придали этому значения. Ведь в корабле заключена такая энергия, что стоило привести в движение хотя бы ее десятую часть, и он смог бы вырваться из любой передраги. И мы продолжали заниматься своими делами и развлекаться, пока мой шеф, начальник разведки, не потребовал перебазироваться куда-либо в предгорье — ему казалось, что корабль слишком уж глубоко ушел в болото. Да и окружающий нас животный мир был в основном изучен. Нужные нам экземпляры отобраны и приготовлены к длительной транспортировке. И тут случилось ужасное — корабль вышел из повиновения: он отказался выполнять наши команды.

— Тоже чья-нибудь воля? — спросил Вася.

— Нет, в данном случае не то, совсем не то.

— Отсырело что-нибудь? Или, может, размагнитилось? На нашей планете ведь очень сильное магнитное поле... — солидно вставил Юрий.

— Магнитное поле у вас, конечно, по сильнее,

чем на нашей планете, однако дело было не в нем. Но вы не перебивайте. Я расскажу все по порядку. Мы все, конечно, бросились искать поломку, проверять схемы и буквально остолбенели. Понимаете, все, ну буквально все аппараты, приборы, механизмы и реакторы на месте, все как будто в полном порядке — и ничто не работает! Начали вскрывать кожухи, и тут обнаружилось, что наш корабль кишмя кишит муравьями. Да, да, не удивляйтесь — именно муравьями. В местных джунглях — сотни видов этих удивительных тварей, и множество из них незаметно для нас перебралось в корабль и приспособило его для своего жилья. Они разыскали лазейки, расширили их, кое-где законопатили и устроили свои муравейники, свои ходы и выходы, а заодно перегрызли во многих местах контакты, печатные, кристаллические, металлические и всякие иные схемы и соединения. Словом, если бы мы и решили восстановить все, что эти твари изгрызли, ничего бы не получилось.

Это была катастрофа. Незнакомая нам жизнь незаметно, неотвратимо победила нас.

Естественно, последняя наша надежда теперь заключалась в вездеходах. Мы прежде всего сняли с корабля некоторые блоки, которые не могли быть повреждены муравьями, потому что они находились в металлических экранированных кожухах, взяли оружие, припасы и все это выволокли на поверхность. Но самое главное, мы были лишены источников энергии, с помощью которых через несколько месяцев нам следовало сигнализировать нашему основному кораблю. Правда, рассчитав наши запасы, мы пришли к выводу, что если мы сумеем соединить энергию вездеходов, то, пожалуй, ее хватит для передачи сигналов. Но когда мы принялись за дело, оказалось, что муравьи проникли и в вездеходы.

Честно скажу, мы перепугались. Остаться на

чужой планете нам показалось страшным. И мы, вместо того чтобы спасти остатки корабля и его реакторы, решили прежде всего спастись сами. Мы влезли в свои вездеходы и, с трудом приведя их в действие, помчались к предгорьям, туда, где проклятые дожди не так настойчиво заливают местность, не превращают ее в болото.

Я и мой шеф кое-как добрались до сухого места, осмотрелись и решили ждать второй везделет — в пути мы все время поддерживали связь. Мы вышли из машины, чтобы размяться, и... попали в плен.

Нападение было совершено так стремительно, что мы и охнуть не успели, как нас связали, избили и уволокли в джунгли. Мы видели, как над нами кружил второй везделет, но помочь нам не мог. Больше никогда я не видел ни вторую нашу машину, ни наш разведывательный корабль, который, без сомнения, засосало болото и теперь он безмолвно лежит на дне этих бескрайних джунглей.

IV

— Да-а... история, — вздохнул Юрий, переглянувшись с Васей.

Ему стало жалко Ану, хотя особых симпатий он к нему не питал — было в его облике и в его рассуждениях нечто очень неприятное. Но что именно, Юра все еще не определил.

Он задумался. В сущности, с ним и с Васей произошло почти то же самое, что и с этими биологами с другой планеты. Они тоже поспешили и тоже попали в плен. Так что можно, конечно, недолго любить Ану и его шефа, можно и посмеиваться над ними в душе, но придется делать и печальные выводы — сами они тоже почти в такой же ситуации.

Впрочем, отличием настоящего мужчины являет-

ся как раз умение увидеть свою ошибку, оценить ее, и не просто оценить, а трезво и даже беспощадно осудить. А потом найти выход из создавшейся обстановки, с тем чтобы обязательно исправить ошибку. Потому что известно — нет ничего хуже застарелых ошибок. Они всегда ехидно и подло мстят.

Юрий решил быть осторожным, не спешить с выводами, а терпеливо слушать. Ведь в конечном счете Ану из пленника стал вождем племени. Значит, у него есть опыт, и его нужно перенять хотя бы для того, чтобы самим избавиться от пока что почетного, но все-таки плена.

— Впрочем, это был довольно странный плен, — продолжал рассказывать Ану, — нас просто таскало за собой кочевое индейское племя, и убежать нам не удалось, да и, честно говоря, это было бы бесполезно — кругом безжалостные джунгли, болота и такие же дикие племена. Однако моему шефу показалось, что он умнее меня. В один прекрасный день он удрал к соседнему племени, которое враждовало с нашим. Второе племя очень обрадовалось его прибытию и немедленно подвергло его испытаниям, которые он, естественно, не выдержал. Больше того, он возмутился, что его, ученого, испытывают, и пытался бежать обратно. А когда ему помешали в этом, вступил в бой. Результат был довольно прост — как враг он был убит, а его голова высушена и, вероятно, продана кому-нибудь из белых.

Поступки шефа послужили мне примером. Но и сидеть в плену, влачить жалкое существование не то раба, не то прирученной обезьяны мне тоже не хотелось. Но я был молод, любознателен, быстро выучил язык племени, изучил его обычаи и понял главное — мои властители совершенно беспомощны против сотен болезней, которыми кишат джунгли. Поскольку я биолог, то без особого труда нашел немало средств,

которые помогали бороться с некоторыми болезнями. Меня сделали главным жрецом. Но оставалось много еще болезней, лечить которые я не мог. А жрец обязан быть всемогущим. И тогда я объяснил им, что для этого мне нужно вернуться туда, где остался наш вездеход. Им пришлось подчиниться.

Дело в том, что на вездеходе находились некоторые блоки, которые могли помочь мне исполнить задуманное. Племя прибыло на это место, и я принялся за дело. Самым трудным, конечно, было разобраться в останках нашего вездехода. Проклятые муравьи за время моих злоключений успели попортить многое. Но мое счастье заключалось в том, что вездеход предназначался для высадки на неизвестные планеты и, следовательно, имел повышенную защиту. Вот эта защита и спасла его, а теперь и меня.

Прежде всего я перевел атомный энергоблок на режим сверхэкономичной работы — энергии должно хватить как можно дольше. На сколько времени, я не знал и поэтому жадничал. Чтобы она не пропала зря, я установил радио- и лазерный приемники на постоянный режим работы и законсервировал передатчик. Ведь наш основной, экспедиционный корабль несомненно полетал-полетал над этой Голубой планетой и понял, что мы погибли. Поэтому он улетел — ведь его капитан знал инструкции и не мог рисковать всей экспедицией. Значит, ждать прибытия другого нашего корабля я практически не мог: прожить несколько тысяч лет даже мне не удастся. Зачем же передатчики?

— А приемники?

— А приемники могли потребоваться. Ведь в космосе летают не только представители нашей системы. Значит, я мог случайно засечь их сигналы и тогда уже включить передатчики и дать знать о себе.

— А почему же вы не дали знать о себе нашим людям — землянам? — удивился Юрий.

Ану рассмеялся:

— Кому и как? В то время более или менее цивилизованные люди были заняты войнами, и, значит, устанавливать с ними контакты было бесполезно: на войне не до контактов. Да и техника у них была примитивная — ни радио, ни тем более лазерной связи.

— Верно, верно, мы совсем забыли о вашем возрасте.

— Прежде всего я позаботился о собственной безопасности и безопасности своих подданных — ведь они видели во мне теперь не только жреца, но и вождя. Сделать это было не так сложно: о населении этих мест я знал не так уж мало. Поэтому я включил биологические блоки и, облучив крокодильи яйца, вывел крокодилов с измененной наследственностью. Новые крокодилы отличались повышенной интеллектуальностью. Они воспринимали сигналы и полностью поддавались дрессировке, подчиняясь моей воле. Крокодилы стали моим главным войском. Они защищали меня и моих подданных в воде и в болотистых джунглях. Крокодилы, которых вывел и выдрессировал я, всегда нападают на людей не моего племени.

— Но ведь они напали на Шарика! — воскликнул Юрий. — А он-то на человека непохож.

— Верно. Но еще я им внушил, что все живое, чего они не знают, подлежит уничтожению. Для профилактики.

— Хороша профилактика! — буркнул Вася.

— А что же сделаешь? Все незнакомое может быть враждебно. Так зачем же ожидать, пока оно проявит свою враждебность, тем более что оно нам просто не требуется? Как видите, логика совершенно верная.

— Странная у вас логика...— уже начал сердиться Вася, но Юрий опять толкнул его ногой под столом.

— Мне кажется, что моя логика,— Ану сделал ударение на слове «моя»,— моя логика совершенно правильна, потому что в конечном счете она принесла мне удачу. Так вот. Основное войско я создал. Но мне требовались еще вспомогательные подразделения: крокодилы свирепые, но недостаточно чуткие бойцы. Им не хватало разведки, службы связи. Для этой цели я приспособил обезьян, попугаев и еще кое-каких ночных птиц. Опять-таки с помощью биоманипулятора мне удалось несколько изменить их психику, теперь они прекрасно служат. Расселившись вокруг моей территории, они первыми замечают приближение любого врага и немедленно дают об этом знать своими сигналами. Крокодилы выходят в бой. Но вот беда — крокодилы не слишком поворотливы. Поэтому пришлось приспособить к делу и некоторые виды змей. Условия существования для них в этих местах идеальные, и служат они мне верно. Стоит только появиться чужаку — они немедленно атакуют его и... дело сделано. Я бы даже сказал, что моя главная ударная сила — крокодилы — несколько обленились от безделья: вот уже сотню лет, как в наших местах не появлялось ни одно индейское племя. Все они уверены, что здесь живет дьявол или злой дух. Мне это на руку. Правда, несколько раз сюда пытались пробиться белые люди, но что они могли сделать против моей гвардии? В конечном счете они никогда не возвращались. Вот таким образом я и жил, ожидая появления хоть какого-нибудь корабля. Должен отметить, что, как вы и сами это видите, для своих лет я выгляжу очень молодо — не правда ли?

Ребята только переглянулись. Да и что было говорить? Человек живет третий век, а похож на тридцатилетнего мужчину. Но обсуждать этот вопрос не

хотелось — можно было попасть впросак, и поэтому Юрий вежливо, уклончиво пробурчал:

— Конечно... Но как это вам удастся?

— Это удастся, в общем-то, довольно просто — каждые десять лет я погружаюсь в годовой сон, подключая себя к одному из блоков биоманипуляторов... Вы, кстати, знаете, почему умирает все живое?

▼

О многих вещах думали ребята в своей жизни, но об этом как-то не доводилось. Нельзя сказать, что они не знали, что все живое рано или поздно умирает, но почему и отчего? Они смущенно переглянулись.

— Как вам должно быть известно, — продолжал рассказывать Ану, — каждый живой организм состоит из клеток. А каждая клетка вне зависимости от организма может умирать. Понимаете? Весь организм живет, а некоторые клетки умирают, и на их месте рождаются новые. Когда организм молод, как у вас, например, клеток рождается больше, чем умирает, и вы растете. Вы, наверно, замечали, что, когда начинаешь заниматься физкультурой и спортом, развиваются те или иные мускулы, например бицепсы? Они становятся и больше и крепче. Это значит — в них родилось клеток больше, чем умерло. И наоборот, если все время лежать, не испытывать никаких физических нагрузок, клетки будут отмирать быстрее, организм станет дряблым и быстрее состарится. Но это не все. Наступает время, когда человек уже не растет. Это значит, что смерть клеток и их рождение уравнились. Сколько умирает, столько и рождается. И наконец, к старости все больше и больше клеток умирает, а новых рождается все меньше. Вот так, в общих чертах, наступает смерть. А представьте себе, что бы было, если бы в

организме всегда, во всех случаях жизни рождалось столько же клеток, сколько и умирало?

— Я думаю,— промямлил Вася, потому что Ану требовательно посмотрел прямо ему в глаза,— что было бы очень хорошо...

— Правильно. Организм мог бы жить бесконечно. В этом, грубо говоря, весь фокус. Наши биологи создали метод восстановления клеток организма. Для наших людей важен десятилетний цикл. В течение десяти лет человек живет нормальной жизнью, затем его погружают в искусственный сон и подключают к биоманипулятору. По заранее подобранной программе различные токи—электрические, магнитные и прочие—осторожно воздействуют на клетки. В это же время идет медленное, специальное облучение. В результате организм быстро очищается от умирающих клеток. Так происходит омолаживание организма. И снова в течение десяти лет человек не стареет. У нас, на нашей планете, в стационарных, постоянных установках для этого нужно несколько недель, а для космонавтов созданы приборы, которые делают эту же работу за год.

— Это почему же такая разница?

— Так ведь когда мы летим от планеты к планете, а тем более из одной Галактики в другую, проходят годы. Времени достаточно. Лети и омолаживайся.

— Здорово поставлено! Сколько же у вас живут люди?

— Как вам сказать...— почему-то смутился Ану.— Богатые, конечно, дольше, а тот, кому нечем заплатить за омоложение, меньше...

— Послушайте, Ану,— насупился Юрий,— а вам не кажется, что это не очень справедливо?

— Раньше не казалось,— вздохнул Ану.— Теперь, когда я наслушался земного радио, особенно вашего, то мне иногда кажется... Но с другой сторо-

ны... Вот, например, я так и не омолодил ни одного индейца. А почему? Потому что боюсь, что у меня не хватит энергии и биоманипулятор откажет: он требует немало энергии.

— Но ведь на крокодилов и даже змей у вас находилась энергия.

— Так она требовалась всего один раз. А на людей нужно постоянно...

— Ничего не понимаю! — искренне удивился и возмутился Вася. — Но это значит, что вы все время живете фактически один. Без товарищей. Вы хоть обучаете индейцев чему-нибудь?

Ану печально усмехнулся:

— Нет. Да и чему я их могу обучить? Ведь, в сущности, я знаю, точнее, знал одну лишь биологию. Теперь многое, конечно, забылось. Ну, знаю, как включить кнопки на тех приборах и блоках, что у меня остались. А все остальное...

— Да, но читать, писать, считать, наконец.

— А что читать и на чем писать? — пожал плечами Ану. — Считать я их научил. Так им и считать особенно нечего.

Ребята переглянулись.

— Вы не сердитесь, — поспешил объяснить Ану, — и не осуждайте. Это же очень просто — осуждать. Вы поймите... Как я мог жить по-другому? Как? Я и в самом деле кое-что знал там, на планете Саумпертон. Но постепенно порастерял свои знания, многое забыл. А самое главное — ведь мы учились с помощью блоков, видеоманитофонов, ночного обучения, а на книги и на самостоятельное мышление у нас как-то не очень обращали внимание. И потом, я думал все время о главном: остаться в живых, не потерять надежду выбраться. Вот я и тренировался с теми блоками, что сохранились. Остальное меня даже не интересовало.

Постепенно ребята поняли, что Ану достоин скорее жалости, чем осуждения. Прожить столько лет и не только не научиться ничему новому, но даже позабыть то, что знал когда-то,— это и в самом деле страшно. И еще выходило, что в той, далекой и, видимо, высокой цивилизации, из которой примчался Ану, жизнь строилась по каким-то совершенно неведомым и непонятным для ребят законам. Подумать только: он жил исключительно для себя, заботился только о себе, а все остальное его не интересовало!

Однако ребята понимали, что его следовало не только жалеть или осуждать. Пожалуй, надо было относиться к нему прежде всего осторожно. Мало ли какие штучки может выкинуть этот странный человек!

Ану словно бы догадался, о чем думали ребята, и заискивающе сказал:

— Нет, вы не думайте, что это только по моей злой воле вы очутились тут.

— Знаете, Ану, вы задали нам столько загадок...— начал было Вася, но Юрий насмешливо перебил его:

— Выходит, что вы не виноваты и мы сами прибыли в гости к вашим крокодилам?

— Да нет, нет!— прижал руку к груди Ану.— Нет... Я, конечно, виноват, но не так уж сильно, как вы думаете.

— А мы еще ничего такого не думаем, мы слушаем!— все так же ершисто и насмешливо сказал Юрий.

Васе не очень понравился Юрин тон, и он помягче, повежливее сказал:

— Мы верим, Ану, что, может быть, вы и не так уж виноваты, но достанется за это нам. Вот в чем дело.

— Мы что-нибудь придумаем, чтоб вам не досталось,— сказал Ану.— Но я признаюсь вам честно: когда вы включили везделет, мой поисковый приемник сразу же поймал его волны, и я понял, что в чьих-то руках на Земле находится машина из будущего. Не перебивайте! Дело в том, что вы почему-то включили приводные передатчики на ультрадлинных радиоволнах.

Юрий вспомнил, что, осваивая машину, они включали десятки ручек, рукояток, тумблеров и кнопок, и сказал:

— Но мы этого не хотели.

— Это неважно — хотели вы этого или не хотели. Важно, что включили. А надо вам сказать, что на вашей планете пользуются ультракороткими, короткими, средними и длинными волнами. А вот ультра- или супердлинными не пользуются. Не умеют или еще не знают, для чего они нужны. А ведь как раз ультрадлинные волны считаются у нас самым надежным средством межпланетных связей. Они не отражаются от магнитных слоев атмосферы, пробивают на своем пути многие препятствия, могут быть посланы на чрезвычайно далекие расстояния. Вот почему почти все наши космические путешественники пользуются ультрадлинными радиоволнами. Так вот, когда я услышал, что заработал этот приемник, и прислушался к его сигналам, то понял, что пользоваться приемно-передаточным устройством эти люди, что завладели им, явно не умеют. Вот тогда-то я включил свой передатчик, подключил приводное устройство, и оно дало команду вашей машине.

— А вы не могли его выключить? — настороженно и почти зло спросил Юрий.

— В том-то и дело, что уже не мог! У меня заела какая-то кнопка. Может, муравьи повредили, а может, я не сумел сразу... Ну вот вы и полетели...

— Пойдите, Ану, а почему же вы подтащили нас к ракетоносителю?

— К какому ракетоносителю? — искренне удивился Ану. — Я же вам говорю, что подключить-то я вас подключил, а выключить сразу не мог.

— А почему же мы летели?

— Но ведь на вашем вездеходе, или везделете, есть и особая система роботов. Как только она подключилась к моему приводному устройству, то сама стала выбирать и направление и высоту полета и совершать все маневры, но я, ребята, виноват вот в чем... — скромно потупился Ану.

— В чем же это вы еще виноваты?

— Когда мне удалось исправить кнопку, я ее не выключил.

— Ага! — закричал Юрий, и почти сейчас же в помещение влетел встревоженный Шарик: не угрожает ли его хозяину опасность? А там, где опасность, Шарик считал себя обязанным присутствовать. — Ага! — злорадно повторил Юрий. — Значит, вы все-таки виноваты!

— Посудите сами. Мне так хотелось установить контакт хоть с кем-нибудь, кто помог бы мне вернуться к себе домой. Ведь когда прилетал корабль с голубыми людьми Розовой планеты, я тоже пытался привлечь их к себе. Но ведь они пользуются нейтральной защитой, и мои жалкие блоки ничего не могли поделать. И самое главное... Самое главное, что мы, то есть наша система, постоянно враждуем с Розовой планетой. И поэтому хотя голубые люди и могли засечь мои передатчики, они вправе были просто не захотеть прийти мне на помощь.

— Плохо вы знаете голубых людей! — обиделся Юрий.

— Может быть, может быть, — поспешно согласился Ану. — Но в этот раз мне казалось, что там, от-

куда шли ваши сигналы, были и еще какие-то мощные излучения.

Ребята быстро переглянулись. И Ану заметил это, но не подал виду и продолжал говорить все так же покорно:

— Вначале я подумал, что это прибыл корабль из нашей Галактики, а потом понял, что это невозможно, и подумал: «А вдруг на Землю прибыл какой-нибудь новый корабль из какой-нибудь неизвестной ни нам, ни вам цивилизации. В мире ведь может случиться всё, что угодно».

— Ну-у, «все, что угодно» случается не так уж часто,— чтобы скрыть смущение, заметил Вася.— А вот если бы мы столкнулись с ракетоносителем, что тогда?

Все трое вдруг замолкли, каждый по-своему переживая услышанное. Только Шарик, обнюхав углы и мебель, вышел на порог хижины, развалился и засопел. Ему снились далекие миры и то страшное состояние, когда он вдруг стал невероятно расти. Поэтому во сне он тихонько и жалобно повизгивал.

— Послушайте,— вдруг озабоченно сказал Ану,— а ведь то, что вас занесло к этому самому ракетоносителю, действительно может быть очень опасно.

— Почему? — удивился Юрий.— Ведь страшней того, что случилось, уже не произойдет.

— Нет, вы не говорите так. Вы подумайте: все спутники Земли и все ракетоносители постоянно контролируются радарными станциями слежения. И я теперь понимаю маневр роботов вашего вездельца. Чтобы уйти от станции слежения, они пристроили вездельца к ракете, надеясь, что радары его не заметят. Они, вернее, их операторы подумают, что в машине легкие неполадки и сигнал от ракеты чуть раздваивается. Так, маскируясь ракетой, вы перелетели все границы до океана. Но потом вы отделились.

И вот тут-то... Тут-то вас и могли засечь. А если за-
секли, жди беды.

— Какой же беды? — искренне удивился Вася. —
Зачем вы нас пугаете? Мы кому-нибудь сделали
плохое?

— Вы-то нет. Но ведь вы сами знаете, что сейчас
повсюду ищут таинственные «летающие блюдца». Отметят радары ваш маршрут и — пожалуйста. Не-
медленно бросятся искать и вас и ваш везделет.

— Ну при чем здесь «летающие блюдца»? — уди-
вился Юрий.

— Не спорь, — поморщился Вася. — Я читал. Не-
известные предметы в небе или в космосе люди окре-
стили «летающими блюдцами» и охотятся за ними,
чтобы разгадать их тайну или... или чтобы захватить
их в плен и разобраться как следует, что это такое.

— Этого еще не хватало! — возмутился Юрий. —
Из одного плена попасть в другой. Ну и втянули же
вы нас в историю, Ану!

— Честно говоря, мне и самому эта история не
нравится. И, видно, нам придется выпутываться из
нее вместе.

— Как это — вместе? — опешил Юрий.

— Очень просто, — пожал плечами Ану, — будем
удирать втроем.

Ребят это предложение насторожило, и они пере-
глянулись.

Ану грустно и понимающе улыбнулся.

— Вы думаете, что я вам не подхожу в товари-
щи? Может быть, вам кажется, что меня в вашей
стране встретят не самым лучшим образом.

— Да нет...

— Ну, в общем...

— Так вот что я вам скажу. Не забывайте, что
у меня сохранилось не так уж мало целеньких бло-
ков. Это ничего, что я забыл принцип их действия.

Я умею с ними обращаться. А ваши ученые сумеют разгадать их загадки, и тогда... Тогда ваша наука сразу сделает скачок вперед. Я думаю, что ради одного этого стоит взять меня в товарищи. Как вы думаете?

Ану казался симпатичным молодым человеком, с которым и в самом деле стоит совершить обратное путешествие. Ведь то, что предлагал Ану, было хоть и неожиданно, но как будто бы логично. Если и в самом деле соединить добрые изобретения планеты Саумпертон с теми, что заключены в неизвестном корабле, да прибавить все то, что знает Ану,—человечеству не потребуется изобретать уже изобретенное.

Но все-таки что-то настораживало ребят, что-то мешало по достоинству оценить великодушное предложение нового знакомого.

Ану почувствовал это.

— Я не понимаю вас, ребята,—совсем грустно сказал он.— Что вас пугает? Какие у вас могут быть сомнения? Вы просто обязаны оказать помощь попавшему в беду человеку. Я так думаю или не так?

Ребята готовы были уже раскаяться в своем недоверии, но в это время откуда-то издалека донеслись до них неясные шумы: не то крики, не то визги, и, главное, явственно послышался шум моторов.

Юрий тем не менее успел сказать:

— Дорогой Ану, мы хоть сейчас согласны пуститься в обратный путь. Мы оба уверены, что наши советские люди...— тут он немного запнулся, потому что ему впервые приходилось отвечать за всех советских людей,—сделают все возможное, чтобы помочь вам... чтобы вы...— Тут он снова запнулся и махнул рукой:—В общем, удирать так удирать. И как можно скорее.

Странный гул все усиливался, и где-то совсем близко проревели мощные самолетные моторы.

Ану уже не слушал Юрия. Он весь как-то сжался, руками вцепился в стол и прошептал:

— Ну вот, я так и знал. Вас все-таки заметили.

Он приподнялся, но выйти из помещения не успел. Вбежал перепуганный слуга и крикнул что-то на своем родном языке, руками показывая вверх, на потолок.

В то же время в хижину влетел возбужденный Шарик. Он бросился к Юрию, дернул его за штаны и кинулся к двери, нетерпеливо оглядываясь, как будто желая сказать: «Что же ты, хозяин, сидишь и ничего не делаешь, когда творится такое-этакое?»

Но поскольку говорить Шарик все-таки не мог, Юрий понял только одно: творится действительно нечто явно неладное.

Рев самолетных моторов оглушал. Откуда-то из глубины джунглей неслись вопли обезьян и истошные крики птиц. За стенами хижины слышался топот множества босых ног.

Юрий решительно пошел к выходу, его обогнал Шарик, который выскочил за порог и, задрвав голову, отрывисто, зло залаял.

Уже с порога Юрий увидел в раскаленном, белесом небе джунглей разноцветные — белые, оранжевые и красные — цветы парашютов. Сомнений не было: противник — какой именно и откуда, Юрий только догадывался — высаживал воздушный десант.

Если говорить честно, этот неведомый еще противник действовал очень умно. В здешние места иначе, чем по воздуху, не доберешься.

Юрий огляделся и понял, что противник знает, как воевать в джунглях: справа, за рекой, в небе тоже цвели парашюты, и слева, и сзади. Противник

явно окружал деревушку со всех сторон одновременно. Вот почему отовсюду неслись истошные предупреждающие крики сторожей — они возвещали Ану о страшной опасности.

И тут Юрий подумал, что будет, если сюда, на эту полянку, пробьются чужие, неизвестные солдаты и обнаружат на ней двух советских парнишек. Он даже поежился, представив себе, какие неприятности могут быть из-за их с Васей глупого мальчишеского поведения, из-за этого подозрительного типа Ану, из-за всего, что с ними случилось и в чем они не всегда были виноваты. Но кто их об этом спросит? Важно, что советские мальчишки на неведомой машине высадились в дебрях чужой страны.

Он обернулся. Сзади стояли Ану и Вася и тоже рассматривали в небе цветные парашюты. Дышать было трудно: от близких болот поднимались испарения.

— Что будем делать, Ану? — спросил Юрий.

— Не знаю... Я приказал моим воинам выйти на встречу.

— Каким воинам? Крокодилам?

Шарик услышал слово «крокодилы», покрутился под ногами у ребят и побежал прочь по утопанной дорожке. Но этого никто не заметил.

— Нет, крокодилам я приказал выйти на позиции. А вот воинам... индейцам...

— Крокодилов пожалели, а индейцев нет? — сурово спросил Юрий и вдруг понял, что, прежде чем удрать, им предстояло принять бой. И, осознав, как складывается обстановка, и чувствуя необыкновенный прилив сил, Юрий все так же сурово спросил: — И вообще, что вы думаете делать со своим племенем?

— Не в них дело! — махнул рукой Ану. — Индейцы выяснят обстановку и тогда... тогда можно будет принять более существенные меры.

Противник высаживал воздушный десант.

— Какие? Вступить в бой с противником?

— Еще не знаю... Ну, выпущу змеиные фермы, крокодилов. Да и индейцы со своими духовыми ружьями и отравленными стрелами кое-что сделают...— Ану запнулся и с надеждой посмотрел на ребят.— Но мне кажется, что все это бесполезно.

— Почему бесполезно? — удивился Юрий.— Если уж бой, так пусть будет бой. На вездете есть надежное оружие.

— Понимаете, противник слишком силен. Он сломит нас. И мне кажется, мне кажется...

Ану не договорил. Он отвернулся и стал прислушиваться к реву и стонам джунглей. Откуда-то издалека отчетливо донеслась раскатистая трель автомата.

Действительно стало страшно: с одной стороны — автоматы, а с другой — крокодилы...

И, словно понимая это, Ану робко сказал:

— Мне кажется, нам нужно сдаться в плен.

От неожиданности ребята даже слова выговорить не смогли. Как, еще не приняв бой, еще не зная, в чем дело, уже думать о сдаче в плен?!

— Вы поймите меня правильно,— быстро заговорил Ану.— В конце концов, мы с ними ничего не сможем сделать, нас начнут бомбить с воздуха и уничтожат. А если мы сдадимся в плен, то, что ни говорите, а у нас есть знания, у нас есть и ваш и мой, пусть испорченный, вездеход. За все это, за наши знания они пощадят нас.

— Логично. Очень логично! — возмущенно сказал Вася.— Значит, мы отдадим свои знания, свои вездеходы и сами пойдём в плен? А поскольку у этих,— он кивнул в сторону джунглей,— такая же логика, как и у вас, то они наши знания используют, чтобы стать еще сильнее?

— Тут уж ничего не поделаешь...

— Вот именно. Значит, знания и вашей Галактики, и тех людей, которые сделали наш вездеход, пойдут им на пользу?

— Таков закон сильных...

— Поэтому мы должны сделать их еще сильнее и помочь им покорить тех, кто до этого был не слабее? Так?!

Ану сглотнул комок в горле:

— Выходит, так...

Вася от злости и от презрения задохнулся и уже не мог сказать ни слова. Тогда вмешался Юрий. Он понимал, что все дело сейчас в Ану. Даже если они приведут в боевую готовность свой вездеход, Ану всегда сможет перехватить кибернетическую систему его управления и заставит вездеход делать то, что ему потребуется. Один раз он уже это сделал. В таких сложных условиях торопиться опасно. Вот почему Юрий, сдерживая раздражение, обратился к Ану очень миролюбиво:

— Слушайте, Ану, ведь вы собирались бежать в нашу страну. Что вам мешает сделать это?

— Я думал об этом... Думал. Но боюсь, что поздно: мы потеряли время. Понимаете, они засекли наше месторасположение и уже не выпустят вездеход. Более того, стоит ему показаться в воздухе, как они немедленно его собьют.

— Ану, но ведь вы даже не познакомились как следует с нашей машиной, а уже растерялись. И заметьте — вы и тогда растерялись, когда муравьи испортили ваш корабль, и сейчас теряетесь. Неужели это в обычаях вашей планеты?

— Вы считаете, что у нас есть шансы? — спросил Ану.

Чем дольше ребята смотрели на Ану, тем больше им казалось, что его соображения — это только отго-

ворки. Просто он торгуется, прикидывая, кому бы продаться подороже, как наверняка спасти себя.

Ану в конце концов решил:

— Вы, ребята, правы. Нам надо немедленно удирать отсюда в вашу страну.

Он сделал выбор, принял решение, так и не заметив, как предал свое племя, мужчины которого в это время выходили на боевые позиции, чтобы защищать его, Ану.

Все трое бросились к машине. Ану пощелкал тумблерами и кнопками, потом уверенно открыл один из шкафчиков и некоторое время рассматривал заключенные в нем схемы. Он был так углублен, так сосредоточен, что даже не слушал, как со всех сторон все чаще и все ближе раздавались автоматные и пулеметные выстрелы — десантники приближались к деревне.

Индийские женщины и дети медленно и незаметно окружали машину и смотрели на нее скорбными глазами, словно предчувствуя, что их вождь задумал неладное. Столько мольбы было в их взглядах, столько веры, что ребятам стало не по себе. Это было особенно страшным потому, что лица индейцев, украшенные странной и жутковатой татуировкой, казались бесстрастными, даже на детских лицах не дрогнула ни одна жилка, ни один мускул.

И тут Юрий понял все. Он тронул Ану за плечо и показал на индейцев:

— А этих мы бросим?

— А что же делать? — пожал плечами Ану, словно сбрасывая Юрину руку. — Нам-то они не нужны.

— Но ведь войны на позициях. Начнется бой, и тогда... тогда...

— Нас это не касается. У нас более важные задачи.

— Нет! — решительно сказал Вася. — Нет! У нас

так не делается. Мы не можем их бросить на верную смерть.

— Ребята,— нетерпеливо прикрикнул Ану,— у нас мало времени! Нам нужно спешить, а не думать об этих... детях природы. В конце концов, в таком положении они должны подумать сами о себе. И не беспокойтесь: те, кто останется, те подумают. Инстинкт самосохранения.

— Нет! — опять упрямо сказал Юрий.— Если бы они были одни, если бы они не верили вам, а они верили вам и сейчас верят. А вы?.. А мы?.. Их предаем. Так не делают.

— А как, по-вашему, нужно делать?! — разозлился Ану, он совершенно не понимал ребят.— Погибать самим или попадать в плен, чтобы спасти других?

— Да, именно так! — ответил Юрий.— Именно так. Так поступают настоящие мужчины, причем для этого вовсе не обязательно попадать в плен.

— Ну, знаете ли! — возмутился Ану.— В нашей Галактике...

— Так то в вашей. А вот в нашей стране...

Между тем индейские женщины и дети все ближе и ближе подходили к машине, все пристальней смотрели на своего вождя, и в конце концов Ану, пожившись под их взглядами, опять уткнулся в схемы. Вскоре он доложил, что вездеход не только вездет, но и вездеплав. Он даже нашел необходимые рукоятки, которые обеспечивали перевод машины в нужное для этого положение.

— Ну вот что, время не терпит,— решил Юрий.— Нужно что-то делать.

— Что ты предлагаешь?

— Нужно немедленно вернуть воинов и постараться вывести племя из окружения. Иначе оно погибнет. А чтобы задержать десантников, нужно пу-

стить против них все ваше воинство — и крокодилов и змей.

Ану помолчал, оглядел толпу женщин и детей. Он отдал несколько коротких команд на местном гортанном языке, и из толпы, как стрелы, вылетели подростки и скрылись в джунглях. Потом Ану подошел к развалинам своего вездехода, пошептал что-то, приложил руку к сердцу, ко лбу и стал крутить рукоятки и щелкать тумблерами. Юрий внимательно следил за ним и вдруг вспомнил, что все последнее время он почти не видел Шарика. Верный друг куда-то исчез.

Он осмотрелся, заглянул в машину, но Шарика не было нигде. Тогда он позвал собаку, но Шарик не откликнулся.

— Он найдется, — успокоил его Вася.

В наступившей тишине все чаще слышались переестуки автоматов и пулеметов и как будто менее пронзительные, затихающие крики обезьян и сторожевых птиц. Казалось, что все они успокаиваются.

Но через несколько минут над джунглями прокатился новый истошный вопль обезьян. Теперь они кричали как-то по-особенному.

Ану оглянулся и пояснил:

— В атаку пошли змеи. Обезьяны очень боятся змей.

В это время в деревеньку стали возвращаться индейские воины с длинными и легкими духовыми ружьями в руках. Они останавливались возле Ану, ожидая его распоряжений. Он подождал, пока собрались все воины, потом начал свою речь, которую, естественно, ни Вася, ни Юрий понять не смогли. Но по тому, как покорно поникали головами раскрашенные воины, можно было догадаться, что Ану сообщил им не очень-то приятные новости.

И в этот момент из глубины джунглей донесся истошный собачий лай.

— Шарик! — выдохнул Юрий и бросился на этот вопль.

Он сразу понял, что его смелому четвероногому другу грозит смертельная и наверняка необычная опасность — иначе Шарик ни за что бы так не вопил.

Но вопль этот сейчас же потонул в невообразимом шуме и гаме обезьян. Они орали, верещали и выли. В том направлении, где разыгрывался этот невероятный тропический концерт, но гораздо ближе, явственно слышался хруст ветвей.

Вася хотел было броситься за Юрием, но не успел. Юрия перехватил какой-то воин и что-то строго сказал на своем языке. Юрий не понял его, но воин, по видимому, отлично понимал все, что творится в зеленых чащах и болотах джунглей, и решительно задержал Юрия.

Обезьяньи крики все приближались, и воин, вынув из длинных черных, перехваченных ленточкой волос маленькую стрелу, заложил ее в свое духовое ружье и принял боевую позу. Несколько его товарищей тоже зарядили свои ружья и стали рядом.

Из джунглей по вершинам деревьев вырвалась стая обезьян. Они явно за кем-то гнались, швыряя в неведомого врага незрелые плоды. Неожиданно из чащи ветвей выскочил Шарик. Так вот кого преследовали обезьяны! Вид у него был загнанный и, честно говоря, жалкий — обрубок хвоста поджат, голова втянута в плечи, а выражение мохнатой морды было самое виноватое и бессовестно трусливое.

Вслед за ним, изгибаясь, почти струясь, толчками, прыжками двигалась большущая змея. От боевого возбуждения ее раздвоенный язычок метался в раскрытой пасти, усеянной острыми и страшными зубами. Еще мгновение, еще один толчок — и змея наверняка бы настигла Шарика, которого в зарослях спасали стволы и лианы: змее негде было развернуться

в тугую и беспощадную пружину. Но здесь, на поляне, она наверняка схватила бы его. Но именно в это мгновение из той же чащи вывалился крокодил и молниеносно лязгнул своими огромными челюстями.

Тут случилось невероятное: голова змеи и часть ее туловища еще стремительно приближались к Шарикку, а хвост и вторая часть туловища, отсеченная мощным ударом челюстей, уже извивались на траве. Стремительность и точность удара были такими, что ребята замерли, — уж на что могучей и непобедимой казалась змея, но крокодил явно превзошел своего противника.

— Да-а! — покачал головой Юрий. — Ваши вспомогательные солдаты, Ану, действуют отлично.

— Это что, — наигранно-пренебрежительно махнул рукой Ану. — Это была анаконда. Змея, скажу вам, вкусная, но несколько неповоротливая. Ею хорошо пользоваться в засадах, а в маневренном бою она стоит немногого. А вот есть тут маленькие и очень ядовитые змейки — вот этих даже я побаиваюсь.

— Ну что ж, — окончательно приходя в себя, решил Вася, — рассуждая логически, под таким прикрытием мы можем отойти довольно спокойно.

Шарик, который юркнул в машину, наконец тоже пришел в себя и виновато выглянул из-за дверцы. Невозмутимый крокодил стоял возле ног Ану и, вероятно, ни о чем не думал.

■

Итак, машина оказалась еще и вездеплавом, и поэтому выбраться им самим было довольно просто. Вода в стремительной и глубокой реке казалась почти черной. Стоит проплыть по ней несколько километров и — прощай окружение. Но как быть с индейцами? Как быть с остатками везделета с планеты

Саумпертон? Неужели оставлять неизвестному противнику?

Ану все это не интересовало. Ему нравилась машина ребят. Но это почему-то не слишком нравилось ребятам. Кто его знает, что может выдумать этот странный вождь странного племени!

Ану сам пришел на помощь.

— По-моему, мы действительно выскочим совершенно незаметно,— сказал он.— Нужно только принять соответствующие меры.— Он вдруг поморщился и недовольно посмотрел на ребят.— Ах, да... Надо же спасти еще и племя.

Ану пренебрежительно кивнул на индейцев, которые теперь казались не страшными, а скорее жалкими в своей черно-оранжево-белой татуировке, с длинными духовыми ружьями у плеча.

— Что вы предлагаете?

— Если бы мы знали...— начал было Вася, который искренне жалел индейцев, но не знал, что предпринять.

Юрий сразу перебил его:

— Прежде всего нужно снять блоки с вашего везделета, а потом уничтожить его остатки.

Видно, Ану не думал о том, что им придется уничтожить тот самый везделет, к которому он так привык за многие десятки лет своего изгнания. Ведь это было последнее, что роднило его с прошлой жизнью, с его планетой. Вот почему он ничего не ответил и даже как будто растерялся.

— А зачем машину уничтожать? — спросил Вася.

— То есть как это — зачем? — опешил Юрий.— Выходит, передать противнику ключ от знаний?

— Чтобы этого не случилось, вовсе не нужно уничтожать — можно просто спрятать.

Конечно, спрятать. Ведь не всегда же на земле будут существовать такие нравы, когда людям обяза-

тельно нужно будет воевать. Ведь придет же время, когда самым главным будет получение знаний. И вот тогда эти остатки пригодятся...

— Да, но куда их спрячешь? — задумчиво протянул Юрий.

— Наш везделет пролежал в песке неизвестно сколько лет, а этот не сможет пролежать десятилетия?

— Выходит... в землю?

— Ну а куда же еще? — уже сердито переспросил Вася и добавил: — Как можно скорее!

Ану сразу оценил предложение. Он что-то крикнул своему племени, и те, переглянувшись, бросились к хижинам.

Ану, Вася и Юрий принялись за работу. Развинчивали болты и гайки, отстегивали тренчики и защелки и таскали блоки съеденного муравьями везделета в свою машину.

В это же время рядом несколько десятков воинов копали яму, аккуратно складывая землю на огромные листья тропических растений. Работали молча, споро, но по взглядам, по вздохам видно было, что им не нравится вся эта затея, потому что они ничего в ней не понимали.

III

Небо над джунглями очистилось от парашютов и самолетов, и сами джунгли как бы притихли, затаились. Только где-то неподалеку еще ворчали обезьяны и кричали невидимые птицы.

Ану догадывался, что, вероятно, уточняют боевые задачи и вскоре неминуемо начнется наступление. Следовало спешить.

— Сейчас, кажется, самое подходящее время переходить в атаку, — задумчиво сказал Ану.

— В какую атаку? — не понял его Вася, занятый мыслями о судьбе индейцев.

— Сейчас у нас один противник. И мы его должны атаковать, потому что самым лучшим способом защиты является атака, нападение.

— Так что же? Выходит, мы введем в дело оружие? — насторожился Юрий.

— Нет, — решил Ану. — Оно может принести неисчислимы бедствия, и, главное, оно откроет противнику нашу тайну. И вообще может случиться такое, что мы и сами не сможем себе представить. Нет, я недавно готовил свое воинство столько лет.

Он достал один из блоков, подключил его к клеммам в машине ребят, осторожно покрутил какие-то рукоятки и удовлетворенно хмыкнул:

— Все в порядке! Сейчас дадим команду к атаке.

Он еще поколдовал над блоком, посвистел над ним тихонько и жалобно. И в наступившей тишине как-то вдруг тревожно и даже страшно стало на душе у ребят.

— Почувствовали? — усмехнулся Ану. — Я дал команду моим змеям нападать.

— Но, Ану, как это, зачем?

— Зачем, вы знаете — нужно задержать противника. А вот как — это очень сложно. Чтобы ответить совсем коротко, скажу: слышали, как я свистел? Ну вот это и есть команда. Разные семейства и отряды живых существ, обитающих на вашей, да и не только на вашей, а на всякой планете, имеют свой, несколько отличный от остальных мозг, нервную систему и многое другое. Значит, прежде всего нужно знать эти различия. Потом, узнав, можно их подчинить, влиять на них, прививать им то, что выгодно тебе. А чтобы они слушались тебя и не путали твоих команд с другими, нужно еще и разработать для каждого вида свой особый сигнал. Для змей я разработал свист на

различных нотах. По этому свисту они и пойдут в атаку.

Ану не успел объяснить, как это произойдет, потому что откуда-то издалека над джунглями прокатился истошный крик смертельно перепуганного человека. Ему сейчас же стали вторить обезьяны.

— Ну вот началось.

— Что там... сейчас делается? — спросил Юрий.

— Все очень просто. Когда я вначале дал команду своим змеям выйти на позиции, они выполнили это, но их заметили обезьяны. А обезьяны, нужно вам сказать, прямо-таки ненавидят змей. Ненавидят и боятся. Змеи выдрессированы только на незнакомых людей или животных. Одной анаконде попался ваш четвероногий друг, и она погналась за ним. Правда, мне не совсем понятно, почему мой боевой крокодил так яростно защищал его. Впрочем, очень возможно, что совпали на какое-то мгновение их биотоки и они поняли друг друга. Ведь этот крокодил вроде полковнца. Я воспитывал и тренировал его особенно долго.

Юрий подумал, что Шарик давным-давно знаком с биотоками, которые излучает всякий живой мозг, и поэтому его мгновенная дружба с крокодилами после первой драки может быть и объяснена: они сумели понять друг друга и решили помогать друг другу. Но как обстоит дело со змеями?

— Да, так вот,— с небрежной гордостью рассказывал Ану.— Змеи вышли на позиции, притаились и стали ждать моего сигнала. Обезьяны, потеряв из виду змей, тоже успокоились, тем более что противник после высадки десанта стал собирать своих парашютистов и осматриваться. А вот сейчас, когда я дал сигнал атаки, змеи пришли в движение. По-видимому, одна из них уже атаквала врага. Слышали? И обезьяны увидели пришедших в движение змей и,

конечно, откликнулись. Сейчас в джунглях будет очень весело!

Он не ошибся. Крики и вопли в дебрях тропического леса раздавались все чаще и чаще. Наконец стали глухо рваться гранаты. Бой с воинством Ану развертывался по всем правилам военного искусства — одни нападали, другие оборонялись.

Индейцы хмуро поглядывали на своего вождя, ожидая от него приказаний.

Ану сказал им несколько слов.

Индейцы только склонили головы — они привыкли во всем подчиняться своему вождю. Они поняли теперь, что для собственного спасения нужно уйти из родной деревни и раствориться в джунглях.

Мужчины осторожно опустили в приготовленную яму остатки везделета и стали быстро засыпать его. В это время женщины и дети разбежались по своим хижинам и стали собирать вещи. Когда они вышли с ними на поляну, мужчины уже засыпали везделет и теперь приплясывали на холмике, утрамбовывая землю.

Ану прислушался к тому, что творилось в джунглях, и сказал:

— Пора уходить.

Солнце склонялось к горизонту, воздух стал более влажным, и дышалось еще более тяжело. И тут совсем неподалеку грохнуло несколько выстрелов.

— И противник нервничает, — усмехнулся Ану, — нужно воспользоваться этим.

И он приказал немедленно поджечь хижины. Индейцы не стали протестовать. Они покорно выполнили и это приказание вождя.

Когда вездеход тронулся, в перекаленное тропическим солнцем небо взметнулись столбы бурого легкого дыма — отлично высохшие листья, которыми были покрыты хижины, горели легко и быстро.

I

— Куда же мы двинемся? — спросил Вася.

— Пожалуй, лучше вниз — нам поможет течение. Да и им тоже, — кивнул Ану на свое племя, толпящееся вдоль берега с пожитками за плечами и на голове.

— А вы знаете, что сейчас делается на обоих берегах реки?

— Посмотрим.

— Кто посмотрит?

— Можно послать в разведку воинов.

— А если они попадутся противнику на глаза? Тогда будет раскрыт наш замысел и могут погибнуть ни в чем не повинные люди.

— Я предлагаю послать не воинов, а крокодилов, — вмешался Юрий. — Пусть они выяснят, свободны ли берега реки. Ведь что там делается в джунглях, ничего не разберешь.

— Крокодилы хорошие пловцы и отличные бойцы. Но я натренировал их так, что они вряд ли что-нибудь

разведают. Драться они умеют, это верно. А вот разведать... Да и как они дадут знать о том, что увидели?

— А если... если мы пошлем вместе с крокодилами нашего Шарика? — осторожно спросил Юрий.

И Вася удивленно посмотрел на него — рисковать четвероногим другом?

— Кое-что он может сделать. Там, где ничего не поймет ваш крокодил, там во всем разберется Шарик. Ведь у него, кроме глаз, есть еще и великолепный нюх, чутье. Он сразу, по запаху, определит, есть ли люди вдоль нашего движения или нет. А определив, лаем даст об этом знать. Ведь крокодилы-то лаять не умеют.

— Резонно, — согласился Ану. — Вы можете отдать ему распоряжение?

— Да, если вы дадите мне ваш блок с усилителем биотоков.

Ану пожал плечами, перевалился на сиденье и, поковырявшись в своей поклаже, передал Юрию блок, показав, как с ним обращаться.

Юра напряг все свои мыслительные способности, отчего у него на вспотевшем лбу прорезались глубокие морщинки. Он стал думать, глядя прямо в глаза Шарика, безмятежно помахивающему обручком хвоста.

Шарик доверчиво улыбнулся, хотя в глазах у него мелькало виноватое выражение — он не забыл, как не то что бежал, а прямо-таки улепетывал от анаконды.

По его улыбке стало понятно, что мыслительные способности Юрия пока не действуют. Наверно, не хватало биотоков. И это очень смущало, тем более что Юрий думал не на обыкновенном русском языке, который, как известно, Шарик понимал не очень хорошо, а на языке голубых людей.

— Не получается? — насмешливо спросил Ану.

— Да... Что-то не так.

— Ах, молодой человек, молодой человек, и вы еще собираетесь командовать! Ведь все нужно проверять и проверять. А вы не проверили.

— Чего я не проверил? — удивился Юрий.

— Не проверили, включен ли блок в систему питания. Ведь в нем нет энергии.

Юра густо покраснел: промах был слишком уж наглядным.

— Вот и нам, на планете Саумпертон, казалось, что все на свете будет делаться само по себе. Нет, уважаемые. И в будущем, при более высокой цивилизации, человеку необходимо быть внимательным, уметь проверять и решать сложные задачи. А мы... Да и вы...

Он говорил еще много и долго, но блок в систему питания все-таки включил. Юрий не мог слушать его рассуждения, потому что он опять напрягал все свои мыслительные способности, стараясь мобилизовать побольше биотоков. А Вася следил за товарищем, волновался и поэтому тоже не слушал Ану.

Случилось почти чудо. Почти, потому что настоящее чудо бывает тогда, когда человек не ожидает невероятного, а оно случается. А тут Юрий ждал невероятного, и оно свершилось.

Едва он начал думать на языке голубых людей, как уши Шарика встали торчком и весь он напряжился, а глаза сверкнули умно и внимательно. Юра растолковал своему верному другу боевую задачу, и тот в знак согласия и понимания кивал своей косматой головой. Наконец, вытирая пот, стараясь уже не напрягать мыслительных способностей, Юрий спросил Шарика, все ли ему понятно. Верный друг коротко кивнул, подскочил и лизнул Юрия в нос.

— Ну вот, теперь остановка за вашим крокодиллом.

— За этим дело не станет,— лениво ответил Ану и протянул руку к блоку.

.. Но Шарик опередил его. Он выскользнул из машины и бросился к тому самому крокодилу, который спас его от анаконды. Встав перед его страшной, но невозмутимой мордой, он уставился в сонные, поблескивающие недобрым алым светом крохотные крокодильи глаза. Так они стояли друг перед другом, и что происходило между ними, никто понять не мог.

Но когда оба вдруг повернулись и пошли к воде, всем стало понятным, что крокодил и собака договорились между собой на каком-то особом, только им понятном и доступном языке. И вот что удивительно—ведь ни у того, ни у другого не было ни блока усиления биотоков, ни общего языка. Крокодил ведь просто не мог знать ни русского, ни тем более языка голубых людей, и все-таки он понял Шарика.

Ану пожал плечами.

— Вот этого, честно скажу, я не ожидал. Выходит, у них тоже имеется какая-то своя, особая система обмена мнениями и информацией. Чрезвычайно интересно! Я с этим не сталкивался и даже не предполагал такого.

— Рассуждая логически...— начал было Вася, но, безмерно гордый успехами Шарика, Юра перебил его:

— Век живи, век учись...

Ану подозрительно покосился на него и осторожно осведомился:

— А продолжения у этого изречения нет? Что-то ты остановился как будто на полуслове.

— Нет. Пока что продолжения нет, но, может быть, придумают...

Ему тоже стало не по себе — откуда Ану узнал, что у этой пословицы есть не слишком умное, но зато злое продолжение? Может быть, и Ану умеет читать мысли даже без применения усилителя биотоков?

Крокодил медленно сполз в темные воды реки. Шарик смело вспрыгнул ему на спину и устроился на крокодильей шее. Над водой торчала только верхняя часть страшной, рубчатой морды с двумя парами дырочек. В одной паре бегали зоркие злые глаза, а вторая тихонько посапывала, вдыхая и выдыхая густой парной воздух. Необыкновенная команда отчалила от топких берегов, и со стороны казалось, что аккуратно поджавший хвост Шарик несется по воде без всякой посторонней помощи.

Ану проводил их взглядом, задумался, вздохнул, а потом радостно улыбнулся и достал еще один снятый им со своей машины блок, подключил его и настроил. Вспыхнул странно розовый, слегка пульсирующий экран.

Ребята искоса наблюдали за Ану. Он то настраивал свой прибор и довольно улыбался, то сердился и хмурился. Видно, у него получалось что-то не так, как он бы того желал.

— Может быть, помочь? — спросил Юрий.

— В данном случае помощь не требуется. Просто я ставлю опыт.

Ставить опыт в такое напряженное время казалось странным. Юрий только пожал плечами. В минуту смертельной опасности — ведь как-никак, а отзвуки схваток неизвестных парашютистов с воинством Ану: крокодилами, змеями и обезьянами, все еще докатывались до берега реки — человек может вести себя по-всякому. Но ставить опыт... Такого, кажется, еще не бывало.

Ану, задумчиво помолчав, произнес:

— Мне кажется, мы не сможем увидеть то, что видит сейчас ваш четвероногий друг.

Конечно, если бы ребята не повидали на своем

Необыкновенная команда отчалила от берега.

веку такого, что не видел еще никто на свете, они могли бы удивиться или даже не поверить Ану. Но они видели слишком многое, и поэтому Вася довольно равнодушно спросил:

— Что этому мешает?

— Я не замерил длину волны биотоков Шарика,— скромно сказал Ану, продолжая крутить рукоятки.— Вот теперь и мучаюсь.

— А вы думаете, что Шарик сможет мысленно рассказать нам, что он видит? — спросил Вася, придвигаясь к прибору.

— Нет, этого я не думаю. Хоть ваша собака и обучалась языку голубых людей, это, так сказать, исключение из правил. А правило гласит — животное не способно мыслить с помощью слов или понятий, оно мыслит только конкретными картинками.

— Что-то не совсем понятно.

— А вы как-нибудь на досуге последите за собой. Тогда окажется, что вы думаете словами, понятиями. Если вам, например, хочется выпить воды, то вы не представляете себе картину льющейся или стоящей воды, а мысленно как бы произносите слово «вода». Если вам хочется есть, то в вашем мозгу возникает не картина обеда во всех подробностях, а именно слово, понятие «обед». Вы потом можете его уточнить. Например, заставить себя представить, что на обед вы получите суп и котлеты или жаркое. Но даже представляя себе обед, даже рисуя его в мыслях, вы как бы опишете этот самый обед словами. А вот у животных дело обстоит не так. Они видят сразу целую картину — ведь у них нет языка, как у людей.

— Ну и как же можно увидеть то, что видит животное?

— Довольно просто. Когда зрительные нервы передают изображение окружающей картины в мозг, возбуждаются определенные клетки мозга. А раз они

возбуждаются, то, значит, обязательно выделяют энергию. Эта энергия, конечно, ничтожна, но ведь и прибор необыкновенно чувствителен. Он может уловить, а потом и усилить как раз ничтожнейшие порции энергии, в данном случае биотоков. Но тут есть еще одна трудность — каждое животное имеет свою, только одному ему присущую длину волн биотоков. Если поймать эту волну и усилить биотоки, то можно увидеть, что видит животное. Я пробовал настраиваться на обезьян, но получалось... неважно.

— Но ведь обезьяны более умные животные, чем, например, собаки.

— Это еще неизвестно. По моим наблюдениям, у обезьян уже есть не только система отражения картины окружающего, но и отвлеченные понятия. Они как бы отошли от обычных животных, но до человека им, конечно, далеко. А вот ваша собака как раз подходит для такого опыта — она и мыслит картинками, отражениями, и не имеет конкретных слов, понятий...

— А язык голубых людей? — перебил Вася.

— Так это ж не ее язык. Когда она старается понять то, что вы вдалбливаете ей на этом языке, в ее мозгу идет как бы переводческая работа. Она переводит слова и понятия, высказанные вами, в картины, образы. Это все равно что вы начали бы сейчас говорить... ну, например, на английском языке. Он не ваш родной язык, и вы не умеете думать на нем. Поэтому вы вначале составите нужную фразу на своем родном языке, а потом, в мозгу, переведете ее на английский и произнесете вслух. Ведь вы поступаете именно так?

— Точно!

— Ну вот так примерно поступает и Шарик. И если бы мне удалось настроиться...

На этот раз ему удалось. На экране мелькнуло еще неясное, словно размытое изображение медленно проплывающего леса, перевитого лианами и невероятной красоты цветами. Потом изображение исчезло, а через некоторое время появилось вновь. Оно перемежалось то глადью реки, то видом противоположного берега. Ану осторожно покручивал рукоятку. Изображение становилось то совсем резким и полным, то временами пропадало или совсем, или только частично.

— Ничего не понимаю!.. Блок не в порядке, что ли! — сердился Ану.

Молчавший Юрий думал о Шарике и в то же время присматривался к действиям вождя племени и вдруг как-то сразу, словно при вспышке, заметил интересную особенность — изображение на экране блока пропадало не сразу, а постепенно и не полностью, а как бы смазывалось, затушевывалось. И Юрий, представив, как ведет себя Шарик на спине крокодила у берега незнакомой и враждебной реки, понял, что с ним происходит.

— Все правильно, — сказал Юрий. — Шарик сейчас принохивается.

— То есть как это принохивается? — не понял Ану.

— Понимаете, у собаки есть ведь не только зрение. Она пользуется еще и слухом и обонянием. Так вот, когда она принохивается или прислушивается, она наверняка переключает какие-то участки головного мозга, которые принимают сигналы от этих органов. Может быть, они тоже излучают биотоки, но я боюсь, что вы не изобрели блока, который мог бы переводить запахи и звуки на язык изображения.

Ану согласился с Юрием.

— Ладно. Будем следить только за тем, что он ви-

дит.— И уж потом Ану смутился:— Выходит, я совсем забыл и биологию,— и горько вздохнул.— Чтож делать... Если не пользоваться знаниями, если постоянно не учиться, они обязательно пропадают. Нас этому учили в школе, но я забыл и это...

Ану отвернулся и долго молча смотрел на экран, что-то припоминая, и осторожно работал рукоятками. Вскоре все пошло на лад. Шарик плыл на крокодиле, а люди в вездеходе видели все то, что видел он. А он видел многое: и берега, и тропы, по которым можно пройти, и болота, которые нужно обойти. И все это учитывалось и запоминалось.

Потом крокодил пристал к берегу, и Шарик долго принюхивался и прислушивался к окружающему, потому что изображение на экране часто пропадало. Наконец он двинулся в глубь джунглей. Теперь на экране были видны только корни и стволы. Толстые, тонкие и необъятные. Они переплетались, росли друг на друге, и все-таки Шарик пробирался сквозь эту путаницу, а за ним, ковыляя на своих слегка вывернутых лапах, двигался крокодил, и всем было видно, что он каким-то таинственным образом отлично понимал, что от него хочет собака.

В одном месте изображение на экране стало особенно ярким и четким. Но оно было таким страшным, что даже смотреть на экран не хотелось. Но в то же время смотреть приходилось.

На розоватом квадратике они видели большого и, видимо, сильного человека в незнакомой грязно-пятнистой одежде, который отчаянно боролся с огромной змеей. На голове у человека еще держался лихо заломленный зеленый берет.

Человек этот извивался, стараясь избавиться от змеи, которая легко и даже как будто изящно покачивала своей страшной головой над его зеленым беретом, а сама все сильнее и сильнее сжимала тугие, лос-

нящиеся кольца своего могучего тела. В какое-то мгновение сил у человека не хватило, и он сдался. Змея неуловимо быстро расправила кольца, бросила свою жертву и заструилась куда-то дальше, между корней и лиан, то сливаясь с ними, то, освещенная косым лучом солнца, словно вспыхивала, красуясь своей страшной, пробивной силой.

— Теперь мне понятно, что произошло,— сказал Ану.— На них вначале напали мелкие ядовитые змеи, и они разбежались. Теперь их в лесу ловят анаконды. Да-а... Я им не завидую. Никак не завидую...

— Послушайте!— вдруг опять словно осенило Юрия.— А почему мы не используем радио? Биотоки используем, а самое обыкновенное радио забыли!

— При чем здесь радио?— удивился Вася.— Тебе что, концерта не хватает?

— Чудак, это же солдаты! И у них обязательно есть командиры. А все командиры обязательно поддерживают связь со своими начальниками, доносят им, как идет бой или там сражение... И если мы подслушаем...

— Правильно, парень! Абсолютно правильно! Просто удивительно, как мы не додумались до такой простейшей вещи. Сейчас же включаем!

— Опыта военного у нас нет— вот что,— почему-то печально сказал Вася, словно всю свою жизнь мечтал повоевать.

— Ну мне такого опыта,— кивнув на экран, презрительно скривился Юрий,— век бы не иметь. А вот следить за ними нужно.

Ану уже включил приемник и стал настраивать его на ближние воинские коротковолновые рации. Обнаружить их не составляло особого труда. Потом их подключили к лингвистическим блокам-переводчикам, и чужие голоса стали понятными. А послушав переговоры парашютистов со своими начальниками,

Человек отчаянно боролся с огромной змеей.

понял, что парашютисты не только потерпели поражение от воинства Ану, но и пострадали от огня своих же солдат — те палили во все стороны, преследуя невидимого, но опасного врага.

Сейчас командиры собирали остатки своих растерявшихся в джунглях подразделений и требовали подкреплений и, главное, вертолетов.

— Вот это уже хуже, на вертолете нас могут заметить. Нужно начинать отступление, — сказал Юрий.

IV

И они двинулись в путь. Женщины и дети разместились в огромных, выдолбленных из дерева пирогах, а взрослые и подростки пошли вдоль реки, то обгоняя их, то отставая, чтобы в случае нужды помочь им.

Отступление проходило спокойно еще и потому, что впереди все время находился Шарик и крокодил, благодаря которым экипаж вездеплава знал о том, что творилось в джунглях. Но чем дальше отходила колонна, тем тревожней становилось Юрию. Зона, где разведка была действительно необходима, уже, в сущности, кончилась.

— Как Шарику дать знать, чтобы он возвращался? — спросил Юрий у Ану.

— Ты думаешь, уже время?

— Конечно... Дело к вечеру, он может заблудиться.

— Ну этого не случится — ведь с ним крокодил. Но вы в самом деле хотите его взять в машину?

— Ну а как же! — искренне воскликнул Юра. — Неужели мы его бросим?

Над рекой опять прокатился слитный гул моторов.

Индийские пироги прижались к самому берегу, под кроны свисающих над водой деревьев, а вездеплав

юркнул в ближайшую протоку и затаился — над ними шли тяжелые военные вертолеты. В лучах заходящего солнца ослепительно и сурово сверкали лопасти винтов. Летели они сравнительно низко, и взбитый этими винтами ветер поднял на реке легкую рябь.

Глядя на эту рябь, все заметили, что вода в этой протоке была значительно чище, чем там, где находилась деревня и куда полетели вертолеты.

Когда вездеплав осторожно вышел из протоки, слышался залиvistый лай Шарика. Он стоял на противоположном берегу и звонко, радостно лаял, как будто докладывал, что задание им выполнено и он готов вернуться в состав экипажа. В воду медленно и как будто опасно спускался крокодил. Шарик уже привычно вскочил к нему на спину, и они двинулись к вездеплаву.

Юрию не терпелось поскорее встретиться со своим другом, и он тронул машину с места.

— Не стоит, доплывут и так, — заворчал было Ану, но Юрий все-таки поступил по-своему.

Почти на самой середине протоки крокодил вдруг неестественно дернулся, так, что Шарик едва-едва удержался на его шее. Что-то в поведении крокодила испугало Юрия. Он резко прибавил ход и стрелой помчался навстречу.

Он успел вовремя. Крокодил стал дергаться и колотить по воде своим грозным хвостом. А Шарик, как акробат, еле удерживался от того, чтобы не свалиться в воду.

Когда вездеплав подошел к ним, крокодил бросился к машине как к спасательному кругу. И тут все поняли, что произошло. Едва он взобрался на крышу вездеплава, как она покрылась кровью, а машину окружила стая кругленьких, как кубышки, крепеньких, серебристо-красных рыб, с огромными, усеянными острыми зубами пастями. Именно эти зубы и оставили

свой насечки на хвосте, на брюхе и даже лапах крокодила.

— Это страшная рыба пиррайя,— сказал Ану.— И наше счастье, что мы успели помочь Шарикку, а то и от крокодила и от него не осталось бы и костей.

— Но откуда они тут взялись?

— Видишь, здесь впадает чистая, незаиленная река, а пиррайя водится в чистой воде, там, где хорошая видимость. Кто-то из стаи заметил крокодила и бросился за добычей — эта рыбка нападает на все живое.

— Ну сейчас не до этой милой рыбки! — буркнул Вася и стал отрывать подол рубашки.

— Ты что? — округлил глаза Юрий.— Тебе плохо?

— Мне-то ничего... себе... А ты подумал, что крокодилу плохо? Видишь — он истекает кровью?

Юрий посмотрел на крокодила и вдруг вспомнил: где-то в машине он видел аптечку. Он направился вниз, но его остановил Ану:

— Послушайте, ребята, неужели вы собираетесь лечить крокодила?

— Но он же ранен,— ответил Вася.

— Может быть, вы еще захотите взять и его с собой?

— А как же иначе? Ведь он ваш друг.

— Но у нас мало места!

— Ничего, найдем... наверное.

Ану смотрел на ребят с недоумением и даже не пытался их понять.

— Ох и трудно с ним будет,— тоскливо протянул Юрий.

— С кем? — не сразу понял его Вася.

— С человеком, который ничего не хочет понять,— сказал Юрий и начал копаться в шкафчике, отыскивая бинт, чтобы помочь Васе перевязать кровоточащий хвост крокодила.

— Подождите, я сам,— сказал Ану.

Он вышел на крышу вездеплава, удивленно, как будто в первый раз, осмотрел крокодила, вернулся и достал из своего багажа какой-то флакончик. Потом снова подошел к пострадавшему и небрежно носком своих мокасин ткнул его в бок. Крокодил покорно перевернулся на спину. Ану открыл флакончик и стал капать бурой, сильно и резко пахнущей жидкостью на сочащиеся кровью раны крокодила. Тот вздрагивал и дергался, но терпел.

v

Солнце уже садилось за кроны деревьев, взметнувшихся над бескрайним вечнозеленым разливом джунглей, как гористые островки, река меняла свою окраску.

Лес снова наполнился шумом, верещанием и стрекотанием его обитателей. Но ни гула моторов, ни автоматных очередей уже не слышалось.

— Правьте к берегу, — хмуро сказал Ану. — Я все-таки скажу им прощальные слова и дам... несколько ценных указаний.

Вездеплав приблизился к берегу, остановился перед собравшимся племенем. Индейцы казались утомленными и грустными: они понимали, что их ждет впереди, и уже готовились к этому трудному испытанию.

Их татуировка — особенно черные и желтые пятна на лбах — стала как будто ярче, издали она напоминала необыкновенные сказочные цветы.

— Они уже выполнили свой обычай, — задумчиво сказал Ану, — и дорисовали на лбах цветок черной орхидеи до боевой точности и красоты.

— Как это — до боевой красоты? — осторожно спросил Вася.

— Так. Ведь племя называется племенем Черной орхидеи. А черная орхидея — это очень редкий цветок. Его символ они и рисуют, татуируют у себя на лбах.

А когда им предстоит большая охота, или война, или вообще какие-то чрезвычайные события, они его до-полняют.

— А эта орхидея и в самом деле существует. И почему она черная?

Вездеплав ткнулся в пологий берег, и все племя уже подошло к самой воде. Вот почему Ану не ответил Васе и стал держать последнюю речь. Он говорил недолго, но, видно, убедительно, потому что лица индейцев просветлели и воины стали отделяться от своих семей, которые рассаживались по пирогам.

— Я им сказал,— вздохнул Ану,— что мы еще вернемся. И они поверили. Может быть, их не следовало обманывать?

Пироги медленно и осторожно скользили против течения светлой протоки с кровожадными рыбами пиррайя, постепенно скрываясь под нависшими над водой лианами.

Воины тоже один за другим исчезали за зеленой расписной стеной тропического леса. Он словно поглощал их — красиво неприступный, гордый и жестокий. Всем было грустно. Даже Шарик и крокодил присмирели, печально глядя вслед последнему воину, который скрылся в лесу.

— Скажите, Ану, вон там, у самой протоки, это не черная орхидея? — осторожно спросил Вася.

Ану долго всматривался в лесную стену, но ничего не увидел.

— Давайте подплывем поближе. Вообще черная орхидея встречается довольно редко.

Вездеплав бесшумно двинулся к протоке, и только тогда Ану тоже увидел цветок.

Он висел низко над водой и словно светился изнутри своей желтой чашечкой.

— У тебя великолепное зрение,— сказал Ану.— Это действительно черная орхидея.

На самом деле она была не черной, а скорее темно-темно-фиолетовой или темно-бордовой. Такой темной, что казалась черной. Когда на ее лепестки падал свет, они казались бархатистыми и отливали мягким красновато-фиолетовым светом. Казалось, что свет не отражается от цветка и идет как бы из его глубины. Этот ровный, мягкий и добрый свет оттенял покойную и веселую красоту золотисто-желтой чашечки и разноцветных пестиков.

Вася наклонился к нему и хотел было сорвать, но потом оглянулся на Ану: он уже убедился, что в джунглях ко всему нужно подходить с опаской — мало ли какие неприятности могли таиться за внешней красотой цветка.

— Не бойся, он совершенно безвреден. Когда зайдет солнце, он будет благоухать. У него самый сильный и, кажется, самый приятный запах из всех орхидей. И если у него будет вода, он проживет долго. Может быть, даже пустит ростки.

Вася сорвал цветок, и они долго рассматривали его, поглядывая туда, где скрылось красивое и доброе племя, носящее его имя.

— И так, каково будет решение? — спросил Ану, все еще с тоской поглядывая на протоку.

— Давайте обсудим. Что предлагаете вы, Ану?

— Я, Юрий, теперь ничего не предлагаю. Ведь я всего лишь младший партнер в этом предприятии. Я готов слушаться и повиноваться. Как-никак, а у меня есть опыт раба, — горько усмехнулся Ану.

— Зачем вы так, Ану?.. Ну зачем? — прямо-таки взмолился Вася. — Ведь нам нужно все решать вместе.

— На каждом корабле должен быть командир. А он решает все единолично, не спрашивая советов и никому не отдавая отчета.

Но Юрий твердо помнил обычаи голубых людей и непреклонно сказал:

— Нет, Ану, у нас так не будет.

— А как же будет у вас?

— У нас каждый будет командиром в свое дежур-

ство. Но когда он командир, он будет выполнять волю всех.

— Ничего не понимаю. Как же это получается? Он — командир и вдруг будет выполнять волю всех?

— Это очень просто, Ану. Гораздо проще, чем может показаться. Все принимают одно решение — самое умное, самое правильное и самое удобное для всех. А потом каждый, когда ему выпадет очередь быть командиром, делает все, для того чтобы решение выполнить как можно лучше. И вот тогда уже все будут подчиняться ему. Потому что и командир и все остальные всё будут делать для всех и, значит, для себя.

Ану недоверчиво посмотрел на ребят, потом задумался и наконец честно признался:

— Не знаю... С таким распределением обязанностей мне сталкиваться не приходилось. Но в этом действительно есть что-то очень... верное. Я, пожалуй, согласен попробовать.

Его можно было понять — больше века он был вождем, почти богом и ни у кого не просил совета. Он только приказывал, а все покорно выполняли его волю. А теперь приходилось советоваться на равных. И к этому еще нужно было привыкнуть.

— Я думаю вот о чем, — сказал Вася, — ведь если мы будем возвращаться прежним путем, мы неминуемо опять попадем в переделку.

— Почему? — не понял его Юрий.

— Понимаешь, ведь нас засекли где-то над океаном и прислали вдогонку парашютистов. Кто докажет, что нас не заметят еще раз?

— Пожалуй... Что ты предлагаешь?

— Подождите. Есть еще одно соображение. Мне думается, что если мы полетим на восток, то время будет работать против нас.

— Неясно! — буркнул Ану.

— Неясно? Когда мы летели сюда, мы как бы догоняли тень. А теперь все будет наоборот — мы полетим навстречу дню, и поэтому ночь станет раза в два короче. А это... это опасно. Могут заметить. Значит, нам нужно продолжать полет на запад и снова как бы догонять день.

Они помолчали, и Ану протянул:

— Да-а. Придется все делать наоборот.

— Как это — наоборот? — встрепенулся Юрий.

— Плыть не вниз по реке, на восток, а вверх, на запад. А так как вверху берега реки заняты противником, то... то придется уходить в сторону, в какую-нибудь протоку, а уж потом подниматься в воздух.

Ану, кажется, и в самом деле учился советоваться и подчинять свое самолюбие общему делу. Ведь это дело волей-неволей становилось его делом.

II

Свернуть в сторону не так уж трудно — в реку впадало немало проток; а так как и сама река и почти все ее притоки текли с северо-запада на юго-восток, то и найти нужное направление оказалось пустяковым делом.

Стемнело быстро, как это всегда бывает возле экватора и в тропиках.

Казалось, только что над джунглями багровел и переливался буйными и сочными красками могучий закат и тропический лес стоял притихший, словно уставший от изнуряющей жары, как вдруг откуда-то налетел почти прохладный ветер, и тотчас же в небе вспыхнули необыкновенно яркие, крупные звезды и лес тоже засветился тысячами светлых точек — зеленоватых, багровых, голубых и алых. Летали огромные светляки, вспыхивали глаза ночных хищников и птиц.

Кажется, даже цветы и те начинали светиться призрачным, трепетным светом.

Все стало необычным, прекрасным и в то же время тревожным.

Воздух чуть похолодал. И плыть по черной мерцающей воде среди двух стен тоже мерцающего благоухающего леса было бы полным удовольствием, если бы не проклятые москиты и еще какие-то надоедливые мошки. Они атаковали беспрерывно, настойчиво и безжалостно. Пришлось захлопнуть все люки и окна.

Исчезли запахи, стали неслышными крики и лесные стоны. Мир превратился в посверкивающую огнями безмолвную панораму, проплывающую по обеим сторонам вездеплава. Сразу захотелось спать. Шарик и крокодил устроились за грудой блоков, а ребята подремывали на сиденьях. Бодрствовал только Ану.

Но когда все спят, нужно, как известно, обязательно заняться делом — ведь сон очень заразителен. И Ану снова стал рассматривать схемы и описания, которые он нашел в шкафчиках. Одна из них очень его заинтересовала, и он увидел моток тонкой, как волос, проволоки, конец которой уходил в глубь ящичка. Сверившись со схемой, Ану включил одну из кнопок, и в машине раздался неторопливый, можно сказать печальный, певучий голос. Он задумчиво рассказывал о чем-то на незнакомом языке.

Некоторое время Ану прислушивался к нему, потом, согнав крокодила с одного из блоков, перетащил блок на сиденье и подключил к источникам питания. Блок несколько минут только помаргивал крошечными разноцветными огоньками, потом издал несколько звуков, смолк и опять пропищал что-то. Наконец на нем зажглись красная и зеленая лампочки, и блок стал говорить явно «человеческим языком» — быстро, чуть картаво, но четко и ясно.

Ану сейчас же выключил кнопки — голос смолк.

— Слушайте самую древнюю и самую печальную историю на вашей Земле, а может быть, и в Галактике,— сказал Ану, растолкав прикорнувших ребят.

Ребята еще не пришли в себя и, позевывая, с недоверием посмотрели на Ану. Но тот не стал им объяснять, в чем дело. Он только сказал:

— Переводить буду я, но, поскольку речь идет от имени другого человека, не обращайтесь внимания, если я буду себя называть его именем. А звали его Алаоз. Он последний космонавт с этой вот машины.— Ану хлопнул по сиденью.— Слушайте внимательно!

Ану опять щелкнул кнопкой, и ребята без труда поняли, что он включил звуковоспроизводящий аппарат вроде магнитофона, на котором обязанности магнитной ленты исполняла тонюсенькая проволока. Потом он включил и блок, назначение которого объяснять не требовалось. По всем признакам это был самый обыкновенный лингвистический робот. Он выслушивал чужую речь, находил в ней закономерности, а обнаружив их, без особого труда для своего электронного мозга начинал перевод на тот язык, на который он настроен. Но так как блок был, по-видимому, настроен на язык далекой родины Ану, то говорил он именно на этом языке. А уж Ану переводил сказанное на русский.

...**В**начале я, как и весь экипаж, тоже считал, что, если бы мы запаслись горючим на этой планете, может быть, нам не потребовалось бы нырять в проклятый Черный мешок, который не без основания обходили все наши корабли — в нем всегда царил мрак и оттуда вырывались магнитные бури. А наш командир Оор все-таки решил рискнуть, и я подумал, что наверное понимаю его — потерпев неудачу на стольких планетах, не обнаружив ничего интересного в других Галактиках, Оор решил проникнуть в Черный мешок в надежде получить действительно интересную научную информацию и запастись горючим.

Лично я поступил бы точно так же. Конечно, в этом случае неминуем риск. Но какой же разведчик существует без риска? Он обязан, он должен уметь рисковать. Вот почему на Совете корабля я поддержал Оора. Поддержал еще и потому, что любил его.

В первых полетах он был либо младшим членом

экипажа, как и я, либо заместителем более опытных командиров. А это был его первый самостоятельный полет. И то, что он не принес, в сущности, никаких ощутимых результатов, меня не смущало. Оор не виноват: подвела предварительная радио- и инструментальная разведка.

Там, где мы побывали, мы не нашли ни интересных ископаемых, ни ожидаемых нами цивилизаций. И то, что наши постоянные разведчики приняли радиосигналы, шедшие якобы с этих планет, оказалось в действительности просто-напросто результатом вулканической деятельности. Только теперь мне понятно, что это тоже было результатом влияния Черного мешка.

Но человеку свойственно не замечать или забывать приметы и прямые признаки надвигающейся катастрофы. Всем хочется жить без катастроф, требуется лишь критически осмыслить изученные явления и сделать выводы. Но этого никто не сделал. Никто из тех, кто жил в наше время. Первым соединил и сопоставил разрозненные явления Оор. И если наша Солнечная система все-таки уцелела, а я верю, что она все-таки уцелела, то обязана она не кому-нибудь, а именно Оору.

Повторяю, я бы поступил тогда точно так же, как он. Это был один из самых мужественных, смелых и умных командиров космических кораблей, которые когда-либо бороздили просторы Вселенной.

Я понял, что Оор считает Черный мешок не просто загадкой Вселенной, но и одним из источников, которые обязательно вызывают катастрофы. Но когда? Однажды, дежуря у пульта штурманской группы, я задумался о доме, о возвращении. Я знал, что у нас мало горючего, и решил проверить, сколько же горючего нам нужно, чтобы вернуться домой. Включил систему контроля и обнаружил, что один из запасных бункеров не тронут. Выходило, что не запас горючего

тревожил нашего командира, а именно эта загадка Черного мешка.

Я сказал о своем открытии Оору. Он хитро усмехнулся:

— Какой капитан откажется от пополнения горючим!

Уже после того как Совет корабля принял решение идти в Черный мешок, Оор приказал мне — самому младшему члену экипажа — проверить все системы связи. Я удивился, что он не поставил этой задачи перед более старшими и опытными членами экипажа, но командир опять только усмехнулся и сказал загадочные слова:

— Сейчас для тебя наступил решающий момент. Отныне за связь передо мной отвечаешь ты, и только ты. Поэтому все об этом участке ты должен знать в совершенстве.

Он не потребовал от меня молчания, и я поделился кое с кем из тех, кто был помоложе и ближе ко мне. Они пожали плечами:

— А-а, стариковская блажь! Все они время от времени начинают воспитывать молодых. В свой час это произошло и с тобой.

И еще одно мне запомнилось на всю жизнь: перед самым входом в Черный мешок, когда все поняли, что жесткие излучения в нем превышают все мыслимые нормы, командир приказал облачиться в скафандры всему экипажу, а мне — надеть два скафандра. Я тогда запротестовал — неудобно работать в таком одеянии, — но Оор опять только усмехнулся:

— Малыш, наступает такое время, когда это необходимо. Ты подумай: все мы облучались не раз, наши организмы выработали иммунитет, они привычны ко всяким перегрузкам, твой — нет. В этом твоя беда, и я прикрываю тебя от нее вторым скафандром. И это твое счастье — если мы не выдержим, выдержишь ты.

Из всего этого я делаю вывод: он знал, на что идет, и понимал, что имеет право рисковать кораблем, экипажем, собой ради чего-то более высокого и важного, чем существование корабля и его экипажа. Таким важным было предупреждение о грозящей гибели нашей системе. Что ж, на его месте я поступил бы именно так. Ради счастья и жизни других человек может рискнуть собой и убедить пойти на это своих товарищей.

Влияние Черного мешка мы ощутили примерно в нескольких парсеках от визуальной засечки его границ — у нас начали портиться приборы, а связь стала неустойчивой. Срочно провели дополнительную экранизацию. И я горжусь тем, что придумал «систему выстрела». Собственно, придумал ее не я, о ней было известно давным-давно, но потом, как это часто бывает, о ней забыли. А я вспомнил — может быть, потому, что совсем недавно окончил училище. Просто я записывал необходимые телеграммы на диски с малой скоростью, а когда в системе связи появлялось окно со сравнительно приемлемыми условиями передачи, выстреливал записанное на огромных скоростях.

И я горжусь тем, что именно я первый заметил систему в пульсации Черного мешка. Казалось, в недрах его что-то дышало, раздувалось и опадало. И от этого зависели и потоки излучений, и наше самочувствие. Командир выслушал меня и проверил данные.

Потом он созвал главных специалистов и долго совещался с ними. После совещания все вышли от него притихшие и даже как будто удрученные. Как выяснилось позднее, именно на этом совещании Оор предупредил главных, что путешествие в Черном мешке может кончиться трагически. Но... именно главные специалисты не согласились с его предположениями.

В пульсации мешка они не увидели ничего страшного, ничего предостерегающего. Ведь подобное они

наблюдали и в других местах Вселенной, да и вы, те, к кому я обращаюсь, прекрасно понимаете, что периоды полураспада атомных ядер повсюду одинаковы, поэтому у звезд бывает свой ритм пульсации, который зависит от того, атомами каких элементов они наиболее богаты и на какой стадии развития они находятся.

Но все-таки этот проклятый Черный мешок дышал необычно, так, словно чуял нечто такое, о чем пока никто не догадывался.

Так или иначе грозные предостережения окружали нас со всех сторон и Оор отлично их видел и понимал. И все-таки... Все-таки вел корабль вперед и вперед. Хотя, если честно сказать, наше движение нельзя было назвать движением вперед в обычном космическом смысле, когда полет корабля проходит по четко обозначенному курсу. Наше движение проходило то зигзагом, то по спирали, хотя общее направление всегда было целенаправленно.

Только фантасты смогли бы предусмотреть то, с чем мы встретились в Черном мешке. Нас швыряло во все стороны, и так, что корабль беспрестанно терял курс и мчался к какой-нибудь планете, чтобы разбиться о ее неведомую поверхность. Приходилось включать двигатели на полную мощность да еще сплошь и рядом выстреливать фотонные бомбы-ускорители. Только взрыв этих бомб позволял нам оторваться от страшных сил тяготения, избежать падения — словом, изменить курс, чтобы немедленно попасть в сферу притяжения другой планеты. В Черном мешке планет было так много, как нигде в другом месте. Силы притяжения, гравитации постоянно переплетались и сталкивались.

И чем дальше мы летели, тем чаще нам приходи-

лось применять фотонные бомбы-ускорители и тем яснее становилось, что невероятное еще существует.

Фотонные бомбы, излучающие колоссальное количество света, собранного в длинном пучке, и обычно видимые на громадные расстояния, здесь, в Черном мешке, не давали света. Фотоны как бы растворялись в непроницаемом мраке. Несмотря на протесты главных, которые теперь не видели смысла продолжать по меньшей мере рискованное путешествие, командир, который знал, по-видимому, нечто такое, чего не знали другие, все-таки сумел использовать все свое влияние и добился общего решения продолжать безумный, с точки зрения того времени, полет.

Между тем показания приборов уже перешли границу разумного, и мы сами, без посторонней помощи, вырвались в фантастику. Судите сами. Излучатели Ку-236, 570, излучатели Ти...

III

Тут пошли названия совершенно непонятных приборов, серии формул и цифр, в которых Ану разбирался не лучше ребят. Поэтому он выключил блок и, передохнув, попросил:

— Дайте воды! В горле пересохло от... всего этого.

— Но это же голос... другой эпохи! И это так интересно!

Ану напился, пожевал, словно вспоминая ту жвачку, которой он пользовался во время своей жизни в джунглях, и задумчиво протянул:

— Это действительно интересно. С вашей планеты Черный мешок виден в районе Южного Креста. Черный мешок абсолютно непроницаем, и в нем нет ни проблеска света. Его так и называют моряки и астрономы: угольный мешок. На нашей планете наши космонавты знают немало таких мешков, но они имеют

строжайшую инструкцию — не подходить к этим Черным мешкам близко. А этот Оор решил забраться в самый мешок. Здрово!

— Включайте, Ану!.. — взмолился Юрий.— Хоть и не все понятно, но интересно.

— Знаете, мои дорогие командиры, а ведь перевести с такой скоростью мне и в самом деле тяжело. Мозг ведь не электронная машина — ему необходим отдых. Впрочем, где-то у меня был еще один блок. Переносный лингвистический. Им мы пользовались во время вылазок на везделете.

И он разыскал этот блок, подсоединил его и образовал целую цепь: доисторический магнитофон и два лингвистических блока-переводчика. Когда они включились, Ану безжалостно прогнал ту часть проволоки, на которой давалось описание формул и показания приборов, и тогда снова зазвучал спокойно печальный голос из прошлого. Удивительным было не то, что новый переносный блок говорил на чистом русском языке, а то, что он передавал даже интонации неизвестного рассказчика. А они, эти интонации, были грустны и раздумчивы.

...Взрывы фотонных бомб-ускорителей привели нас еще к одному открытию. Приближаясь к световой скорости, корабль начал резко вибрировать. В нем все трепетало, рвалось и словно возмущалось. Почему это происходило, понять мы не могли, пока не обнаружили, что с началом вибрирования начинали бунтовать наши бортовые часы — и атомные и обыкновенные.

Командир выслушал это сообщение совершенно спокойно и усмехнулся:

— Погодите, будет еще и не то.

Чем глубже мы проникали в густую темень Черно-го мешка, тем чаще выходили из строя приборы раз-

ведки и навигации. Они не могли пробиться своими импульсными лучами в окружающем мраке. Их лучи словно застревали в темноте, и мы постепенно теряли ориентировку, но при этом явственно ощущали, что корабль сносит куда-то вправо и вверх, по-видимому, к центру Черного мешка. Об этом же свидетельствовали и бортовые курсовые регистраторы.

Но это смещение корабля не было постоянным и равномерным. Некая непонятная нам сила мешала смещению, отбрасывая корабль от центра, и он метался из стороны в сторону — в общем-то, нас властно вела за собой какая-то гигантская сила. Она притягивала нас, как магнит притягивает железо. По силе этого притяжения, по мощности, которые затрачивает корабль, чтобы преодолеть его, штурманы определили, что мы попали в зону гравитационных полей огромной по массе звезды или иного небесного тела.

Мы предположили, что это был голубой или красный карлик-звезда с необыкновенно высокой плотностью вещества, в которой атомы как бы сплющены. Но и в этом случае диаметр такого карлика был бы гораздо больше самых крупных звезд — солнц.

Оставалось предположить невероятное — перед нами новый тип небесных тел, атомы которых не только потеряли свои электронные оболочки, но и сплющили свои ядра. Однако подсчеты показали, что и сплющенные ядра, обеспечивающие огромную плотность вещества, не могут обеспечить гравитацию такой мощности. Та сила притяжения, что волокла нас к центру Черного мешка, могла родиться только у очень большого, огромного по размерам тела, состоящего уже не из ядер, а из кварков. Кварки — это «кирпичи», из которых строятся частицы атомов. Они имеют огромную плотность. Только кварковая звезда, по нашим расчетам, могла обеспечить невероятное притяжение, с которым боролся наш корабль.

Но тогда... тогда получалось нечто фантастическое. Ведь для того чтобы сломать атом, нужны невероятные давления. А чтобы сломать ядро атома — и того больше. Но чтобы сломать частицы ядра атома и превратить их в кварки!.. Командир вместе со штурманами рассчитали эти силы и эту невероятную ситуацию. Получились следующие величины...

Некоторое время лингвистический робот переводил лишь цифры, формулы и непонятные термины, пока наконец опять не зазвучал задумчивый голос из прошлого.

IV

...Как видите, расчеты подтвердили, что перед нами был уже не мир атомов, а мир кварков, предпоследнее состояние предвещества. Но ведь всем известно, что кварки тоже состоят из трех частиц — отрицательной, положительной и нейтральной. Страшные, фантастические силы, по-видимому, достигли того состояния, когда уже могли ломать и сами кварки, нарушать взаимодействие частиц, их составляющих.

Неясно было лишь одно. В центре таких реакций, таких преобразований по всем физическим законам должно быть светло как днем. Здесь все должно гореть и плавиться. А вокруг темно. Черный мешок! И тут главный физик корабля высказал предположение, что Черный мешок стал черным именно потому, что все частицы, вся энергия, которая мчится от удивительного небесного тела, имеет скорости выше световых.

Постепенно нам становился понятным механизм этого странного и страшного явления Вселенной. Удивительное кварковое небесное тело, разбрасывая свои частицы со скоростью, превышающей скорость света,

создавало в мировом окружающем его пространстве галактический ветер огромной мощи и плотности. И именно этот ветер как бы гасил носителя света — фотоны, которые, как известно, могут светиться лишь при определенной скорости. Впрочем, и в этом случае частицы света не становились чем-то бесплотным, нематериальным, не уничтожались. Они лишь переходили в иную форму существования, недоступную восприятию нашего зрения.

Напрашивался еще один вывод. Раз звезда выделяет огромное количество энергии за счет ломки атомов и кварков, значит, она непрерывно сокращается и уплотняется, усиливая отделение внутренней энергии. Но поскольку звезда уплотняется, энергии этой становится все трудней вырваться из ее недр и она все накапливается и накапливается в них. В конце концов, по логике развития, энергии накопится столько, что она взорвет кварковую звезду. Тогда произойдет вселенская катастрофа — в кварковых звездах накоплены такие энергии, такие массы предвещества и кварковых осколков, что, взорвавшись и превратившись в энергию, они разнесут все окружающее, испепелят его, превратят в рассеянное скопище атомов и их обломков. Пройдут эпохи, прежде чем это возмущенное и рассеянное вещество пройдет через сложные синтезы и опять превратится в обычную материю, сгруппируется в туманности, из которых вновь рождаются звезды и планеты. Таков открытый нами постоянный путь материи во Вселенной — в ней ничто не пропадает бесследно и ничто не возникает из ничего.

Но от этого сознания нам было не легче. Наша Галактика была слишком близка к Черному мешку, а наша Солнечная система — еще ближе. Взрыв Черного мешка сметет окружающие Галактики. Это не приведет к гибели материи, но неминуемо погубит все живое.

Теперь все, и главные специалисты и обыкновенные, рядовые члены экспедиции, не предлагали вернуться. Они трудились не покладая рук — анализы за анализами, расчеты за расчетами, одна гипотеза за другой. О, теперь никто не подсмеивался над нашим командиром. Теперь все знали, что они поступили бы точно так же, как и он... за исключением меня.

В это время один я уже не был в этом уверен, потому что если у него родились подобные предположения, научные гипотезы, ему не следовало их беречь для себя. Прежде чем принять решение ринуться в Черный мешок, он обязан был сообщить о своих подзрениях на наши планеты.

Сделал ли он это? Не знаю... Я подобной фонограммы не передавал. Впрочем, я освоил связь уже после принятия решения.

▼

На всех совещаниях и советах Оор отмалчивался. Он только слушал. Особенно главного физика, который предложил выбрасывать за борт все отбросы в открытых контейнерах, а потом, после жестких облучений, возвращать их обратно и использовать как ядерное горючее — ведь они подвергались адскому воздействию кварковой звезды. Так мы запаслись горючим.

Физико-химики предложили принципиально новый метод атомного уплотнения корабля, и им удалось провести свое предложение. Создавая сверхмощное внутриобшивочное нейтринное давление и резко разворачивая корабль навстречу наиболее мощным потокам частиц, идущих от невидимой звезды, они сумели спрессовать оболочку корабля до мыслимых пределов, что позволило почти полностью избежать проникновения в корабль жестких излучений. Все

стали снимать предохранительные скафандры. Но командир своего скафандра не снимал и категорически запретил делать это и мне.

— Мучься, малыш,— говорил он,— они слишком верят в расчеты, а я считаю, что тут может оказаться нечто такое, чего мы не знаем. Поэтому давай побережемся.

В то время я не слишком верил ему — ведь я уже сомневался в нем,— но приказ есть приказ, и я мучился в своих двух скафандрах, снося еще и шутки по этому поводу старших товарищей.

Когда и расчеты и наблюдения показали нам, что взрывы кварковой звезды, а вместе с ней и взрыв всех ее невидимых спутников неминуем и произойдет он довольно скоро, собрался общий Совет, чтобы решить судьбу корабля. И вот что удивительно: весь экипаж требовал от командира остаться в Черном мешке еще некоторое время, чтобы до конца разгадать его законы, постичь закономерности, взять пробы,— словом, проделать огромную и безусловно полезную научную работу, ценность которой для будущего трудно было предугадать.

А он был против. Он, который привел их сюда и убедил, что они обязаны рисковать собой, теперь был против продолжения полета.

— Наука важна только тогда, когда ею есть кому заниматься и когда она необходима другим. Сейчас речь идет о самом существовании нашей Галактики. Если мы опоздаем с тем, что у нас есть, кому потребуются ваши знания?

Конечно, он был прав и в то же время неправ. В чем — не знаю. В то время мне казалось, что есть в его рассуждениях неправота. Но я опять стал понимать, что на его месте поступил бы точно так же.

После Совета он долго беседовал с группой врачей, биологов и биохимиков. Они первыми согласи-

лись уйти в безводный анабиоз. Естественно, за ними согласились и другие. По установившейся традиции первыми вступают в анабиоз, а тем более в безводный, самые молодые члены экипажа — их организмы лучше переносят неминуемые при этом расстройства. Самым молодым был я. Но именно мне Оор запретил вступать в анабиоз.

— Мы будем последними, малыш,— сказал он.— Занимайся своей связью и готовься к самому страшному.

Пока биологи готовились к этой ответственной операции, он приказал физикам и электронщикам оборудовать камеры абсолютной лучевой защиты. Они сразу ответили, что готовы — такие убежища всегда находятся в полной готовности. Но командир приказал устроить надежность.

— Они ведь и так с тройным запасом мощности!— ответили физики.

— А я настаиваю,— сказал он,— чтобы у них появился десятерной запас!

Пока шла эта работа, он потребовал от группы механиков установки дополнительных автоматов для вывода людей из безводного анабиоза.

— Причем независимых и более надежных, чем у нас есть. И поместить их следует не в отсеке общего управления, а непосредственно в камерах абсолютной лучевой защиты с подключением к автономным атомным часам-будильникам. Не забудьте, может случиться так, что именно эти автоматы выведут людей из анабиоза.

Вообще Оор отдавал столько приказаний, вызывающих вначале недоумение, а потом уважение к его мудрости и дальновидности, что экипаж подчинялся ему и с охотой, и в то же время со все возрастающей тревогой. Командир, по-видимому, знал нечто такое, чего не знали другие.

Но этим он нарушал закон наших космонавтов — то, что знает один, должны знать все. Иначе нельзя летать. Ведь если кто-то утаит знания или информацию, страдать будут все. И наоборот, чем скорее будут знать все то, что знает один, тем быстрее знания или информация пойдут в жизнь, обростут новыми знаниями и помогут принять правильные решения, развивать науку дальше. Вот почему впервые на корабле был собран Совет без командира. Только после того как Совет обменялся мнениями и принял решение, он вызвал командира.

Оор выслушал решение. Его обвиняли в превышении власти, в отступлении от правил полетов.

Он выслушал и засмеялся:

— Послушайте, ребята, а что я, собственно, могу знать? Разве кто-нибудь когда-нибудь попадал в такую же переделку? Вы об этом слышали?

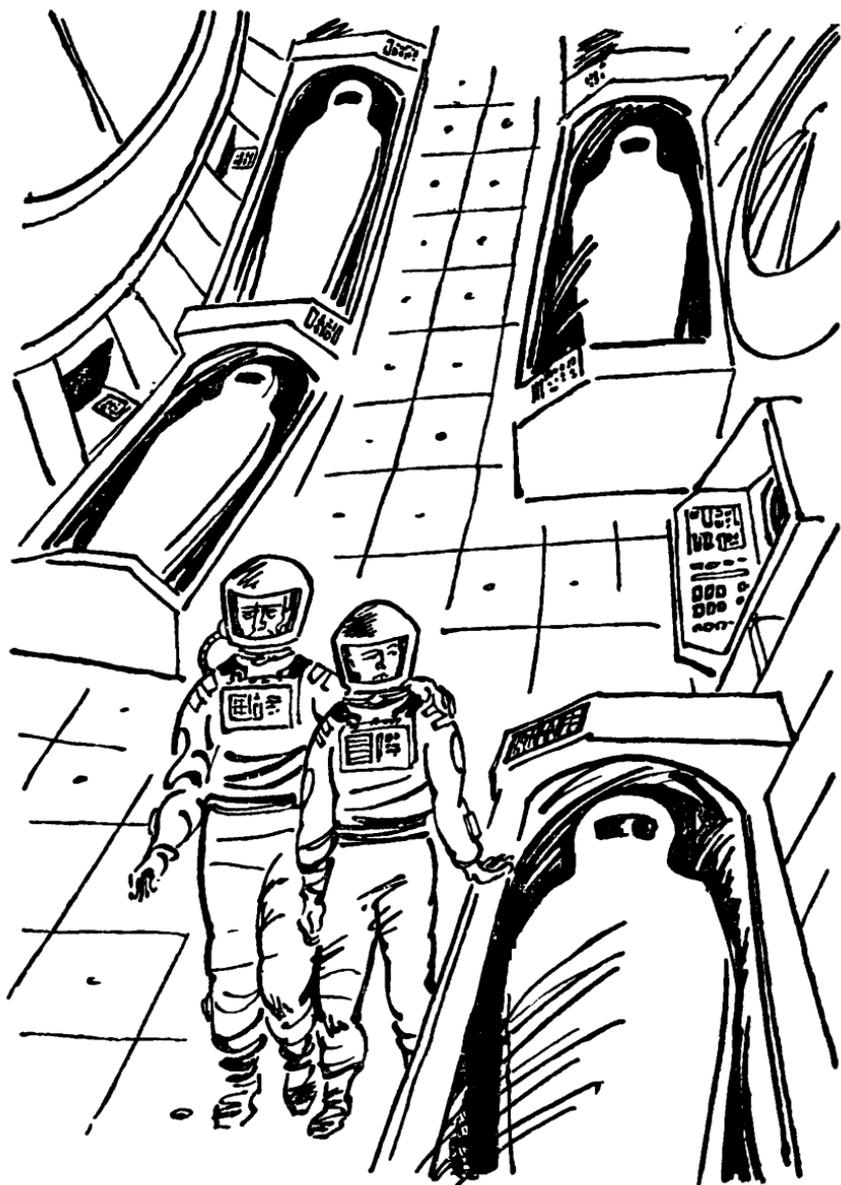
Об этом никто не слышал.

— Все расчеты делаю не я, а вы. Все работы и решающие машины, вся информация не в моих, а в ваших руках. Что же я могу знать такого, что не проходило бы через ваши руки?

Совет молчал. Все было правильно. Решение пошло в воздухе.

И тогда Оор сказал:

— Вы правы в одном — вас смущают некоторые мои распоряжения. Вам кажется, что я слишком перестраховываюсь. Но именно кажется. Хотя по временам мне кажется совсем иное — что я недостраховываюсь. Поймите меня — ни я, ни вы, никто другой из нашей Галактики не знает, что нужно делать в нашем положении. Поэтому я только фантазирую, составляю прогнозы. Кто или что мне подсказывает решения, помогает фантазировать? Не знаю... Интуиция, сумма знаний и наблюдений плюс умение оторваться от изученной действительности и мыслить в отрыве от нее.

В нужный час автоматы включают приборы, и человек постепенно возвратится к жизни.

по иным законам. Каким? Об этом вам лучше расскажут наши психологи...

Оор говорил долго, объяснял, почему он принимает то или иное решение, на каждый случай приводя несколько вариантов пока что не существующих причин, требующих этого решения. В конце концов Совет опять был вынужден согласиться с ним.

Биологи и врачи приступили к делу. Они подсоединяли к телам космонавтов разделительно-физиологические насосы и медленно выкачивали из космонавтов все, что можно было бы выжать из каждой клетки организма. Одновременно с этим они вводили жидкий азот и охлаждали тела извне.

Два часа работы — и человек превращался в обезвоженную и замороженную мумию. Если не сделать этого, то кровь, лимфа, желудочные соки — все жидкое, что есть в теле человека, — при неудачном замораживании может расширяться, прорасти кристаллами льда, и тогда организм возвратится к жизни с большим трудом. Обезвоженное тело сохраняется безукоризненно. В нужный час автоматы включают приборы, и человек постепенно вновь возвратится к жизни.

Один за другим космонавты погружались в анабиоз. Последнего — главного врача — вводил в это состояние сам Оор.

— Ну вот мы и остались одни, малыш, — печально улыбнулся он. — Теперь я скажу тебе, почему я поступил так, а не иначе. Мы не вырвемся отсюда, если не разовьем по крайней мере световую скорость: слишком велики силы гравитации. Теоретически это возможно, практически для нашего корабля нет. Но я придумал одну штуку и надеюсь, что мы сделаем это. Однако это породит такие перегрузки, которые не испытывало еще ни одно живое тело. Так вот, я — самый старший. Если я погибну, потеря не так уж вели-

ка. Ты самый молодой и с самым меньшим запасом знаний, но зато и самый здоровый; если погибну я, выживешь ты. Выживешь и расскажешь, что с тобой произошло. Если корабль вырвется даже ценой наших с тобой жизней, останутся живы они. Тогда они найдут или нашу Галактику, или что-либо более подходящее. Ну а если корабль не вырвется? Тогда мы еще поживем немного, чтобы встретиться со смертью лицом к лицу. У нас нет теперь Совета. Говори прямо, что думаешь. Мы должны верить друг другу во всем.

Я долго молчал, обдумывая положение, и пришел к выводу, что Оор прав. Во всем. Я так и сказал ему. Он взял меня за плечи, встряхнул и долго смотрел мне в глаза.

— Значит, одобряешь?

— Да!

— Значит, не боишься ни смерти, ни забвения?

— Нет!

— Тогда к делу. Готовь сразу три фотонных бомбы, а я разверну корабль.

Он сел на место главного навигатора, соединил его пульты с пультами всех остальных главных специалистов и некоторое время изучал показания приборов, словно привыкая к ним.

В это время я возился с подачей фотонных бомб в запасные люки. Манипуляторы слушались плохо, работали с натугой, люки также еле открывались, и я доложил об этом командиру. Он довольно улыбнулся:

— Так, малыш, и должно быть. Мы давно уже на пределе. Мы где-то рядом с барьером.

Я не спросил его, с каким именно барьером, потому что наконец справился с поставленной задачей и ждал команды взорвать фотонные бомбы-ускорители.

Командир крикнул:

— Держись, малыш! Выключаю внутреннюю гравитационную систему и даю последний разворот.

Держаться стало трудно. Меня швырнуло об стену, потом подняло в воздух и бросило об пол. Корабль дрожал мелкой и противной дрожью и, казалось, останавливался, стараясь пробиться через какую-то невидимую стену. А она не поддавалась, и наши двигатели, как говорят инженеры, могли пойти вразнос, но командир, по-видимому, все-таки совершил разворот, потому что крикнул сдавленным голосом:

— Разовый взрыв!

Я нажал сразу на три кнопки, и корабль рванулся как бешеный: три бомбы-ускорители — это действительно страшно.

Впрочем, об этом я подумал, вероятно, позже. Через какое именно время, я не знаю, но, наверное, много позже, потому что, когда корабль рванулся, меня словно швырнуло на стену, и я потерял сознание...

Ану выключил лингвистическую цепь, сказав:

— Нужно сделать перерыв. Невыносимо трудно слушать такое...

Вездеплав скользил по темной реке. Сверху, снизу и по бокам лучились и переливались звезды.

Ни стен джунглей, ни черного неба, ни темной воды как будто не существовало — были только вот эти разноцветные звезды и ощущение, будто машина летит не то в космосе, не то под водой. На сердце было тревожно и грустно.

— Вот это приключение так приключение, — завистливо вздохнул Юрий, — не то что наше.

— Как сказать, — возразил Ану. — Все, что рассказывает он о строении вещества, несколько неточно. Он не учитывает преобразований частиц материи, их способностей переходить из одного состояния в другое.

— А может, это и неважно? — задумчиво спросил Вася. — Может, он это знает, но считает неважным?

— Да, но тогда события разворачивались бы иным образом, — авторитетно заявил Ану. — В конце концов, достичь скоростей выше скорости света и распростра-

нения магнитных волн — триста тысяч километров в секунду — можно лишь экспериментальным путем, иначе... ни один корабль не выдержит.

— Почему?

— Понимаешь, Вася, существовал звуковой барьер. Первые реактивные самолеты, достигая полета со скоростью звука, как бы разбивались об этот барьер, натывались на ими же созданный звук и разваливались. Потом стал открываться так называемый тепловой барьер. Машина могла лететь со скоростью, например, десять тысяч километров в час, а материал, из которого она была сделана, разогревался в результате трения о воздух уже после четырех тысяч километров. А на пяти тысячах — взрывался, как метеорит, как космический корабль или спутник, когда они входят в атмосферу, не погасив скорости. Наша цивилизация сумела создать такие материалы, которые отодвинули тепловой барьер на десятки тысяч километров. А потом появился световой барьер, когда скорость корабля приблизилась к скорости света. В этом случае световые волны (а свет — это прежде всего волны, как и звук) как бы спрессовываются и образуют непроходимый барьер.

Ану вдруг задумался и долго молчал, припоминая то многое, что он когда-то знал или слышал и забыл. И то, что он жалел обо всем этом, было видно по его грустному, усталому лицу.

— А вот фотонные бомбы-ускорители — это интересно. До этого у нас не додумались. Но в целом история с Черным мешком кажется мне хоть и несколько невероятной, но крайне интересной и важной.

— Давайте не будем решать заранее, — предложил Юрий, — дослушаем их историю.

— Мы подходим к Андам. Вот перевалим хребет, выйдем к океану, и тогда — пожалуйста, — ответил Ану.

Машина и в самом деле, петляя между поблескивающими стенами джунглей, начала подниматься все выше к встающим вдальке белеющим снежным вершинам. Было нечто тревожное и прекрасное в этой темной громаде, над которой горело бело-розовое пламя снегов, еще освещенных уходящим солнцем.

Ану решительно взял управление машиной в свои руки. Прижимаясь к вершинам деревьев, он повел ее прямо к этой мрачной стене, точно повторяя все извивы предгорий, постепенно поднимаясь все выше и выше.

Потом машина влетела в ущелье, попетляла между скалами в полной темноте и стремительно взмыла вверх, так что ребята не то что прижались, а прямо-таки легли на спинки сидений, а дремавшие Шарик и крокодил обиженно заворчали.

Когда машина взобралась к самому перевалу, укрытому выутюженными ветром снегами, в невообразимой, теряющейся в ночной дымке дали блеснул океан. Он даже не блеснул, а как бы проступил сквозь эту дымку, величественный, темный, загадочный — истинно Великий или Тихий океан.

Машина юркнула отвесно вниз, так что всем пришлось ухватиться за предохранительные ремни, и долго неслась вдоль скал и осыпей, а когда выровнялась, то оказалось, что волны океана почти касаются ее днища. Ану вздохнул посвободней, щелкнул тумблерами и кнопками, установил курс и режим полета.

— Теперь мы будем лететь все время за солнцем со скоростью вращения Земли. Засечь нас над водой очень трудно, почти невозможно, поэтому мы можем просто отдохнуть.

— Зачем отдыхать? — встрепенулся Вася.— Давайте слушать голос.

Ану снова включил свою лингвистическую цепь, и в машине опять зазвучал певучий голос издалика.

...Я очнулся оттого, что голова у меня стала какой-то необыкновенно звонкой, а тело легким и невесомым.

Невесомость знакома каждому космонавту, но эта оказалась очень странной. Я ощущал и тело и тяжесть руки или ноги, но это было совсем иное ощущение, чем прежде. Все шло как бы изнутри меня, словно во мне вдруг объявились некие странные весы или приборы, которые действуют сами по себе, без моего вмешательства,— взвешивали и определяли каждую часть моего невесомого тела и все окружающее.

Очень странное, неповторимое ощущение!

Я как бы раздвоился — сам себя я чувствовал невесомым, бесплотным, живущим как бы вне времени и пространства, а в то же время во мне жило нечто, что все еще действовало и существовало по старым законам. Оно сурово и скрупулезно проверяло мое состояние и, как строгая мать капризному ребенку, указывало:

«Это твоя нога. Она вовсе не невесома, как это тебе кажется. У нее прежний объем, прежний вес и даже обувь того же веса. А вот — рука. Подними ее, а теперь брось как неживую... Видишь, тебе кажется, что она опустилась легко, невесомо, а на самом деле ты чувствуешь, что в ней прежний вес и этот вес даже слегка рванул ее в плече».

Открывая все новые и новые особенности этих странностей в себе, я случайно посмотрел на часы. Они шли. Стрелка равнодушно прыгала по циферблату. Но что-то почудилось мне в ее размеренном движении, а что именно, я не успел решить, но механически отметил время своего первого взгляда.

Потом я стал вспоминать, что же со мной произошло.

Голова слегка болела, и мысли были отрывистые,

скачущие... Они рассердили меня, и я опять невзначай посмотрел на часы. На этот раз они меня поразили. Выходило, что прошло не более двух-трех секунд, хотя я ощущал, что прошло по крайней мере несколько десятков минут. А часы бесстрастно показывали — прошло всего-навсего две-три секунды.

Теперь, когда я смотрел на них и только на них, я видел, что они передвигались с обычной скоростью — скок, скок, скок...

Но стоило мне отвернуться и начать думать, вспоминать, как часы словно останавливались, тормозились. Мысль двигалась явно по иным законам, чем раньше. И мне стало страшно. Так страшно, как никогда в жизни. Нет, не потому, что я боялся смерти. Каждый из нас знает, что смерть — всегда рядом, и привыкает к этому, умеет смело смотреть в глаза любой опасности. Наконец я вполне сознательно согласился с командиром и пошел на то, чтобы в случае неудачи умереть. И все-таки, несмотря на все это, мною овладел страх, даже ужас.

Я был тем же, чем был всегда, жил в тех же, кажется, условиях корабля и космоса, и в то же время я был уже не тот, что всегда. Я уже понимал, что живу как бы в двух временных измерениях, в двух состояниях. Это было так противоестественно, что мне захотелось закричать.

Я вскочил на ноги и огляделся — все в рубке управления было на своих местах, ничто не нарушилось, ничто не изменилось.

Я прислушался: корабль дышал так, как он дышал всегда, во время спокойного, запрограммированного полета, когда экипаж месяцами может жить, работать, учиться и отдыхать, не прикасаясь к приборам, — роботы делают все сами.

Корабль тихонько гудел двигателями, и где-то явно пробивался тоненький, дребезжащий звук —

он мне показался необыкновенно желанным и добрым. Ведь этот дребезжащий звук мог исходить только от какого-то ослабленного крепления, развинтившейся гайки. Словом, это был добродушный, привычный звук. Он показал, что все идет как нужно. Именно он успокоил меня.

Постепенно я становился самим собой, хотя состояние раздвоенности не проходило. Но я уже начинал привыкать к нему и, как всякий человек на моем месте, стал исследовать собственное состояние и все окружающее. И тут я увидел лежащего под пультом Оора. Вернее, не самого командира, а его беспомощно вытянутые ноги, торчащие из-под стульев. Я бросился к нему, вытащил из-под пульта. Глаза его были закрыты, дыхания не было. С трудом мне удалось нащупать пульс на его руке. Как говорят врачи, пульс был нитевиден и очень плохого наполнения.

Когда в опасности товарищ, человек забывает о себе. Так случилось и со мной. Я притащил противошоковый аппарат, сделал командиру впрыскивание. Наконец он вздохнул полной грудью и пошевелился. Пульс наполнялся, становился ровным, хотя еще и слабым. Я посмотрел на часы. С тех пор как я увидел его и стал приводить в чувство, прошло около часа: часы бесстрастно отсчитывали истинное время моей работы.

Но стоило мне задуматься, вспомнить все, что я делал, как часы как бы останавливались. Действия, поступки, обычная жизнь шли своим чередом, а мысль — по иным законам. Я задумался над этим явлением — ведь теперь, когда я установил его, мне уже было не так страшно. Меня лишь заинтересовало: а что же это такое? И я довольно быстро понял, что происходит с моей мыслью. Ведь всякая мысль — это в конечном счете результат электромагнитных колебаний, бесконечно малых, слабых, но все-таки колебаний

электромагнитных волн определенной частоты и силы. И вот эти колебания развивались по каким-то новым законам, значит, и я находился в новых условиях.

Словом, я увидел следствие, уловил его закономерность, но еще не открыл причины. Помог это сделать командир.

III

Он приоткрыл глаза и медленно осмотрелся, потом опять смежил веки и долго думал о чем-то. Я молча сидел возле него и не мешал ему думать. И когда он опять открыл глаза и посмотрел на часы, на его лице отразился тот же ужас, как и у меня, когда я впервые ощутил новые условия жизни.

Но это выражение быстро сменилось обыкновенным серьезным, озабоченным, а потом Оор улыбнулся и заговорщически подмигнул мне:

— А все-таки мы живы, малыш. Это уже кое-что значит.

Я понял — Оор осознал полностью все, что с нами произошло, — и спросил:

— Перескочили световой барьер?

— Да.

— Сделали невозможное?

— Н-ну... С точки зрения нашей науки, но не с точки зрения природы.

— Послушайте, командир, но как, почему?

— Все это неудивительно, малыш. С помощью фотонных бомб-ускорителей мы преодолели притяжение кварковой звезды, а дальше нас подхватил поток энергии, поток частиц и понес. Понес с большей скоростью, чем скорость света. Я давно понял, что Черный мешок может быть только в том случае, если на этом участке Вселенной существуют потоки частиц,двигающиеся со скоростью выше скорости света. Вот

и всё, малыш. Вот и всё... — Он замолк, а потом вдруг спросил: — А все-таки страшно, когда ты чувствуешь себя как бы двойным, а?

— Страшно.

— Сейчас, малыш, будет страшнее, — сказал он, поднялся и, тяжело переступая, подошел к шторам, закрывающим люки внешнего обзора.

С того момента, когда мы подошли к Черному мешку, мы ни разу не открывали их. Оор не сразу нажал на кнопки: он не знал, выдержали или нет линзы внешнего обзора удар о световой барьер. Но, вероятно, по его расчетам, линзы все же должны были уцелеть.

Он нажал на кнопки. Люки, прикрывавшие линзы, медленно поплыли. Сверкнули абсолютно целые линзы — и мы увидели черный свет.

Да, он был действительно черный — не фиолетовый, не багровый или темно-синий, а именно черный. Совершенно черный свет.

Вы — те, кто не видел этого, — не можете поверить, что свет может быть черным. Ведь белый свет складывается из нескольких цветов — красного, оранжевого, желтого... ну и так далее. Заметьте — складывается. И только в том случае, если носители этого света — фотоны — движутся с постоянной, присущей им скоростью. А если фотоны превысят эту скорость? Если они вдруг вступят в новое состояние, они должны изменить, и они изменили свой цвет. Они стали черными.

И в этом черном свете все чаще виделись далекие или близкие планеты.

Они, как и в обычном небе, были разноцветны: багровые, голубые, фиолетовые и еще каких-то совершенно непонятных, великолепных цветов, и все они казались прекрасными и страшными — так они были величественны и необычайны.

Наш мозг уже привык к состоянию раздвоенности, тело освоилось со странным ощущением «весомой не-

весомости». Все становилось на свои места — мы были живы, мы мчались сквозь черный свет, прорезали глубины Черного мешка, и это было прекрасно. Сколько времени прошло, как мы увидели черный свет, я не знаю.

Оор спросил:

— Ты заметил, малыш, как путается время?

— Да.

— Что ты думаешь об этом? Докладывай!

— Раз мы движемся быстрее скорости света, в силу вступают законы, отличающиеся чем-то от общей теории относительности. Время по этим законам течет совсем не так, как при обычном движении.

— Правильно. Но ты знаешь, как оно течет?

— Нет.

— И предположений по этому поводу нет?

— Нет.

Командир вздохнул и признался:

— Самое неприятное, что у меня тоже нет никаких предположений. Мне известно, и это проверено на практике, что, приближаясь к световой скорости, время на корабле течет по обычным законам, но на той планете, которую мы оставили, оно как бы ускоряется в два, а то и в несколько раз. Это значит, что мы, пролетав год и постарев на год, на своей планете встретимся с людьми, которые в это время постарели на два года, на три и так далее — чем ближе скорость корабля к световым скоростям, тем больше разрыв во времени с оставленной планетой. А как пойдет время, когда мы двинемся со сверхсветовыми скоростями?

— Не знаю... Каждый день нашего полета должен стоить, может быть, несколько десятков лет жизни на обыкновенной планете.

— А может быть, наоборот? Может быть, время пошло вспять? Может быть, его нужно теперь отсчитывать в обратном направлении?

— Этого не может быть! — запротестовал я. — Это уже даже не фантастика, а просто какая-то нелепость!

— А разность времени возможна? — сурово спросил Оор. — А путешествие на сверхсветовой скорости возможно? А черный свет возможен? Нет, малыш. Вопрос этот не праздный, и, уж конечно, это не нелепость. В том состоянии, в которое мы попали, возможно всякое — мы просто еще ничего не знаем. И нужно думать... думать прежде всего о тех, кто остался на наших планетах и живет сейчас по старому, доброму времени, не ощущая никаких временных парадоксов.

Я молчал, не понимая, куда он клонит.

— Пойми, малыш, если временной парадокс в сверхсветовой скорости положителен, то есть если он обгоняет время планет, мы рискуем, что наши сигналы попадут к ним только через сотни лет. Но если он отрицателен? Тогда они просто не сумеют его принять. И еще: а по каким законам, по какому времени развиваются явления в этом самом Черном мешке? И наконец, самое главное: с какой скоростью мы летим? Может случиться так, что мы вырвемся из Черного мешка и не будем знать, что это нам удалось, и будем идти со сверхсветовой скоростью.

Все, что он говорил, было действительно важно, но я ничего не мог придумать. Я все-таки многого не понимал.

И командир оценил мое состояние. Он усмехнулся.

— Ладно, малыш, не ломай голову. Во всяком случае, мы летим не вспять, иначе наверняка встретили бы на своем пути уже не черный, а какой-нибудь другой свет. А раз так, то нам нужно просто поручить роботам подсчитать, сколько мы пролетели от границ Черного мешка, а потом уж дать им задание на подсчет горючего. Сможем ли мы выбраться из этого не-

веселого местечка? Мне кажется, что на это нам потребуется около двух месяцев. Потом мы начнем тормозить и вновь пробивать световой барьер, но уже в обратном направлении. А это время мы затратим с тобой на подсчет временного парадокса. Попробуем математически решить проблему времени, пока летим в Черном мешке.

Работали мы с командиром до изнеможения, спали по три-четыре часа в сутки и считали, считали, считали. Вычислительные машины гудели не переставая. Миллиарды уравнений, миллионы программ. И все напрасно. Закона поведения времени в сверхсветовых скоростях мы не открыли. Это предстоит, очевидно, сделать тем, кто меня слышит сейчас.

В сущности, пока еще никто не знает, что такое время, не знает его закономерностей, его поведения и его влияния на Вселенную.

Оор считал и думал, я помогал и одновременно учился. наших товарищей, застывших в камерах абсолютной защиты, мы не трогали — им нужно было экономить время жизни.

Кто знает, если бы мы ускорили события, если бы вернули их к жизни и воспользовались не только нашими двумя, а коллективным умом всех, того, что произошло, могло бы и не случиться. Но мы не сделали этого. Мы были увлечены работой, убаюканы относительным покоем этого странного и страшного уголка Вселенной и не предполагали, что катастрофа наступит так скоро и так беспощадно. Мы опять не учли скоростей и связанного с этим парадокса времени. нас можно было бы и не обвинять в этом — мы еще не знали этих законов, мы только стремились их открыть и, кажется, кое-что нащупали...

IV

Когда наши организмы относительно освоились со странным ощущением сверхсветовой раздвоенности, командир необычно грустно сказал мне:

— Ну вот, малыш, пришла пора рисковать в обратном порядке.

Я не стал его расспрашивать, в чем дело, и так было понятно, что Оор решил преодолеть световой барьер в обратном направлении. Как это делается и можно ли это совершить в наших условиях, я решительно не представлял и, что хуже всего, все это время спокойного полета даже не думал об этом. А командир, видимо, думал, и ему, кажется, не понравилось, что я не спросил у него ни о чем и ничего ему не сказал.

— У тебя нет ни предложений, ни вопросов?

— Вопросы бездна, но на них и вы не ответите — нет опыта. А какие же предложения?.. Пожалуй, лишь одно — прорываться.

— И снова рисковать?

— Да. Иного выхода я не вижу.

Оор долго с улыбкой наблюдал за мной и мечтательно, но с грустью в голосе сказал:

— Хорошо быть молодым — даже опасности не кажутся такими уж страшными.

Я промолчал. Дело не в том, что опасности не кажутся страшными, а в том, что другого выхода, в обход опасностям, я не видел. Да и Оор тоже.

— Тогда начнем торможение, — сказал Оор.

И мы начали его. Двигатели постепенно меняли режим работы, пока наконец не прекратили многолетнюю деятельность.

За линзами внешнего обзора медленно и постепенно менялись цвета — они как бы стусеивались, растекались и сливались в один густой черный цвет. Но вовсе не тот, который озарял все вокруг своим мрач-

ным и фантастическим светом, а именно в непроницаемую, знакомую каждому нормальному человеку черноту.

Первые часы мы прямо-таки упивались полной тишиной и покоем, но, когда за смотровыми линзами черный свет стал почти черной мглой, корабль вдруг стал едва заметно вздрагивать, словно натываясь на невидимые препятствия. Приборы начали отклоняться от нормального режима работы, что-то разлаживало их обычную деятельность, и командир не отлучался от пульта управления, непрерывно корректируя их. Он давал всё новые и новые задания математическим машинам и машинам логического мышления. Он пытался решить возникающие перед ним задачи и, по видимому, решил их.

— Положение у нас такое — силы тяготения так и не увиденной нами кварковой звезды явно ослабели. Но нас все еще несет как бы вихрь выбрасываемых ею частиц. Мы как лодка в море — куда ее гонит ветер, туда она и плывет. А вот эта вибрация корабля — провалы в волновой системе необыкновенного галактического ветра. Я думаю, что нас может нести довольно долго — сила кварковых излучений все еще огромна. Попробуем затормозиться фотонной бомбой-ускорителем.

Вначале я только кивнул. Мне не следовало объяснять, что для этого требовалось взорвать ее не позади корабля, как это мы делали обычно, а впереди его. Это решение казалось примитивно простым, но... если бы я знал, как его выполнить.

Я задумался. Во-первых, у нас не было приспособлений для выстреливания бомб-ускорителей вперед, по курсу корабля. А во-вторых, фотоны-то движутся с меньшей скоростью, чем двигался корабль. Следовательно, если бы даже мы придумали и установили такое приспособление, фотонная бомба в конечном

счете разорвалась бы в самом корабле — она была бы загнана туда скоростью.

— Не понимаю, — решил я произнести я, — как это мы можем затормозиться именно ускорителями?

— Вначале не понимал и я, но ты подумай. Когда мы выстрелим бомбу-ускоритель, на какую-то долю мгновения позади нас образуется как бы плотина из фотонов. О них ударится галактический ветер кварковых частиц, и корабль как бы прикроется этой плотинкой. А так как он движется только под влиянием галактического ветра, то на это мгновение позади него создастся пустота, энергетический вакуум. А с боков и впереди неминуемо образуются вихри — природа не терпит пустоты. Все эти вихри, обрушиваясь на наш корабль, будут тормозить его.

— Сколько же потребуется создать таких... фотонных плотинок?

— Если считать, что мы уже находимся где-то перед световым барьером, то, думается, немного. Расчеты показывают — три-четыре. Приготовь на всякий случай шесть. И вот что, давай наденем предохранительные скафандры и приготовим вакуумные подушки-тормоза. Мне больше не хочется биться седой головой об уплотненную обшивку. Это не слишком приятно.

Я выполнил приказ, подготовил огромные эластичные подушки и прикрыл ими стены рубки, а потом уж сам, без приказа, привел в полную боевую готовность все средства связи и поставил ее на автоматическое повторение. Теперь сколько бы ни летел корабль, пока на нем будет хоть капля энергии, он непрерывно будет излучать в космос отчет о наших путешествиях, нашу научную информацию и самое главное — предупреждение о коварной сущности Черного мешка, о том, какую опасность он представляет для окружающих Галактик, в том числе и для нашей.

— Ну что ж, начнем! — сказал командир.

Не без опаски я нажал кнопку.

Корабль тряхнуло, гул прокатился по всем отсекам, и черный свет за смотровыми линзами резко сгустился.

Оор крикнул:

— Рви вторую!

Все повторилось, хотя на этот раз корабль тряхнуло еще сильнее, и встряска уже не прекращалась — по-видимому, мы находились у самого порога светового барьера, и командир уже молча махнул мне рукой: «Рви дальше».

У

Мы очнулись в тишине. За смотровыми линзами расстилался привычный и такой милый фиолетово-черно-зеленоватый мрак обыкновенного космоса, кое-где прочерченный черными языками вихрей — это было последнее дыхание Черного мешка. Необыкновенно тепло светились неизвестные планеты, и где-то совсем недалеко багрово и недобро сверкала огромная, как будто вспухшая звезда.

Едва увидев эту недобрую соседку, которая могла притянуть корабль к себе, командир ползком подобрался к пульту управления и включил двигатели. Звезда поползла куда-то вправо.

Я, естественно, прежде всего бросился к автоматам связи и убедился, что они работают четко, и по количеству передач, засеченных счетчиками, установил, что мы были без сознания несколько часов. Теперь я мог помочь командиру, который взялся за ориентацию корабля.

— Попробуй перейди на прием, — сказал он.

Я не удивился приказу Оора, меня лишь слегка насторожил его тон — отрывистый, тревожный, почти грубый.

Но когда я включил системы на прием и сразу же поймал сигналы разумной связи и, что самое главное, понял их, я ужаснулся, как, вероятно, ужаснулся и командир.

Это был наш язык.

Наш и не наш. В нем как будто присутствовали все те слова, которыми я говорю сейчас с вами, но в то же время все они были иными — все они стали длиннее. Изменилась и сама интонация речи. И, что самое удивительное, резко изменилось к лучшему по устойчивости и звучанию само качество передачи.

Но не это оказалось главным. Самым удивительным являлось то, что передавалось предупреждение о Черном мешке.

«Всем космическим кораблям, всем цивилизациям! Предупреждаем, что взрыв ядра Черного мешка, а возможно, и всей системы, по нашим расчетам, приближается. Черный мешок на пределе...»

Они передавали то, ради чего мы рисковали собой.

Первые минуты мы испытывали не столько недоумение, сколько горечь разочарования и в то же время радость от свершившегося чуда — значит, они знают!

— Послушай, малыш, по-видимому, они поймали наши первые сигналы, которые мы давали на входе в Черный мешок, — растроганно сказал командир, но тут же задумался.

Я молчал — в конце концов, не так уж важно, каким образом и когда они узнали о грозящей опасности, и неважно от кого... Важно, что узнали. Но горечь все-таки оставалась — обидно, что они не узнали наших последних данных, наших сегодняшних передач...

И тут меня словно осенило — я вдруг почувствовал, что наши люди, наша Галактика получили известие о Черном мешке давно, очень давно. Ведь сама связь показывает, что наша цивилизация находится на какой-то иной, незнакомой ступени развития. Ког-

да и как это произошло? Сколько прошло времени? Для нас — несколько месяцев. А для них?

— Послушай, малыш, парадокс времени на сверхсветовых скоростях, кажется, сыграл с нами плохую штуку.

— Да.

— Похоже, что нас уже давно не ждут и считают, что мы давным-давно обратились в ничто — столько времени прошло там, на нашей планете, пока мы сражались со световыми барьерами.

— Кажется, да...

Мы долго молчали, понимая, что, оставшись живыми и невредимыми, мы, в сущности, стали мертвецами для всей нашей цивилизации. Там уже нет людей, которые бы нас ждали, которые бы думали о нас.

И только сознание, что мы все-таки живы, как-то успокаивало — в конце концов, мы честно выполнили свой долг, и не наша вина, что время и скорость сыграли с нами такую злую шутку. Но когда мы вернемся домой, мы все-таки сделаем доброе дело для наших людей — потомков наших родных и близких: они узнают о путешествии на сверхсветовых скоростях, они получают наши расчеты, и для них откроются другие галактики и другие Черные мешки.

— Я вот о чем думаю, малыш, — задумчиво произнес командир. — Когда-то на уроках истории я изучал происхождение нашего языка. Ученые установили, что развитие языка шло от отрывистости к плавности, музыкальности и от длинных слов к усеченным, более коротким. Тебе не кажется, что в связи с этим...

Оор умолк и испытующе посмотрел на меня. Мы долго вглядывались в глаза друг другу, и я как-то сразу уловил ход рассуждений командира.

— Вы думаете?..

— Да, боюсь, что это именно так. Световой парадокс времени как бы движет время, а сверхсветовой,

возможно, задерживает. Ведь язык, на котором нам сообщили о Черном мешке, как раз такой, какой был еще до того, как мы улетели в экспедицию.

— Не может быть! — запротестовал я. — А новые приемы связи?

— Кажется, они стары, малыш. Может быть, это всего лишь обыкновенная связь. Но, усиленная потоками кварковых обломков, она звучит громче и чище. Это возможный вариант, а, малыш?

Конечно, все это могло быть — ведь чего не бывает в глубинах Вселенной!

— Но послушайте, Оор, откуда в то время они могли знать о Черном мешке?

— Если знал я, знали и другие. Вспомни, что он отмечен во всех космонавигаторских картах. И если нам не разрешалось приближаться к нему, то как раз потому, что и ученые прошлого боялись взрыва неведомого небесного тела. Оно не взрывалось, прогнозы ученых не оправдывались. Вполне понятно, что такие прогнозы попросту забывались. И разве не может быть так — мы наткнулись на заблудившуюся в космосе радиоволну. На ту волну, которая была подана задолго до нашего рождения. Ведь она летит всего лишь со скоростью света. А мы мчались во много раз быстрее. Вот чего я боюсь. Потому что если это так, то наши с тобой сигналы могут быть не приняты. А если они и приняты, то не расшифрованы. Ведь если мы перескочили во временной парадокс с отрицательным знаком, с минусом, и мчались назад, на нашей планете еще не могут принимать те сигналы, которые ты им передал. Но допустим, — сказал он, останавливая меня жестом, — допустим, что они приняли эти сигналы и даже расшифровали их — уже в те далекие времена у наших ученых были хорошие головы. Что произойдет тогда?

Я молчал. Да и что сказать? Ведь каждому понят-

но, что, если мы действительно улетели в прошлое и если наши сигналы получили и расшифровали ученые наших планет, они все равно ничего не смогут поделать — у них еще нет техники, которая могла бы защитить от предполагаемого взрыва Черного мешка. Это было еще страшней — знать, что тебе грозит опасность, и не иметь ни сил, ни средств предотвратить ее. Обреченность — вот что самое ужасное!

Мы долго молчали, пока командир не решил:

— Мы не знаем, куда мы вылетели — в прошлое или в будущее. Но будущему так или иначе мы передали свои сигналы об опасности. Давай дадим информацию прошлому — настраивай обычные рации, которыми мы пользуемся для связи с нашими цивилизациями.

Мы снова взялись за работу, давая сигналы и старыми и новыми методами. А во время работы, как известно, для печальных мыслей не остается времени.

Никто не мог нам помочь, ибо еще никто не знал, как поведет себя время на тех скоростях, которые испытали мы. Мы сообщили загадку, и теперь кто-то должен ее разгадать.

Вот почему командир предложил:

— Пора выводить из анабиоза наш экипаж. Пусть работают.

Но я не успел выполнить этого приказа — нас подхватила неведомая сила, смяла и разбросала по рубке. Корабль теперь явно не управлялся, хотя двигатели все еще работали. В смотровых линзах творилось нечто невообразимое. Крутились смерчи и вихри, свет, обыкновенный белый свет, перемежался с черным светом, с багровым и еще каким-то невероятным светом. Мы то теряли сознание, то вновь на какое-то мгновение приходили в себя.

Трудно сказать, сколько времени продолжался этот невообразимый ералаш, но, когда мы окончательно

но обессилели, командир добрался до меня, и мы, преодолевая беспорядочное вращение и несусветные броски нашего корабля, кое-как добрались вместе до кладовой.

Мы страдали от голода и жажды, нас кружило и бросало. Сознание постоянно отключалось, на тело наваливались то гигантские силы перегрузок, то, наоборот, невесомость.

Именно невесомость беспокоила нас больше всего, потому что лампочки на пульте управления, которые мы видели издалека, постепенно меркли — двигатели прекращали работу. Почему? Мы не знали. Нас волочила по Вселенной гигантская сила, и мы не в состоянии были с ней бороться...

VI

После того как двигатели окончательно отключились, корабль еще какое-то время швыряло и бросало, но постепенно его полет более или менее стабилизировался. Было такое чувство, словно он стал щепкой, которая наконец попала на стрежень потока, и его несло, не задерживая и не переворачивая.

Несколько недель, а может быть, и месяцев мы просто отдыхали и спали: нам нужно было восстановить силы и прежде всего запас нейронов — нервные клетки пришли в полный упадок. Потом мы восстанавливали поврежденные во время катастрофы системы внутрикорабельных связей и, только получив информацию, начали разбираться в том, что с нами произошло.

О главном мы догадались еще раньше — кварковая звезда все-таки взорвалась, и нас, как песчинку, поглотил поток раскаленных продуктов взрыва. По-видимому, благодаря работающим двигателям мы не раз переходили световой барьер, а потом, когда

Нас подхватила неведомая сила и разбросала по рубке.

последний двигатель прекратил свою деятельность, возвращались к обычным скоростям — ведь на пути потока сверхсветовой энергии постоянно встречались уже обычные фотонные потоки. Они образовались в результате взрывов обычных планет и звезд. И эти потоки гасили невыносимую скорость. Но корабль лишился главного — энергии.

Теоретически это не могло случиться, потому что после путешествия в Черном мешке запас расщепляющегося атомного топлива у нас был огромен. После выхода из него — тем более. А между тем энергия исчезала. Кое-что поставляли аварийные солнечные, вернее, фотонные батареи, питающиеся от обшивки корабля, но их работы было недостаточно; кроме того, она нарушалась сопровождавшим корабль «останками» Черного мешка и тех планет и звезд, которые взрывались и распадались на пути чудовищного потока разложенной предматерии. Только изредка сквозь мерцание разноцветного света пробивались лучи какой-нибудь заблудшей звезды-солнца, которые едва достигали солнечных батарей, и они лениво впрыскивали в наш корабль крохотную порцию энергии.

Я уже говорил, что человек привыкает ко всему, его организм тоже приспосабливается к самым невероятным условиям. Так случилось и с нами. Мы постепенно приходили в себя. И самой страшной мыслью была мысль о наших товарищах, о возможности возвращения их к жизни. Ведь если корабль лишился энергии, автономные атомные автоматы не могут включить систему восстановления, систему возврата из состояния обезвоженного анабиоза.

Сознание, что рядом лежат товарищи, которые могли бы жить, мучило нас. Мы напрягали последние силы, чтобы разобраться в создавшейся обстановке, придумать что-нибудь, чтобы спасти товарищей.

Обстановка складывалась ужасающая. Командир

пытался установить причины исчезновения ядерного горючего на корабле. Все чаще передавал он мне часть расчетов, даже не объясняя, для чего они нужны. Просто я при нем выполнял роль простейшей вычислительной машины — делал то, что скажут, но не думал, для чего это нужно. Хотя постепенно во мне тоже накапливался запас информации и я стал мыслить в том же направлении, что и командир.

В конце концов Оор сумел справиться с необыкновенно сложной задачей. Но это его не обрадовало. Он хмуро сказал мне:

— Малыш, я ничего не хочу скрывать от тебя. Дела наши плохи. Я бы даже сказал, что очень плохи. Я спросил:

— Безнадежно?

— В мире нет ничего безнадежного и неизменного. Все изменяется. Возможно, изменится обстановка и наше положение тоже... Но в той обстановке, в которой находимся мы, наши дела почти безнадежны.

— Почему?

Оор невесело усмехнулся.

— Безнадежны потому, что помощи нам ждать нелегко. Почти — потому, что именно это сознание невозможности получить помощь заставит нас думать и работать более настойчиво и продуктивно, чем прежде, и все-таки придумать такое, что позволит выкарабкаться из нашей беды.

— Она действительно велика?

— Очень! Взрыв кварковой звезды принес какие-то неизвестные нам проникающие излучения. От них не спасла даже уплотненная обшивка корабля, хотя она и ослабила их, но ведь бункера с горючим не прикрыты такой обшивкой — в прошлом в этом не было необходимости. Вот почему эти излучения сделали страшное дело — они выбили из ядерного и атомного горючего по нескольку элементарных частиц и превра-

тили их в обычные элементы. Понимаешь, малыш, бункера полны, но уже не горючим. Оно потеряло свои качества. Возможно, нам помогла бы посадка на какой-нибудь планете, где есть радиоактивные вещества, которыми можно было пополнить бункера. А ты знаешь — не будет горючего для наших реакторов, не будет и энергии. Ну, а без энергии...

— Да, без энергии мы только игрушка в руках Вселенной.

— Но это не самое страшное, малыш. Ты молод, ты был надежней укрыт от неизвестных излучений, а главное, ты не принимал таких облучений в прошлом, какие пришлось на мою долю. Последняя вспышка, по-видимому, меня доконала.

— Командир! — закричал я.

— Не ори, малыш. Мы — космонавты! Мы должны, обязаны уметь смотреть правде в глаза. Какая бы она ни была. Поэтому слушай внимательно и спокойно. Если бы корабль обладал энергией, я бы, пожалуй, спасся. Но энергии нет. Следовательно, я обречен... Тише, тише, малыш. Значит, сделаем так — имей в виду, я уже принял решение и властью, данной мне планетарным Советом, я уже не прошу — ты знаешь, что за все время наших полетов я ни разу не воспользовался этим правом, — я приказываю: дальше ты полетишь один!

— А вы?.. — только и смог я пролепетать.

— А я сделаю то, что велит моя совесть. Я выйду в открытый космический люк в легком костюме. Вполне понятно, что неведомые излучения сделают мое тело еще более радиоактивным. В корабле меня прикрывала обшивка и специальный костюм. Там, за обшивкой, этого не будет, и мое тело превратится в настоящее радиоактивное горючее. Тогда я сам — понимаешь это, сам — тебе уже нельзя будет прикоснуться ко мне, иначе погибнешь и ты, — пройду в бункера...

Я молчал, еще не совсем понимая, что задумал командир. Но мне было ясно — я лишаюсь его, я остаюсь один. Один-единственный, где-то в неизвестных безднах Вселенной, без энергии и, что самое страшное, без знаний. Пожалуй, впервые за всю свою жизнь я понял: главный недостаток молодости — нехватка знаний. Ах, как нужны знания, как необходимы они как раз тогда, когда о них меньше всего думаешь...

Командир словно прочел мои мысли.

— Ничего, малыш. Ты крепкий парень. Поживешь один, перечтешь все мои записи и многое поймешь. Но помни — ни одного дня без труда. Пока у тебя молодой мозг — учись. Учись и думай. Думай и учись. И я верю, что ты сумеешь победить навалившуюся на нас беду.

— А если нет? — робко спросил я.

— А если нет, поступи так, как я. Отдай все тем, кто придет после тебя. Отдай все — себя, знания, жизнь, потому что настоящий человек отличается от всех остальных только одним — он умеет жить для других. Если же он живет только для себя, он еще не человек. Лишь жизнь для других делает человека человеком...

Он говорил это так спокойно, с таким сознанием высшей правоты своих слов, что мне вдруг стало нестерпимо жаль его, и у меня сами по себе впервые в жизни полились слезы.

— Перестань, малыш, — сказал он ласково и обнял за плечо. — Это не занятие для космонавтов. Будь стойким парнем — впереди слишком много всякого. Береги силы!

— Но почему именно вы? Ведь у вас знания и опыт. А у меня?..

— У тебя — молодость, а знания и опыт — дело наживное. И давай закончим разговор об этом. Это — приказ!

— Я подчиняюсь, но я еще не понимаю...

— А это просто, малыш. Очень просто. Когда излучения в открытом космосе сделают меня радиоактивным и я пройду в бункера, я сам стану для тебя горючим. Ты видишь — мы несемся неизвестно куда, потому что нас волочит поток взрыва. Но ведь рано или поздно он потеряет свою силу и тебя притянет какая-нибудь планета. Да, хорошо бы планета, а ну как звезда? Значит, гибель? Вот на этот случай и пригодятся мои радиоактивные останки — ты сможешь запустить двигатели, вырваться из силы притяжения и спокойно сесть на выбранную тобой или случайную планету. Кроме того, я надеюсь, что мои останки вызовут цепную реакцию в бункерах и постепенно, может быть слишком постепенно, горючее восстановится. Тогда ты сможешь спасти товарищей и начать с ними новую жизнь.

Я молчал. Да и что я мог сказать. Если рассуждать логически, Оор был прав. Может быть, он выбрал себе самую прекрасную смерть из всех существующих. Он отдавал себя общему делу, до конца растворяясь в нем, делаясь его частицей. Но ведь сердце, чувства не всегда подчиняются логике. И я не мог остановить слез.

— Ладно, малыш, я же не говорю, что сделаю это завтра. Помучимся еще вместе, поищем выходов, пождем случая. Но помни — приказ мой остается приказом!

Мы то спокойно летели в потоке взрыва, то кувыркались и падали в неизвестность. Но постепенно окружающее приобретало все более знакомые очертания. И именно в это время мы все чаще и чаще словно проваливались куда-то, теряя сознание и волю. И именно в это время Оор привел в исполнение собственный приказ — он исчез.

Ни тогда, ни сейчас, в эти последние часы своей

жизни, я ни на минуту не забывал его молчаливый, расчетливый подвиг, его умение отдать всего себя людям своей или иной Галактики...

Корабль приостанавливал свой беспорядочный полет, и наконец его потянуло в одну определенную сторону. Я сел за пульт управления. Мне удалось избежать притяжения дальних от солнца планет и ворваться в самый центр системы. Без особого труда я определил, что именно в этом районе примерно на двух-трех планетах возможна жизнь.

И когда солнце явственно потянуло корабль к себе, я включил двигатели. Они заработали — натужно, вполовину, а может быть, и в треть своей мощности, но все-таки заработали. И я благополучно пробил облачный покров планеты Земли. Посадка тоже прошла спокойно — удалось сесть на краю огромного, кажется, единого для всей Земли материка, и, что меня особенно обрадовало, при этом оставался еще некоторый запас горючего.

Естественно, двигатели были немедленно выключены и произведена визуальная разведка. Судя по всему, на материке существовали довольно высокоорганизованные формы жизни, хотя разумные существа еще не появлялись.

Я вывел вездеход и сделал первую рекогносцировку в поисках радиоактивных материалов, но ничего не нашел. Пышная растительность, влажность воздуха, настоящая, текучая вода — все было для меня, скитальца Вселенной, настолько желанным, настолько заманчивым, что я не выдержал и вышел из машины.

Как будто бы и респиратор работал вполне исправно, и обеззараживающие устройства не были повреждены, и я с наслаждением дышал чистейшим, насыщенным кислородом воздухом, так что легкие, кажется, даже надрывались от радости. Но уже к вечеру я

почувствовал недомогание и понял, что вместе с потоком воздуха ворвались какие-то бактерии, а скорее всего фильтрующиеся вирусы.

Сейчас мне очень плохо! Очень! Я все чаще впадаю в беспамятство и диктую это, уже не выходя из машины. Все, что я хотел сказать, я сказал. Расчеты привел. Тот, кто найдет наш корабль, поймет, что со мной произошло. Я не хочу прощаться с вами, люди Вселенной, но помните, мы сделали все, что могли...

Сейчас я соберу последние силы и пойду в рубку управления. Я отключу автоматы и роботы и поставлю реакторы на предохранительный режим. Если я умру, образовавшаяся затем энергия не повредит корабль. И еще — я задраю выходные люки, но не закрою задвижек. Тот, кто сумеет войти в корабль, войдет в него.

На всякий случай прощайте, люди Вселенной!..

Вездеплав легко несся над волнами Тихого океана, который вспыхивал по временам светящимися полями, оставленными фосфоресцирующими рыбьими стаями.

Ребята молчали, не обращая внимания на эту быстро меняющуюся красоту. Они все еще жили рассказом человека, останки которого на их глазах превратились в пыль за пультом управления корабля.

— Трагическая история...— задумчиво сказал Ану.— Но они сделали свое дело — наша история донесла до нас известие о взрыве Черного мешка. Он натворил немало бед, но, кажется, некоторые цивилизации уцелели, потому что успели перебазироваться на другие галактики.

— Послушайте,— ни к кому особенно не обращаясь, спросил Вася,— выходит, на корабле по-прежнему лежат люди? В этом самом... обезвоженном анабиозе.

— Почему вы так думаете? — восторженно воскликнул Ану.

— Но ведь голос издали подчеркнул, что их не вернули к жизни. А потом, наверно...— Вася вдруг вспомнил что-то свое и поперхнулся.— Значит, они в корабле.

— А где тот корабль? — каким-то неестественным голосом вдруг спросил Ану.— И как можно установить, что погруженные в обездвиженный анабиоз члены экипажа корабля все еще способны вернуться к жизни?

— Не знаю... Со мной, например, был случай, когда мамонт ожил через несколько тысяч лет.

— А это — миллионов.

— Но мамонт не обездвиживался...

И тут впервые в разговор вступил Юрий. Он сказал торжественно и громко:

— Вот это были люди!

— А если бы нашли корабль,— опять вмешался Ану,— и оживили членов его экипажа, мы бы сказали: «Вот это будут люди!»

Юрий недоверчиво посмотрел на него, но смягчился и усмехнулся.

— До чего же все странно — прошлое, оказывается, может быть будущим, а будущее — прошлым. Все может перепутаться. А вот как распутать?..

Все трое замолкли, раздумывая о тех событиях, которые произошли и с ними и с теми, историю которых они только что слышали. Таинственно лучился блесками океан, горели яркие звезды, ворочались и посапывали Шарик и крокодил.

Внезапно Шарик проснулся, тревожно поставил уши торчком и застыл. Вслед за ним по каким-то своим законам тревогу уловил крокодил и тоже приподнял голову и прислушался.

Машина неслась над водой, почти прижимаясь к

ней. Шарик приблизился к окну, заглянул в него и нетерпеливо, испуганно взвизгнул. Юрий обернулся.

— Ты чего?

Собака опять ткнулась носом в окно, к ней подполз крокодил. Оба они заглядывали в окно и ерзали.

— Послушайте, в океане что-то происходит...— сказал Юрий.

— Что тут может происходить — такая тишина и такой покой! — махнул рукой Вася.— Давайте лучше обсудим...

— Подожди! — властно остановил его Ану.— Мне тоже не нравится поведение крокодила.

Он заглянул в окно и вдруг вскрикнул.

Там, за окном, медленно и неотвратно как бы набухал и поднимался ввысь темный горизонт. Это было необыкновенно, странно и, должно быть, поэтому страшно. Горизонт неся навстречу машине, растекался по сторонам и тянулся к недобро изменившимся, словно поблекшим звездам.

— Черный свет! — в ужасе шепнул Вася.

— Ерунда...— не совсем уверенно процедил сквозь зубы Юрий и тут только заметил, как крепко он вцепился в сиденье.

Машина тоже среагировала на приближение опасности. На ее пульте вспыхнула и пробежала россыпь огней-сигналов, потом они погасли.

Машина приостановила свой размеренный лёт и заплясала над волнами.

— Ану! — закричал Юрий и бросился к пульту.

Ану тоже наклонился над пультом. Его тонкие длинные пальцы неуверенно прошлись по кнопкам и тумблерам, но нигде не остановились. Он не знал, что нужно предпринять в таком случае. У него не было роботов, с помощью которых он решал все сложные вопросы. И он растерялся.

Горизонт уже поднялся вверх — беззвучный и могучий — и заслонил собой сияющие в вышине звезды. Черная, неотвратимая, матово поблескивающая стена неслась на везделет, и теперь требовались мгновения, чтобы спастись от нее.

Но этих мгновений не нашлось. Машина ударила об упругую черную стену и запрокинулась. Соскользнули со своего заднего сиденья крокодил и с испугу заскуливший Шарик. Ребята повалились друг на друга. И длинные смуглые пальцы Ану невольно, чтобы уцепиться хоть за что-нибудь и удержаться, прошли по всему пульти.

С этого мгновения все пошло кувырком.

Черная неотвратимая стена навалилась на машину, поглотила ее и стала швырять из стороны в сторону. Сквозь прозрачные стекла и верх машины было видно, как мимо проносятся какие-то странные светящиеся предметы. Иногда о стенки что-то стучалось и билось.

Разобраться в том, что происходит и куда летит кувыркающаяся машина, не представлялось никакой возможности. Люди, Шарик и крокодил то сталкивались, то разлетались в разные стороны, то опять сплетались клубком. Сколько длилось это беспорядочное падение, так никто никогда и не установил — не до этого было.

Постепенно машина выровнялась.

■

Поначалу никто не понял, где они находятся и что с ними происходит. За окнами была жуткая фосфоресцирующая темнота.

Первым догадался Юрий:

— А ведь мы идем ко дну...

И в самом деле, машина не спеша, но неукосни-

тельно скользила в этой жуткой черноте вниз и вниз. Чернота вокруг становилась все плотней и нестерпимей. Океанская вода казалась плотной и маслянистой.

— Похоже...— глубокомысленно протянул Вася и вдруг стал зевать — неудержимо и сладко.

В перерывах между зевками он судорожно глотал воздух и пытался что-то сказать, но произнести ничего не мог.

— Тебе плохо? — бросился к товарищу Юрий.

Вася пожал плечами, хотел было что-то сказать, но вместо этого промычал нечто несуразное и развел руками.

Шарик подполз к нему по сиденью, обнюхал и из сочувствия лизнул Васю в щеку. Наверно, вкус щеки ему не понравился и, возможно, даже испугал его, потому что Шарик задрал мохнатую морду и стал тихонько и безнадежно скулить.

— Что с ним делается?—тревожно спросил Юрий.

Но Ану тоже был растерян и ничего не понимал.

— Может быть, это от страха?

Однако Юрий не мог себе представить, чтобы Вася мог испугаться до зевоты. Он не такой человек, чтобы струсить до такой степени. Но есть Шарик. Шарик-то старый, испытанный в космических путешествиях друг. Почему же и он вдруг стал зевать и завывать?

Только один крокодил устроился на полу между сиденьями, свернул хвост на сторону, голову положил на пол и опять задремал.

— Нет, Ану, это не от страха, это от чего-то другого. Может, им кислорода не хватает? Может, у них начинается азотное отравление?

— Это еще что за отравление? — почему-то рассердился Ану.— Азот содержится в воздухе, которым мы дышим, но мы же не отравляемся.

— А на морской глубине бывает как раз азотное

отравление,— упрямо сказал Юрий.— Я читал. Азот растворяется в этом... в крови... И вот...

Но что именно происходит с водолазами и аквалангистами на глубине и что такое азотное отравление, он так и не вспомнил, и Ану сказал:

— Но мы ведь тоже дышим тем же воздухом и... не зеваем.

Против этой очевидности спорить не приходилось, и Юрий рассердился. Он посмотрел на воющего Шарика и вдруг закричал:

— Ты-то чего развылся? Тебе-то чего нужно?

Шарик недоуменно покосился на хозяина и уже набрал воздуха, чтобы завывать снова, но Юрий прикрикнул:

— А ну замолчи, тумус несчастный!

Что такое тумус на языке голубых людей, Шарик знал отлично. И поэтому обиделся — ни дураком, ни ненормальным он не хотел быть. Да и никогда не бывал. Поэтому он укоризненно посмотрел на Юрия, словно хотел сказать: «Неужели тебе не жаль товарища? Он же зеваает. А я хоть чем-нибудь да помогаю ему. Ты же только орешь. Да еще и оскорбляешь».

Конечно, в другое время и в другой обстановке Юрий понял бы этот укоризненный собачий взгляд, и ему, как и всякому хорошему человеку, стало бы стыдно перед собакой. Но сейчас Юрий был возбужден и деятелен. Происходило нечто невероятное, и ему приходилось думать за всех и решать за всех: Вася зевал, Шарик выл, а Ану явно растерялся. Поэтому он не обратил внимания на этот собачий укоризненный взгляд и крикнул:

— А ну марш на место! Не крутись под ногами!

Шарик покорно спрыгнул на пол, устроился рядом с крокодилком. Все это он сделал так, будто хотел сказать, что он очень обижен в самых лучших чувствах и если Юре захотелось сорвать на нем свою злость,

так пусть он теперь пеняет на себя. Лично он, Шарик, никакого отношения к происходящему иметь не хочет. Его дело собачье: заставят — будет лаять.

Но Юрий уже не мог сдерживаться. Он откровенно рассердился на Васю и, собрав всю свою волю, закричал:

— А ну прекрати зевать! Нашел время!..

Вася как раз растянул рот в сладкой зевоте. И когда Юра закричал, он вздрогнул, возле уха у него что-то тихонечко хрустнуло, и некоторое время он смотрел на товарища, все еще не закрывая широко открытого рта. Потом закрыл рот и вполне внятно и спокойно сказал:

— Сам не пойму, что со мной случилось.— И тут же икнул: — И спать... ик... не хочется... ик. А все равно... ик...

Вася примолк, словно прислушиваясь к самому себе, и поднял на Юрия растерянный взгляд. Посмотрел и беспомощно, обреченно икнул. Юрий взглянул в его глаза и вдруг резко ударил друга по плечу. Вася вздрогнул и прекратил икать.

— Ничего не понимаю,— сокрушался он.— Может, это оттого, что я когда-то замерзал? Может, у меня с нервами не все в порядке?

— Слушай, брось ты эти нервы, не думай о них! Тут такое дело...

— Да я и сам понимаю, но мне кажется...

Вася снова замолк, опять прислушиваясь к самому себе, словно ожидая, что он опять начнет или зевать, или икать. И это ужасно не понравилось Юрию.

— Слушай, ну прекрати! — взмолился он.— Тебе кажется, а мы врежемся в океанское дно.

— Нет, и в самом деле прошло,— облегченно вздохнул Вася.— Так вот, мне кажется, что Ану выключил всю аппаратуру машины.

— Послушайте, Вася...— возмущенно начал было Ану и стал приподниматься с сиденья.

— Нет, нет, это не нарочно. Просто, когда нас тряхнул черный свет, вы невольно провели рукой по пультам и разладили всю систему. Сами посмотрите.

И они посмотрели на пульт, на россыпь тумблеров, выключателей и кнопок. Они и в самом деле были включены и выключены в полном беспорядке.

Ану побурел — таким становилось его смуглое лицо, когда он краснел,—и стал быстро восстанавливать сбившееся управление. В машине что-то сдвинулось, что-то загудело, и она замедлила свое безостановочное движение все вниз и вниз.

— Послушайте, а что это было? — спросил Вася.

И все поняли его, вспомнив жуткую черную стену, надвигавшуюся на них.

Юрий не совсем уверенно предположил:

— Может быть, цунами...

— Чего-чего?

— Цунами. Это когда в океане случается землетрясение или, можно сказать, моретрясение. Словом, когда в океане происходит извержение вулканов, по воде идет огромная и могучая волна. Японцы называют ее цунами. Она может смыть целые острова и даже города.

Ану покивал.

— Я слышал о цунами по радио. Это действительно жутко — полная тишина, и вдруг неизвестно почему и откуда взявшийся вал океанской воды.

— Особенно ночью.

— Да... И в самом деле похоже на черный свет. Видишь что-то черное, и в то же время оно как будто светится.

— Так это оно светится,— поморщился Юрий.— А черный свет сам освещает.

— М-да... Возможно, в этом разница.

— А ты можешь себе представить, какой на самом деле может быть черный свет? — спросил Вася.

Юрий ответил не сразу. Он вспомнил все, что он видел в прошлом, и твердо сказал:

— Могу. Это когда помотришь на солнце, а потом вокруг. В глазах черным-черно, а в то же время все вокруг невероятное: трава не зеленая, а красная, вода не синяя, а радужная. Ну и все такое...

— Ну так это когда на солнце... И вообще довольно рассуждать. Нужно действовать. А то мы и в самом деле врежемся в океанское дно.

III

Внезапно машина остановилась и словно затанцевала на одном месте. По окнам, по ветровому стеклу, по прозрачной крыше быстро, извиваясь и переплетаясь, заскользили какие-то странные не то змеи, не то водоросли. На их живых отростках то сужались, то раскрывались, как мелкие цветы, жадные, нервно вздрагивающие присоски.

— Осьминоги! — прошептал Вася.

— Или кальмары! — ответил ему тоже шепотом Юрий.

Опять стало жутко, и Юрий подумал, что Вася снова начнет икать и зевать. Но ничего подобного с ним не произошло.

Казалось, что машина запуталась в бесконечном скопище морских хищников. Они подплывали строем, ощупывали машину, заглядывали в стекла страшными, странными, круглыми, ничего не выражающими глазами и снова отплывали. А на их место становились другие. И каждый раз новые пришельцы были побольше ростом и щупальца у них были длиннее, а присоски на них мощнее.

Было в этом их медлительном, безмолвном сколь-

жении нечто и отвратительное и в то же время смешное — такими важными и самоуверенными казались эти существа, так строго они соблюдали старшинство.

Но неожиданно кальмарья степенность исчезла. Они заметались и стали исчезать в слабо фосфоресцирующей массе воды. Машина вздрогнула. На нее легли огромные, толстые щупальца. Они охватили машину, их присоски накрепко впились в стекла. В ветровое стекло заглянули немигающие глаза, взгляд которых заставил людей невольно опасно отодвинуться от ветрового стекла.

И почему-то именно в эту секунду заворочался крокодил. Он неуклюже, царапая когтями сиденье, выполз вначале на заднее сиденье, а потом перевалялся на переднее.

Делал он это медленно, неторопливо и не всегда удачно — несколько раз соскальзывал.

В это же время гигантский, в несколько тонн, а может быть, и в несколько десятков тонн весом, кальмар все давил и давил своими страшными щупальцами на машину. Присоски расплющивались и выделяли липкую, вероятно ядовитую, жидкость, но, естественно, сделать хоть что-нибудь с машиной не могли. И хотя каждый видел, какие огромные усилия прилагал кальмар, чтобы раздавить своего врага, глаза его были спокойными и совершенно бесстрастными.

И все-таки машина медленно, вначале незаметно, но поддавалась усилиям кальмара. Она стала скользить в глубину. Вероятно, морской хищник этого и добивался — он хотел увлечь ее как можно глубже, чтобы страшное давление толщи воды раздавило его врага.

— Что он делает? Чего он добивается? — шепотом спросил Ану.

— Не знаю... — тоже шепотом ответил Юрий. — Читал, что кальмары живут огромными стаями на определенной глубине и киты, особенно кашалоты,

ныряют в глубину как раз за кальмарами. Ведь есть киты, которые питаются в основном кальмарами. Ну ясно, кальмары тоже борются со своими врагами. Они обхватывают китов и стараются увлечь их на глубину и там подержать подольше. Кит не может долго жить без воздуха. Ведь он животное, а не рыба. И если он не вырвется из щупалец вот такого кальмарища, он погибнет — задохнется.

— Значит, ты думаешь, что кальмар принял нас за кита?

— А за кого же еще? Космических вездехотов он наверняка не видал.

И пока они обсуждали сложившуюся обстановку, машина все быстрее скользила вниз. Следовало что-то предпринять, но что именно, еще никто толком не представлял. Ану все еще разбирался в том беспорядке, что он случайно сотворил на пульте управления.

И вот тут-то крокодил наконец взобрался на переднее сиденье, утвердился и уперся передними лапами в пульт управления. Сидевшие справа Юрий и Вася и колдовавший слева Ану с недоумением покосились на крокодила. А он не обращал на них внимания. Он уставился в огромные бесстрастно жуткие глаза кальмара и стал медленно разевать свою зубастую пасть.

Что-то дрогнуло в глазах кальмара. В них мелькнуло выражение недоумения, а может быть, даже страха. Клюв дернулся, и щупальца стали двигаться по обшивке машины. Крокодил не двигался. Он только смотрел в страшные глаза кальмара и то разевал, то прикрывал пасть.

Представить себе, что кальмар испугался такого крохотного по сравнению с ним крокодила, казалось невозможным. Однако кальмар отступил. Он оторвал щупальца от стекла и медленно «растворился» в темной толще воды. Может быть, в клетках его огромного тела еще жила память о тех временах, когда

предки кальмаров боялись огромных бронированных предков крокодилов? Кто знает... Ведь никто так и не узнал, почему совсем не испугавшийся Вася то зевал, а то вдруг икал...

Много еще не разгаданных учеными тайн существует вокруг нас.

IV

Но времени разгадывать загадки у ребят не было. Они спешили домой. А для этого им требовалось вырваться из подводного плена.

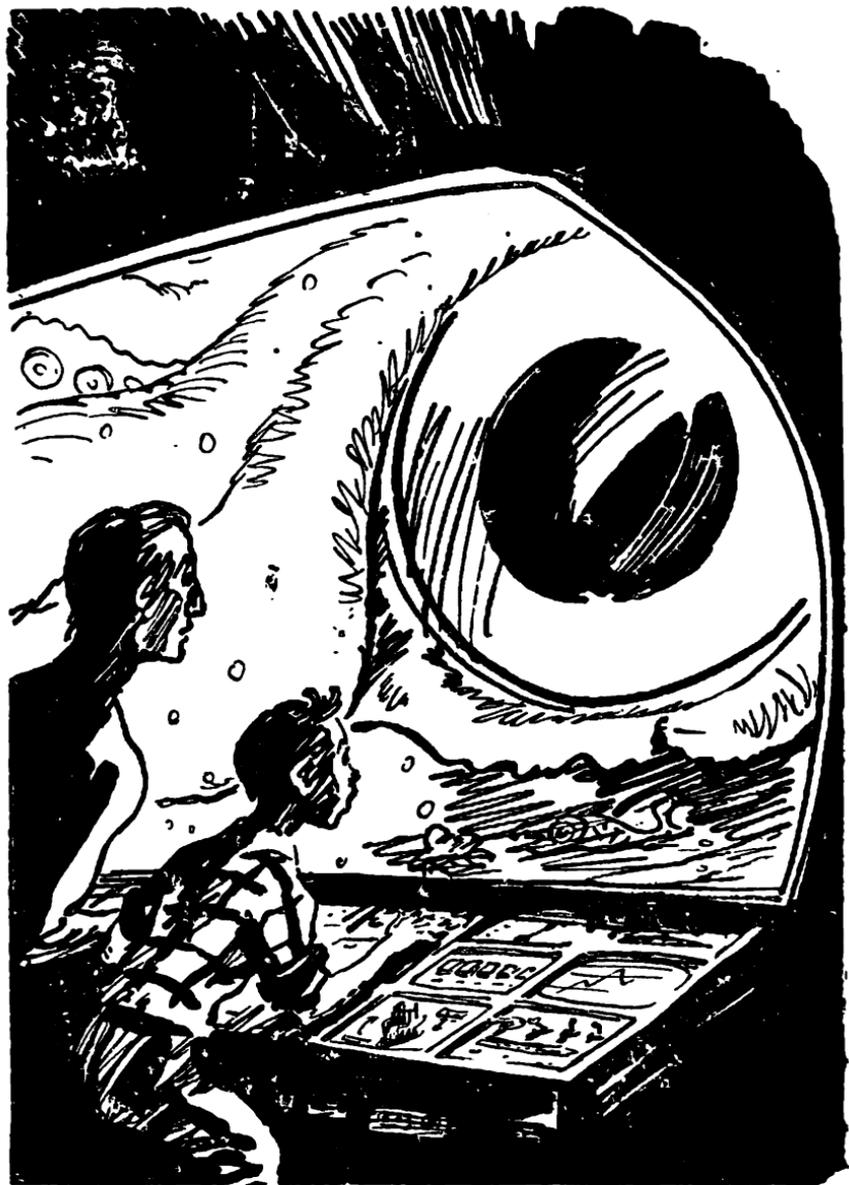
— Ну положение! — с облегчением вздохнул Юрий. — У вас как, Ану, все в порядке?

— Роботы независимого управления сделали все необходимое... — не совсем уверенно сообщил Ану. — А я, кажется, нашел систему управления машиной в подводном положении. Так что можно начинать всплытие.

— Может, может... — мечтательно протянул Вася, — может, мы поплывем в подводном положении? Ведь такое когда увидишь...

Юрий посмотрел через стекла машины. В темноте слабо лучились неясные очертания не то животных, не то рыб, иногда вырисовывались силуэты кальмаров и других, незнакомых им обитателей подводного царства. Они то медленно плыли вокруг, то стремительно проносились мимо. И Юре тоже отчаянно захотелось подольше побыть в этом неведомом большинстве живущих на Земле мире. Но тут он заметил странное движение.

Впечатление было такое, словно в черной толще воды появилась какая-то новая, еще более черная и потому не столько видимая, сколько угадываемая струя. Она как бы обтекала машину по эллипсу и пропала в черноте.

Машина вздрогнула. На нее легли огромные, толстые щупальца.

— А много ли здесь увидишь?..— ощущая смутную тревогу, протянул Юрий.— Может быть, поднимемся повыше?

— Можно,— согласился Ану и, переключив тумблерок, нажал на педаль подачи энергии.

Машина стала медленно подниматься вверх.

Никто бы не сказал, что вокруг посветлело, все та же чернота, но в ней стало больше просветов, световых пятен— смутных и размытых. Все чаще мимо проплывали и проносились подводные жители, не обращавшие особого внимания на странную машину: плавают, ну и пускай плавают. Мало ли что бывает в океане. На все не насмотришься. Но смутное ощущение тревоги все сильнее овладевало Юрием, и он все пристальней вглядывался в толщу воды. А когда вгляделся, то снова увидел ту черную струю, которая однажды почудилась ему.

Пожалуй, впервые ему стало страшно. Почему, он не знал. Он даже не знал, откуда взялась эта странная черная струя, что медленно, могуче огибала машину по эллипсу. И он робко спросил:

— Послушайте, а почему бы нам не включить свет?

— Можно,— согласился Ану и повернул тумблерок.

Яркий луч света врубился в океанскую толщу и высветил окружающее. Оно сразу стало огромным и плотным. Стаи разноцветных рыб, клубящийся планктон, морские змеи и коньки, медузы и кальмары и еще сотни неизвестных жителей морских глубин закружились и заплясали в резком свете прожектора.

— Смотрите! — вскрикнул вдруг Ану и указал рукой туда, где луч света как бы растворялся в толще зеленоватой воды.

Там, на границе света и тьмы, медленно и важно

двигалось гигантское тело морской змеи. Плавно извиваясь, оно как бы окружало собой и луч света и машину.

О длине змеи можно было только гадать, потому что ни головы, ни хвоста ее никто не видел—они пропадали в темных, неосвещенных слоях воды. Отчетливо виднелись лишь не то гребни, не то шипы на спине да бахрома на более светлом, розовато-блеклом брюхе. А само тело казалось буровато-зеленым, но иногда на нем вспыхивали и гасли недобрые алые или багровые огоньки. Впрочем, это могли отсвечивать всякие морские паразиты, путешествующие на огромном теле морского чудовища.

В тот момент, когда ребята гадали, во сколько раз—в семь или в десять—тело змеи толще самого толстого дуба, до сих пор медлительное чудовище неуловимо и стремительно дернулось всем телом и исчезло, чтобы через секунду навалиться на машину. Она дрогнула и подалась в сторону. Змея обвила ее кольцом и стала давить, как давила анаконда свою жертву. И тут впервые за все время необыкновенных происшествий ребята и Ану услышали, как их великолепная, ничего не боящаяся, летающая, бегающая и плавающая машина жалобно «запищала». А ведь гигантское тело морской змеи, закрыв собой все боковые стекла и нависшее еще и по бокам, кажется, и не напрягалось как следует. Что же произойдет, если змея нажмет изо всех сил?..

В одно мгновение мелькнула у Юрия мысль: настал тот самый случай, когда они обязаны обороняться от злой и нерассуждающей силы.

— Плазменная защита! — заорал Юрий и бросился к тумблеру со снопиками молний.

И его никто не задержал, потому что каждый понимал—их жизнь решают, быть может, доли секунды.

Юрий щелкнул тумблером, и машину залил зеленовато-багровый, зловещий свет плазмы. Вокруг заклокотало и забурило, как в перегретом котле. Огромное тело змеи распалось, а машина, подхваченная могучим, как взрыв, потоком мгновенно выделившегося и все время выделяющегося перегретого пара, как пробка, помчалась вверх и взлетела высоко над водой.

Юрий не растерялся. Он выключил плазменную защиту и нажал на те кнопки, которые переводили машину из состояния вездеплава в состояние везделега.

Машина послушно рванулась из океанской пучины и понеслась над водой, по которой подводный взрыв гнал волну — новое, вызванное ребятами цунами.

Спустя некоторое время газеты и журналы многих стран мира сообщили о сильном извержении подводного вулкана в ранее спокойном центральном районе Тихого океана. Позднее ученые спорили об этом явлении и даже утверждали, что рождается очаг вулканической деятельности с высокой радиоактивностью.

v

Но все это произошло значительно позднее, а в тот момент, когда машина наконец вырвалась из водяного столба и помчалась на запад, никто из ее пассажиров не успел как следует ни о чем подумать. И только через несколько километров, когда Ану осторожно перевел машину в горизонтальный полет над волнами, в машине раздался странный звук:

«А-а-о-оу-ууа».

Ребята оглянулись назад и увидели широко раскрытую пасть крокодила. Окончив свою невеселую

Машина, подхваченная могучим потоком, как пробка, взлетела высоко над Землей.

песню, он звонко клацнул зубами. Ребята переглянулись, а крокодил, повозившись, опять задрал морду, широко открыл пасть и пропел:

«А-а-о-оу-ууа».

Потом помотал башкой и клацнул пастью.

— Он зеваает! — удивленно и в то же время радостно, словно именно в крокодиле он нашел своего собеседника, сказал Вася.

— Не может быть, — не совсем уверенно возразил Юра, — крокодилы не зевают... — и вдруг ощутил непреодолимое желание зевнуть. Еще мгновение, может быть секунду, он сдерживался, но потом не выдержал и зевнул. Зевнул сладко, безудержно, почти с ужасом ощущая, что зевать, а тем более спать ему не хочется, но ничего с собой он поделать не мог.

Ану покосился на него и встревоженно спросил:

— Что с тобой? Не можешь сдержаться?

И вдруг неожиданно для себя зевнул сам безудержно и болезненно.

Вася растерянно и в то же время с улыбкой смотрел на них, пока не вспомнил, что он перестал зевать только после того, как Юра напугал его. А чем пугать их, которые уже все пережили?

Вася посмотрел в ветровое стекло, потом округлил глаза и закричал:

— Цунами!

Ану и Юра повернулись к стеклу, всматриваясь в окружающее, потом оглянулись на хитро улыбающееся лицо Васи и расхохотались.

— Надо же! — сказал Юрий. — И спать не хочется, а зеваешь... Почему это?

Ану поморщился.

— Ладно, ребята, поспите-ка вы лучше, а я посижу у пульта, подумаю, разберусь в схемах.

И удивительно: когда каждому стало ясно, что можно спать, ребята поняли, что больше всего они хо-

тят именно спать. Даже есть не хотелось. И впервые за все время знакомства они почувствовали настоящую симпатию к Ану — он заменял их, он давал им отдых.

Они устроились на сиденьях и быстро уснули.

Ану достал схемы и стал их рассматривать, сверяясь с тем, что было на пульте.

Когда ребята проснулись, они увидели белесое небо, свинцовую, отливающую зеленью воду и редкие льдины на ней. Юрий потянулся и мечтательно сказал:

— Поесть бы сейчас.

— Ну что ж,— улыбнулся Ану и стал доставать из-под сиденья свертки,— используем наши запасы.

Они ели холодное мясо дикой свиньи, заедали тропическими фруктами и вспоминали пережитое.

— Слушайте!— испуганно воскликнул Вася.— А вдруг нас опять засекут локаторы? Ведь будут неприятности.

— Н-ну знаешь, это все-таки свои. Достанется, конечно, но...

— Нет, Юрка, достанется здорово.

— Ну мы же не по своей вине.

— Отчасти и по своей,— настаивал Вася.— А что

нас засекут локаторы, а потом заставят сесть и... начнется воспитание...

— Исключено! — рассмеялся Ану.

— Почему?

— А потому, что все земные приборы обнаружения работают на принципе подслушивания или приема отраженных сигналов. Те, кто построил эту машину, учли это. Шума мы не издаем, вернее, издаем, но специальный прибор превращает его, трансформирует, в инфразвуки, которые не воспринимаются имеющимися на этой планете приборами. И мы не отражаем чужих сигналов. Машина, оказывается, может их поглощать. Вот почему нас никто не увидит и не услышит.

— Послушайте, Ану, а как же нас засекали в прошлый раз на других границах? — спросил Юрий.

— Просто тогда я еще не знал вашей машины, всего ее оборудования. А теперь я разобрался в схемах и включил все защитные системы. Они обеспечат наши невидимость и неслышимость.

— Но ведь вы сами говорили, что нас засекали и у ракетносителя, и в океане и что поэтому к вам пожаловали парашютисты.

Ану смутился:

— Так я думал тогда, а теперь думаю по-другому.

— Как же?

— Я думаю, что вас никто обнаружить не мог — на Земле еще не та цивилизация, а вот мою приводную станцию засекали и ради нее сбросили парашютистов.

— Ану, но ведь это!.. — возмутился Юрий, но Ану перебил его:

— Не нужно упреков. Ведь я ошибся, а за ошибки не судят. Важно, что сейчас никто нас не засечет и не обнаружит. На всякий случай я решил заходить

с севера. Мало ли что может случиться. Лучше обойтись без неприятностей.

Ану не ошибся. Их никто не заметил, и они пронеслись над тяжелой водой и белыми льдами. Когда машина оказалась неподалеку от устья большой реки, Ану смело развернул ее и пошел прямо по реке. Парнишки примолкли. Справа и слева мелькала уже родная земля. Суровая, хмурая, но... родная. Некоторое время машина неслась как раз над стрежнем, все дальше и дальше углубляясь в разлив великого Азиатского материка. Когда по расчету всем показалось, что они ушли достаточно далеко от побережья, решили сесть и отдохнуть.

Выбрали заросший тальником островок и осторожно сели на него, вспугнув целую стаю диких гусей. Они обиженно погоготали и уселись в заливчике, обсуждая случившееся — до машины доносился их горланый говор.

По обоим берегам огромной полноводной реки тянулись всхолмленные просторы тундры. В неверном свете тускло поблескивали озера, качивались на легком ветру исковерканные ветрами и морозами карликовые березки и кедры. Покрикивали невидимые птицы, и даже в этом тундровом безмолвии где-то далеко стучал мотор.

Подышали свежим воздухом, посовещались, попили прохладной речной водицы — сладкой и вкусной, может быть потому, что это была своя, родная водица.

И Вася, узнав знакомые картины, мечтательно вздохнул:

— Порыбачить бы теперь...

— Не время, — сухо ответил Ану.

Он заметно волновался, все время испытующе поглядывая на мальчиков.

Вася примолк, потом вздохнул:

— Интересно все-таки, а что тогда было со мной и куда делся мой верный мамонт Тузик?

— Какой это еще Тузик?

Пришлось заново пересказывать собственную невероятную историю, и Ану, подумав, сказал:

— Куда делся твой Тузик, я не знаю. Может быть, снова замерз и ждет очереди, чтобы оттаять. Но если принять во внимание, что происходило с каждым из нас и особенно с теми, кто побывал в Черном мешке, то лично я тебе полностью верю. Вполне вероятно, что здесь, в тундре, ты попал под какие-нибудь особые излучения, может быть, даже с какого-нибудь еще никому не известного космического корабля, и с их помощью, даже сам того не замечая, воспользовался парадоксом времени.

— Так для этого обязательно нужно двигаться.

— Ты в этом уверен?

— Н-ну, во всяком случае, все так считают.

— Не знаю! — отрезал Ану. — Я теперь ни в чем не уверен. Хотя нет, уверен в одном — мы все-таки слишком мало знаем. Прямо-таки катастрофически мало. Вот почему я и верю тебе. Заметь — я не объясняю, не придумываю, а просто верю. То, что произошло с тобой, вероятно, могло произойти с каждым.

— Выходит, машина времени может существовать? — спросил Юрий и почему-то застеснялся — ведь все теперь знают, что машина времени существовать не может.

— А почему бы и нет! — дерзко ответил Ану. — Что ей мешает существовать? Только людское незнание, неумение использовать законы окружающей материи и времени. Ведь, рассуждая логически, если мы можем обгонять время, то мы можем и отставать от него и, значит, уноситься то вперед живущего, то назад.

— Логически, конечно... — вздохнул Вася.

— Ну да, а тебе обязательно хочется, чтобы все

было сразу же и практически и чтобы все на свете ты сам понимал?

— Хотелось бы,— серьезно ответил Вася.

— Вот и познавай. А само по себе ничто не узнаётся. А я лично о том, чего не знаю, теперь не сужу, но, думая обо всем, что я услышал и увидел, мне кажется: то, что ты рассказывал о себе, вполне вероятно.

— И все-таки, все-таки все эти превращения времени не очень понятны,— вздохнул Юрий.

— Ну и что, мало ли чего еще не знают люди? Узнают! И если ты даже убедишься, что машины времени не может быть, это тоже хорошо. Полезно! — сказал Ану.

— Что же тут хорошего, а тем более полезного?

— А то, что ты убедишься в ошибке, докажешь ее и ни ты, ни другие не будут потом тратить на нее время. А время, сам видишь, самое главное в жизни.

— Значит, вы думаете, что мой Тузик все еще лежит замороженный вот в такой тундре и ждет, когда его разморозят?

— А почему бы и нет, что этому мешает? Жил мамонт, попал в беду, морозы его заморозили целенького, а потом при хорошем стечении обстоятельств он разморозился и ожил. Что здесь особенного? Ведь вам же объяснили, что в некоей прошлой или будущей цивилизации — теперь нам с вами в этом трудно разобраться — замораживаются, а потом возвращаются к жизни не только мамонты, но и люди. Сами ведь слышали... Да, уважаемые мои командиры, совершенно ясно пока что одно — знаем мы страшно мало. — Ану вздохнул и предложил: — Ну что ж, не будем терять времени — нужно взлетать.

Странно было слушать этого прожившего более двухсот лет человека иной цивилизации. Уж если он жаловался, что мало знает и мало видит, так что же

говорить им? Ребята только вздохнули и переглянулись.

В легких сумерках все еще длинного полярного вечера машина поднялась в воздух и помчалась к юго-западу. Чем дальше они летели, тем быстрее сгущались сумерки. И вскоре внизу и по сторонам замелькали огоньки неведомых поселков и городков, словно проклюнувшихся среди темной массы тайги, могучих рек и высоких гор. Потом пошли степи, потом снова леса и горы. И казалось, что никогда не закончится этот стремительный и бесшумный полет над огромной землей.

Но все приходит к концу. Пришел к концу и этот полет. Неподалеку от того самого карьера, в который было так приятно скатываться с кручи вместе с потоками белейшего песка, они встретили грозовой фронт. Он шел с юго-востока — темная, клубящаяся стена, непрерывно подсвечиваемая злыми торопливыми молниями. Они обогнали его сверху, нырнули вниз и тихонько, незаметно и скромненько приземлились у самого входа в оставленный ребятами карьер.

Ану нервно позевывал. Руки у него вздрагивали, и почему-то стало дергаться левое веко. Ребята и видели и не видели все это. В тот момент они не могли понять, почему волнуется Ану перед встречей с незнакомой жизнью. Ведь сами-то они ждали встречи с хорошо знакомой им жизнью и тоже волновались. Как-никак, а им могло достаться от родителей.

Не спеша они вышли из машины и взглянули в темное предзвездное небо, на котором лучились тусклые звезды. Сама гроза полыхала зарницами где-то еще очень далеко.

— Что же будем делать? — спросил Ану, осматриваясь по сторонам. Он вздрагивал от приречного холода и потирал голые коленки.

— Дождемся рассвета и полетим заявить о своем прибытии.

— А зачем ждать — можно лететь и сейчас, — предложил Вася. — Время и еще раз время!

— Нет, пожалуй, нам все ж таки лучше подождать, — сказал Ану. — Больше того, мне кажется, что вам вначале стоит прийти в город одним, без меня и без машины, и рассказать о том, что произошло.

— Так нам и поверят, — усмехнулся Юрий.

— Вот если не поверят, тогда вы пришлете Шарика, и я прилечу сам.

— Мне непонятно, — сказал Вася, — зачем это нужно? Лучше уж все сразу и все честно.

— Так кажется на первый взгляд. А если я просто побаиваюсь? — спросил Ану. — Если мне нужно успокоиться, привести себя в порядок?

Ребята не поняли Ану и недоверчиво переглянулись. Это рассердило Ану:

— Неужели вы не можете понять — я волнуюсь перед встречей с вашими людьми! Ведь я столько лет был, в сущности, один. И потом... Потом мне просто неудобно являться в таком виде. — Он похлопал себя по голым ногам. — И наконец, подумайте о тех, кто лежит сейчас в состоянии обезвоженного анабиоза. Вы открыли двери в корабль, пропустили в него воздух. Вы уверены, что бактерии и вирусы не проникли в камеры повышенной защиты — ведь корабль пролежал миллионы лет? Опускался вместе с сушей на дно морское, его заносило песком, и он снова поднимался. Так неужели вы не можете предположить, что металл, даже уплотненный во время путешествия в Черном мешке, претерпел кое-какие изменения? Это значит, что те, кто столько времени ждет воскрешения, подверга-

ются новой смертельной опасности! А ведь если вы подумаете, кроме меня, хоть немного разбирающегося в системе подобных кораблей, вернее, способного разобраться в них, никто не сможет им помочь.

Этот довод Ану оказался таким убедительным, что ребята совсем примолкли. О тех, кто лежал в корабле и ждал решения своей участи, и в самом деле они не подумали. А подумать стоило. Они сразу вспомнили ту согбенную фигуру у пульта управления, которая рассыпалась при одном только дуновении свежего ветра, при одном только вздрагивании пола под ногами ребят.

— А если я сейчас же, не теряя времени, начну изучение корабля, принципов возвращения из обезвоженного анабиоза и если у меня получится что-нибудь, мы возвратим людей к жизни. Мне не нужно говорить, что получит ваша цивилизация от возвращения к жизни специалистов целого космического корабля. Таких знаний, какие есть у них, нет во всех академиях вашей планеты, а возможно, и всей Галактики. Вот почему я считаю, что вам нужно делать свои дела, а мне — свои.

III

Как это ни печально, а Ану все-таки прав: следовало действовать, и действовать быстро и продуктивно.

Ребята попрощались с Ану и стали карабкаться по склону карьера. За ними понуро брел Шарик, то и дело оглядываясь назад, за Шариком поковылял было и Крокодил, но Ану остановил его.

— Не следует сразу выдавать то, что произошло. А крокодил вызовет лишний интерес у тех, кому до поры до времени не нужно знать ничего.

И ребята ради сохранения тайны оставили кроко-

дила вместе с Ану, а сами собрали пожитки, взвалили их на себя и поплелись домой.

Неожиданно Вася остановился и решительно сказал:

— Как хотите, а черную орхидею я возьму с собой.

Он вернулся к машине и взял цветок...

Даже в лесной таинственной и тревожной темноте этот необыкновенный цветок светился необыкновенно теплым, ласкающим светом и потому, должно быть, на душе мальчиков стало спокойней.

Светало. Посверкивала зарницами приближающаяся гроза, и поэтому в лесу было тихо и жутко. Ребята прибавили шаг.

Было уже светло, когда они добрались до опушки и увидели свой городок — мирный, тихий, с редкими столбиками дымков, со спящими автомашинами и автобусами.

— А где же наши грибы? — невесело пошутил Юрий.

— Придется что-нибудь придумать.

— Придумаем, а потом?

— А что ж потом? Ведь здесь корабль и Ану; что и кто нам может сказать?

— Все равно. Неприятно возвращаться после таких приключений и сразу начинать врать.

— Ну, а если ты сразу скажешь то, что произошло, тебе поверят? Так что иди и придумывай, почему мы не нашли грибов.

Они расстались у Васиного дома, договорившись встретиться часов в десять, чтобы сразу идти в милицию и сообщить о своих необыкновенных находках.

Вероятно, все произошло бы именно так, как они и предполагали, если бы не ряд обстоятельств. Прежде всего оказалось, что Васиных родителей дома нет — они ушли еще с вечера на плотину. Вот почему

Вася отделался очень легко — никто не поинтересовался причинами задержки и почему он пришел без грибов. Он поел и прилег отдохнуть.

Труднее пришлось Юре. Бабушка прежде всего обрадовалась его возвращению, а потом, узнав, что грибов он не принес, возмущилась:

— Да что же вы там делали столько времени! Шлѣндали, шлѣндали, а вернулись с пúстым!

Тут проснулись родители, и мама, конечно, немедленно набросилась на отца:

— Вот видишь, к чему приводит твое воспитание! Мальчик пропадает неизвестно где, опаздывает и, главное, врет.

И хотя Юрий еще ничего никому не соврал и, значит, имел полное моральное право возразить и даже обидеться, он промолчал, потому что понимал: в таком огромном деле, как их, настоящий мужчина обязан проявить терпение и выдержку.

Отца заинтересовала фактическая сторона дела.

— А почему вы пришли на рассвете?

Честно говоря, вот этого варианта Юрий не продумал — объяснения такого раннего прихода у него не было. Но как всегда в трудных случаях, его немедленно выручила бабушка:

— Да ты посмотри, что на дворе делается. Там такая гроза идет, такие ужасы...

— Грозы испугались? — строго спросил отец.

— Не в том деле, что испугались, а в том...

— Да кто же грибы в грозу ищет? — опять вмешалась бабушка. — Они только через несколько дней после нее пойдут.

Но отца не очень удовлетворило бабушкино объяснение. Он поморщился и, процедив сквозь зубы: «Струсил», слегка шлепнул сына по затылку и сказал:

— Приводись в порядок. Скоро завтрак.

Незадолго перед завтраком дом неожиданно

вздрогнул. И вздрогнул так, что между досок потолка просочилась древняя труха. Бабушка перекрестилась и с пониманием дела пробормотала:

— Страсти-то какие, ба-атюшки!

Над городком прокатился запоздалый ворчливый гром. Потом, когда все сели за стол, дом вздрогнул снова, и снова издали докатились раскаты грома. И в то же время вдруг, по каким-то непонятным законам, все поняли — это был не гром, а нечто другое.

Отец подумал и сказал:

— По-видимому, взрывают перемычку плотины и заполняют водохранилище.

Юрий насторожился: какую перемычку, какое водохранилище? Но спросить об этом не успел — опять вмешалась бабушка:

— Боюсь я этих водохранилищ! Вода в погребках поднимется. Опять же, комары разведутся.

— Да полно, мама,— улыбнулся отец.— Наоборот, климат станет мягче. Водоохранилище его смягчит.

— Дай бы бог,— сказала бабушка, но, видимо, не очень поверила своему сыну.

В это время дом задрожал снова, издали донесся не гром, а словно подземный гул. Казалось, он идет откуда-то из подземелья — тяжкий, могучий и непонятный. Всем стало не то что страшно, а скорее не по себе, тем более что в комнате стало быстро темнеть от надвигающейся грозовой тучи.

За окнами пронесся первый порыв ветра, потом второй, третий... В коридорчике хлопнула дверь, вошел Шарик, которому совсем не хотелось в одиночестве встречать грозу.

Грохотал гром, сверкали молнии, с шумом и клекотом лились потоки спорого теплого дождя. Постепенно светлело, и бабушка, приготовившись к самоучу страшному, облегченно отметила:

— Кажется, пронесло.

— Кого пронесло? — спросил Юрий.

— Грозу. Стороной, видать, прошла, нас только крылом задела. Вот теперь жди грибов. Теперь грибы пойдут.

Родители ушли на работу, и Юрий осторожно спросил у бабушки:

— Какую перемычку рвали? Какое водохранилище?

— А ты будто не знаешь? — подозрительно покосилась бабушка.

— Откуда же мне знать? Меня же не было.

Бабушка что-то прикинула в уме, отчего у нее на носу пошевелились очки, и наконец решила:

— Правильно. Это без тебя было. Милиция тут ходила и строители со станции, с этой... — бабушка кивнула куда-то через плечо, — с электрической. Ну вот, предупреждали, что будут взрывы, чтоб не пугались, дескать. Будут заполнять это самое... — бабушка опять кивнула через плечо, — водохранилище.

По крыше стучал неторопливый дождичек, и Юра вдруг понял, насколько он устал. Болела каждая жилка и каждый мускул, а глаза слипались. Он присел на диван, облокотился на валик и сразу же уснул. И кто его обвинит, если все это произошло после грозы, под убаюкивающий шум летнего дождя.

IV

Проснулся он оттого, что бабушка трясла его за плечо и шептала:

— Милиция к тебе пришла. Милиция... Слышишь! А ну вставай!

Юра вскочил, освободился от старенького одеяла, которым неизвестно когда его накрыла бабушка, и вскрикнул:

— А ну пришел?!

— Милиция, говорю, пришла. Натворил небось что, тогда лучше признавайся.

— При чем здесь милиция? — ничего не понимая, почему-то растерялся и рассердился Юра.

Бабушка нахмурилась:

— А это уж тебе виднее, к чему милиция.

На пороге показался участковый милиционер. А вслед за ним вошел совершенно незнакомый пожилой, лысеющий человек со слегка кривым носом.

— Проснулся? А мы к тебе, — сказал милиционер, протягивая руку. — Здравствуй!

— Здравствуйте, — не совсем уверенно ответил Юра, поднявшись с дивана и поправляя свой костюм.

— Вот, знакомься, тоже заядлый грибник. А я, понимаешь, выяснил, что ты тут самый главный следопыт — все грибные места знаешь. А тут как раз гроза прошла, дождичек хорошо помочил — значит, грибы будут. Вот мы к тебе. Может, возьмешь нас с собой?.. В напарники...

Юра помолчал — он все еще не мог понять, зачем к нему пришли два взрослых человека. Особенно смущал тот, у кого был слегка кривой нос. Милиционер угадал это Юрино смущение и представил ему своего товарища:

— Ты не бойся. Он из редакции. Пишет. Ему все интересно.

Вообще-то, когда дело касается рыбалки, ловли птиц или грибной охоты, возраст или положение значения не имеют. В этих случаях все равны. А если человек из редакции — тем более.

Юрий молча смотрел то на милиционера, то на товарища из газеты. Мысли путались, он вдруг страшно заволновался.

— Знаете что, товарищ милиционер, — сказал

Юрий,— я вам все расскажу. Только вы слушайте — это очень и очень важно,— заторопился он.

Юрий до того разволновался, что его даже стала бить дрожь. И милиционер, заметив это, сделался строже и внимательней.

— Да ты сядь, сядь... И расскажи все по порядку. По порядку, говорю, расскажи.

— Вот в том-то все и дело, что мне как раз и нужно все по порядку. Тогда вы поймете.

Бабушка ахнула и раньше всех села на стул.

— Батюшки,— взмолилась она,— ну не иначе, как натворил что-то!

Юра махнул на нее рукой и попятился к дивану. Там они и сели: Юрка посредине, а двое гостей по бокам.

Уже когда Юрий стал рассказывать, почему Шарик понимал некоторые его команды, милиционер переглянулся с бабушкой и потрогал Юрин лоб, тот отмахнулся от него, как от мухи, а человек из газеты вынул из кармана пиджака красный блокнот, а из внутреннего кармана — шариковую ручку. Он все время смотрел на Юрия, а ручка так и летала по бумаге, и он, почти не глядя, только перелистывал страницы блокнота.

Потом, когда Юрий рассказал о находке, милиционер тоже посерьезнел и ловким, привычным движением передвинул с бока свою полевую сумку и, тоже не глядя, достал из нее бумагу и карандаш. Но когда Юра стал рассказывать обо всем, что с ними произошло в джунглях и потом, на обратном пути, оба — и милиционер и товарищ из газеты — перестали писать и только смотрели на него, а бабушка время от времени беззвучно всплескивала коричневыми руками и приоткрывала рот.

— А где же этот твой Вася? — вдруг строго спросил милиционер.

— Так он же сосед. Пойдемте к нему, пойдемте! — вскочил Юра и потащил за собой милиционера.

Милиционер посмотрел на газетчика, газетчик — на милиционера, и они пошли за Юрой. За ними, конечно, увязался очень скромный, даже как будто сучающий Шарик. Его-то можно было понять — после стольких приключений опять конура, вдоль и поперек знакомая улица.

Вася, оказывается, тоже спал, и его разбудили без труда. Он тоже просонья вспомнил Ану, а потом вскочил и растерянно посмотрел на милиционера.

— Слушай, я рассказал им все.

— Рассказать-то рассказал, — схитрил милиционер, — а вот вещественных доказательств нету.

— Как — нету? — обиделся Вася. — Как это — нету? А черная орхидея?!

И он показал на окно, где в стакане с водой стоял необыкновенный цветок.

Милиционер протянул было руку, чтобы дотронуться до цветка, но не решился сделать это — такой красивой была орхидея. Человек из редакции с завистью посмотрел и на цветок и на ребят и наконец решительно сказал:

— Нужно немедленно действовать. Пошли!

И они не то что пошли, а побежали к лесу.

Солнце уже стояло высоко, сильно парило, дышалось тяжело, и все вспотели. Но в лесу дохнуло прохладой, промытой хвоей и цветами. И главное, уже пробивался грибной запах. Когда оба взрослых вдохнули его, они приостановились и стали шарить глазами по сторонам, но потом вспомнили, зачем они пришли, и помчались дальше.

Юрий и Вася первыми выбежали на берег карьера, и оба растерянно остановились. Карьер был залит мутной, медленно и лениво переливающейся водой, на поверхности которой плавали деревья, пена и мусор. Все это кружилось и неторопливо передвигалось. И на том месте, где они нашли корабль, тоже была вода. Хуже того, те кусты, возле которых они когда-то складывали свою поклажу, плавали в воде. И те сосны, что обрамляли вырубку перед обрывом в карьер, плавали в воде и шевелили разлапистыми корнями.

И Вася и Юрий почему-то посмотрели вверх. И милиционер и газетчик тоже посмотрели вверх. Там шумели кроны мачтовых сосен. Но какие кроны! Они были ободраны, местами расщеплены и опалены каким-то страшным огнем. Он бил в них как бы сверху, потому что внизу, у подножия, сосны оказались совершенно целенькими.

— Улетел! — выдохнул Юра.

Ноги у него подкосились, и он сел на опаленную жесткую траву.

Вася поморгал, поморгал и стал вытирать навевшуюся слезу.

Милиционер походил, потрогал сосны и, вынув из своей сумки протоколы, стал их заполнять.

Газетчик поднял обломанный неведомой силой сук и острым концом с силой швырнул его в воду, как, должно быть, бросали острогу воины из племени Черной орхидеи. Сук, булькнув, ушел под воду и не показывался довольно долго. Газетчик поднял второй сук и пошел по берегу новенького водохранилища, или бывшего старого карьера. Когда он бросил второй сук, тот воткнулся в неглубокое дно и задрожал над поверхностью воды.

— Все ясно,— глубокомысленно сказал газетчик.— Там действительно глубокий провал или промоина.

Он вернулся, тоже сел на траву и достал свой красный блокнот.

Вася и Юра переглядывались, отлично понимая, что творилось в душе каждого.

Что же произошло с Ану? Неужели он предал их, решив удрать с Земли во Вселенную? Но ведь он понимал, что ему не удастся добраться до своей планеты Саумпертон: на это ему не хватит жизни. Значит, случилось несчастье. Ану перепутал какие-то важные кнопки или тумблеры—ведь он забыл слишком многое, и корабль вырвался из земного плена. А потом...

— И все-таки он погибнет в космосе,— с горечью сказал Вася.

— А вдруг... вдруг ему удастся вернуть к жизни экипаж корабля?

— А что тогда?

— Специалисты возьмут на себя управление и возвратятся на Землю.

— А почему ты думаешь, что они вернуться?

— Видишь ли... Просто слишком много прошло времени, чтобы их цивилизация не изменилась. Они в ней будут чужими, а у нас они станут своими.

— Мне тоже кажется, что они вернуться,— серьезно сказал работник газеты.— Ведь Ану расскажет им свою историю.

— Они должны вернуться хотя бы для того, чтобы найти и освободить из болот разведывательный корабль Ану,— решил милиционер.— Таким добром не бросаются. Отремонтируют, и у них будут два корабля. А с такой материальной частью можно начинать подготовку к новым путешествиям.

В это время бродивший по берегу Шарик уставился в какую-то точку на бескрайней равнине водохра-

нилища, поднял косматую голову и завыл. От этого всем стало не по себе. Но точка вдруг стала приближаться и возле берега превратилась в зубастую морду крокодила. Некоторое время Шарик и крокодил смотрели в глаза друг другу. Наверно, они понимали друг друга, потому что крокодил вдруг шумно вздохнул и, хлопнув хвостом по воде, поплыл к плотине.

— Даже если бы я не верил вам раньше,— сказал работник газеты,— то теперь я просто обязан вам верить. Крокодил есть крокодил. Реальный факт.

— Но почему же Ану смог улететь? И главное — как? — спросил Вася.— Ведь горючего на корабле было очень мало.

Работник газеты обнял Васю за плечи и доверительно сказал:

— Честно говоря, в школе я никогда не имел больше тройки по физике. Но ты вспомни, ведь Оор, жертвуя собой, надеялся, что постепенно радиоактивное горючее сможет восстановиться. Почему ты думаешь, что этого не произошло?..

Они еще долго стояли на берегу нового водохранилища, а потом медленно пошли домой, каждый думая о своем. Милиционер сказал на прощание:

— Бдительность вы потеряли, вот так все и получилось...

— Это конечно,— посетовал газетчик.— Но вся ваша беда в том, что у вас знаний маловато...— И тут же поправился: — Впрочем, для такого дела у кого их достаточно?

Было бы правильно сказать, что именно после этих слов и Юрий Бойцов и Василий Голубев вместе подумали: «Ах, как нам нужно учиться! Только на одни пятерки! И никогда не терять времени даром, а непрерывно наращивать свои знания, потому что во всем мире только одни знания дают настоящую силу».

Но у обоих такие мысли даже и не мелькнули. Они думали о крокодиле, который поплыл неизвестно куда, возможно даже в Каспийское море, на простор, к теплой воде. И им обоим почему-то захотелось не столько немедленно засесть за учебники, сколько поплыть вместе с ним, потому что оба они еще не были на Каспийском море, где, вполне вероятно, могло оказаться немало интересных вещей и новых приключений.

А вкус к приключениям они не потеряли, тем более что возвращение скитальцев Вселенной казалось им вполне вероятным.

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Глава первая</i>	
Самое страшное	3
<i>Глава вторая</i>	
Друг человека	11
<i>Глава третья</i>	
Да здравствуют бабушки!	17
<i>Глава четвертая</i>	
Конец операции «Неизвестность»	24
<i>Глава пятая</i>	
Скиталец Вселенной	29
<i>Глава шестая</i>	
Враждебные вихри	44
<i>Глава седьмая</i>	
Полет в неизвестность	52
<i>Глава восьмая</i>	
Племя Черной орхидеи	60
<i>Глава девятая</i>	
История Анабрадгономерата	75
<i>Глава десятая</i>	
И снова бой...	99

<i>Глава одиннадцатая</i>	
Шарик в разведке : : :	114
<i>Глава двенадцатая</i>	
Прыжок в небе : :	132
<i>Глава тринадцатая</i>	
Голос издалека : : :	137
<i>Глава четырнадцатая</i>	
Черный свет ; ; : : :	155
<i>Глава пятнадцатая</i>	
Дорога через океан : : :	183
<i>Глава шестнадцатая</i>	
Возвращение ; ; :	202

К ЧИТАТЕЛЯМ

Издательство просит отзывы об этой книге присылать по адресу: Москва, А-47, ул. Горького, 43. Дом детской книги.

Для младшего и среднего возраста

Мелентьев Виталий Григорьевич

ЧЕРНЫЙ СВЕТ

Ответственный редактор *Е. К. Махлаз*. Художественный редактор *Н. З. Левинская*.
Технический редактор *Г. В. Лазарева*. Корректоры *Л. И. Дмитриук* и *Е. Б. Кайрукшис*.

Сдано в набор 17/IV 1970 г. Подписано к печати 21/VII 1970 г. Формат 60×84/16.
Печ. л. 14. Усл. печ. л. 13,06. (Уч.-изд. л. 9,65). Тираж 100 000 экз. ТП 1970 № 568,
А06184. Цена 46 коп. на бум. № 1.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Детская литература» Комитета по печати при Совете Министров РСФСР, Москва, Центр, М. Чернявский пер., 1. Отпечатано с матриц фабрики «Детская книга» № 1, Москва, Калининским полиграфкомбинатом детской литературы Росглавполиграфпрома Комитета по печати при Совете Министров РСФСР, г. Калинин, проспект 50-летия Октября, 46. Заказ № 127

*В издательстве «Детская литература» вышли и
выходят в свет следующие научно-фантастические
и приключенческие книги:*

Коряков О.

СТРАННЫЙ ГЕНЕРАЛ

Роман о двух молодых русских рабочих, уехавших в Южную
Африку и принявших участие в англо-бурской войне

Пальман В.

ВОСТОЧНЫЙ КОРДОН

Повесть о борьбе с браконьерами на территории Кавказского
заповедника

Ройзман М.

ДЕЛО № 306

Сборник приключенческих повестей о работе советской милиции.

*Эти книги вы можете приобрести в магазинах
Книготорга и потребительской кооперации.*

*Скан, OCR, обработка
Mouisei 2018 г.*

Цена 46 коп.

В. МЕЛЕНТЪЕВ • ЧЕРНЫЙ СВЕТ